

75

ПОБЕДА!
1945–2020



ОБЩЕСТВО
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Работы ПОБЕДИТЕЛЕЙ и ПРИЗЕРОВ I степени

Творческого конкурса
«ДИАЛОГ ЭПОХ»,
посвященного 75-летней годовщине
Победы в Великой Отечественной войне

Авторские орфография и пунктуация в текстах сохранены.

Акула Дмитрий Игоревич,
Минское суворовское военное училище,
Республика Беларусь,
5 курс,

*Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

Юлия Друнина

Впервые я увидел её фотографию, когда мне было тринадцать... За окнами — май и огромные цветущие каштаны, которыми засажен сквер вокруг минского оперного театра. Рядом через дорогу ещё одно «почтенного вида» здание, в нём я учусь уже пять лет. Это Минское суворовское военное училище.

Весна бушевала яркими красками зелени, а на доске в классе была записана тема урока литературы, посвященная военной поэзии. Ничего удивительного: именно в такие дни в суворовском училище обычно проходит много различных мероприятий, связанных с праздником Великой Победы.

Я люблю поэзию, с удовольствием читаю стихотворения наизусть, иногда пою под гитару. Кстати, многие мои друзья-суворовцы увлекаются поэзией, вопреки распространенному мнению, что будущие офицеры - это реалисты в повседневной жизни, и они не так тонко чувствуют музыку поэтических строк.

Итак, урок по поэзии Великой Отечественной войны не был посвящен кому-то автору конкретно, а представлял собой своеобразный «дайджест» о поэтах-фронтовиках.

На доске висели портреты авторов: К. Симонов, М. Исаковский, А. Твардовский и кто-то ещё. И только один – женский, цветной, фотография датировалась 70-ми годами 20 века.

Слушал я тогда невнимательно, многое уже было знакомо: о творчестве А. Твардовского рассказывали на первом курсе, стихотворение К. Симонова «Жди меня» учил ещё в школе к какому-то празднику.

Особо заинтересовали те авторы, что были в военной форме: именно её суворовцы, сидевшие в классе, с интересом обсуждали с точки зрения ношения петлиц и знаков воинского различия. Фотография женщины на классной доске не «цепляла», но вот начался рассказ о поэтессе, я раскрыл учебник - и увидел совсем иной портрет: на чёрно-белой карточке молоденькая девчонка в военной форме, очень похожая на тех, которые приходят на наши уроки танцев, практически моя ровесница. Улыбнувшись,

как настоящий суворовец барышне с фотографии, начал читать стихотворения. Первое – «Зинка», а затем «Я только раз видала рукопашный, Раз наяву...»

С бравадой тринадцатилетнего мальчишки в военной форме прошептал соседу по парте: «Ну конечно, женщины всегда боятся, вот один раз увидела – и сразу же испугалась, другое дело – мужики...» И мой друг радостно кивнул в ответ, согласившись.

Часто так бывает, что случайно сказанное слово остаётся в душе навсегда. Особенно если оно вызывает «цепную реакцию» осознания и понимания жизненных истин. Несмотря на браваду, сочетания слов «война» и «страх» ошеломили меня своей правдивостью. Дело в том, что в моем представлении слово «война» всегда сочеталось с «героизмом», «атакой», «адреналином», «победой». А какой-то позорный «страх» оставался в стороне от этого героического слова. Наверное, именно тогда и начался мой внутренний диалог «с девушкой на фотографии». Мне хотелось доказать всем, и в первую очередь самому себе, что на войне нет места сомнениям, сожалениям, неуверенности: ведь с ними нет и не может быть Победы!

В наши дни большой популярностью пользуется мысль о личной «картине мира», которую мы рисуем в собственном сознании, создавая своеобразный шедевр из сложных переплетений идей, понятий, мнений, эмоций. Мне эта идея интересна еще, наверное, потому, что с детства увлекаюсь живописью и могу понять эту сложную метафору. Признаюсь, что сегодняшнюю мою «картину мира» можно сравнить с калейдоскопом. Встречи с интересными людьми, события, поездки, училищные мероприятия — всё это меняет восприятие жизни иногда с огромной скоростью. Это и понятно: становление личности, постижение законов бытия - всегда нелегкая задача для того, кому сегодня, как мне, только семнадцать.

Однако особое неизменное место в моей «картине мира» принадлежит рассказам деда, кадрового офицера. Я, к сожалению, не застал прадеда, участника Великой Отечественной войны, но информации о нём осталось много, и очень часто я соизмеряю свои поступки с его вероятной оценкой. Вот поэтому мне так хотелось поговорить с ними, моими любимыми офицерами, о войне, услышать о тех событиях что-то особенное, личное, как в строчках девушки в военной форме, которая искренне говорила о своих переживаниях простыми словами без метафор, делая их еще более жесткими и беспощадными.

Оба близких мне человека: дед и прадед – «видали рукопашный» бой не во сне, а наяву много раз, но очень редко говорили об этом. Вот, наверное, и

пришло время нашего диалога – разговора сквозь годы между теми, кто защищал Родину, и тем, кто только учится этому.

Но разговор с дедом получился коротким, хотя и содержательным. Он очень скупо вспоминал события в Афганистане (ну не любит он это делать!), как я не упрашивал. И на мой прямой вопрос о тех чувствах, которые он испытывал при рукопашной схватке, ответил, что было огромное чувство страха, перекрываемое свистом пуль и мыслью: «Я смогу, я должен, ведь со мной рядом мои солдаты, им тоже страшно, но вместе мы сможем, мы победим!» А потом вдруг рассказал о прадеде, своем отце, который в сорок первом защищал Москву. Он был военным летчиком, и, сражаясь в воздушном бою один на один с немецкими ассами, всегда повторял такие же слова: «Я смогу, я должен, мы победим!!!» Наверное, перед этим невероятным чувством долга, личной ответственности, понимания, что «никто кроме нас», ушел страх за собственную жизнь, оставляя место силе духа и истинному героизму.

Вот так неожиданно под влиянием поэтических строчек - «...кто говорит, что на войне не страшно...» - сложилась часть моей новой «картины мира» о войне. Очевидно, это называется словом «взросление», когда на место романтическому пониманию законов жизни приходит их реалистическое осмысление. Именно теперь цвета и краски на картине совершенно другие: серые, коричневые, словно выжженные огнем и страхом, болью неудач и потерь, заставляющие крепче сжать оружие и прошептать самому себе и врагу: «Я смогу...мы победим!!!» И маленькое стихотворение Юлии Друниной из школьного учебника – это тоже часть моей «картины мира» о войне, наполненное переживаниями двух боевых офицеров, героев разных войн и эпох, и одного будущего защитника Отечества, пока еще только суворовца.

Снова весна. За окнами училищных классов зацвели каштаны. Время пролетело так незаметно. Совсем скоро я буду стоять на плацу среди суворовцев-выпускников, которые пройдут торжественным маршем, подкинув в небо монеты (обязательный ритуал для выпускников военных училищ), и крикнут всей ротой: «Вот и всё!» Так начнется взрослая жизнь, которую я выбрал сознательно и ответственно, связав свое будущее с профессией офицера.

Да, многие скажут, что время изменило свой бег. Век высоких технологий подарил человечеству новый ритм повседневной жизни: на первый план выходят креативность, нестандартность решений, умение удивлять или развлекать толпу. И мой выбор профессии многим кажется неудачным: зачем с молодых лет брать на себя ответственность за жизнь людей, учиться воевать, подчиняться, принимать спорные неоднозначные решения, о которых когда-нибудь можно пожалеть? Да и вообще, можно жить

интересной жизнью художника, дизайнера, блогера, тусовщика... время быстротечно, а молодость пролетает как одно мгновение! Но не смог бы я принять другое решение, сделать иной выбор жизненной дороги, потому что наследник тех, кто семьдесят пять лет назад удивил мир Великой Победой, прошептал перед рукопашным боем слова: «Мне страшно, но я смогу...мы победим!»

Антоненко Наталья Сергеевна,
Волгоградский государственный университет, 1 курс

Август

*У каждого есть в жизни высота,
Которую он должен взять когда-то.
И если по дороге мы умрем,
Своею смертью разрывая доты, —
То пусть нас похоронят на высотах,
Которые мы все-таки берем.*

Михаил Львов

Сегодня жарко. Даже жарче, чем вчера, хотя казалось бы... Ветер злобно сечёт по лицу мелким песком. На зубах противно хрустит. Не отплеваться, не умыться, не спрятаться. Зеленый ЗИС с красным крестом на борту стоит чуть поодаль. Запыленные фары-глаза, кажется, устало прикрыты. Ничего, пройдёт не так много времени, и сами отмоемся, и тебя отмоем. Только подождать, только перетерпеть...

Мамаев Курган. Август. Небо ясное и пронзительно синее. Почему-то кажется, что такого синего неба я не видела даже в родном Крыму. Или видела? И в этой ли жизни... Там оно, у самой линии горизонта, сливалось с морем, а здесь неясной темной полосой темнеет где-то внизу Волга. Она велика, но от неё несёт тиной. Да и с морем её величие не сравнить.

Толстый слой пыли на еще утром черных сапогах просит порисовать на нём, написать какую-нибудь милую глупость. На секунду представляю, как буду смотреться в компании суровых взрослых мужчин. Я же не хочу показаться легкомысленной девчонкой! Ну и Устав, да... Куда уж от него. Вообще, сапоги – пожалуй, худшее, что пока со мной случилось. Они невыносимо тяжелы и натирают ноги. Это было ожидаемо: разница в четыре размера – это не шутки. Портянки спасают, но в них ещё жарче. Да и на вес они не влияют никак.

Сегодня что-то будет. Город внизу замер в ожидании. Наш орудийный расчет маскирует орудие. Недавно я, глядя на него, сказала бы просто: «Пушка». Сегодня могу с видом знатока рассказать, что это противотанковая пушка ЗИС-2, калибр 57 миллиметров. Двоюродная сестра нашего санитарного ЗИС-5, получается. Артиллерийский расчет – 5 человек. Нас в два с половиной раза меньше.

Кажется, что раскалённый воздух плавится и струями опускается на петлицы. Мне, кстати, еще повезло. Форма нашлась почти по размеру, а вот с сапогами... В общем, с сапогами сложилось не так благополучно. Но что поделаешь, меня никто не заставлял сюда идти. Пока все тихо, но внутренний голос подсказывает, что впечатление это обманчиво, а перспективы наши туманны. Представители противоборствующей стороны, которые засели где-то с другой стороны холма, жутко пунктуальны, а значит, не позднее половины пятого мы дадим бой. Часы показывают полдень, а стрелки бегут вперед, как ты их ни уговаривай.

Около четырёх наш ЗИС обгоняет колонну раненых. На борт никого не возьмёшь, машина проносится мимо, обдавая машущего руками старшину тучей пыли. На пригорке, где прячется наша 57-миллиметровая «малышка» (30 градусов вертикальной наводки, 57 горизонтальной), слегка дует ветер. Внизу красиво волнуются степные травы. Волнуюсь и я, но не столь изящно. Становится страшно, и страх этот только усиливается, когда я вижу выползающий напрямком на нас немецкий Штурмгешутц (его называют панибратски «Штуга», но от этого не легче. Эта «штука» огромна). Между рыжеватой машиной и нашей позицией – колонна раненых. Откуда-то справа выныривает небольшой броневедомитель, который ничего не может сделать. Это понятно всем, даже самой машине. Отсюда разворачивающиеся внизу события больше всего напоминают шахматную доску. Кони закованы в броню, пешки оказываются в самом горниле битвы... Хотелось бы думать, что мы как минимум ферзи, каска сойдёт за корону, но окружающая действительность очень быстро вытесняет подобные мысли.

С другой стороны вылетает лёгкий Т-38. Он кажется совсем крохотным, особенно в сравнении с «немцем». Видимо, от нас игрок в шахматы подобрался не очень талантливый. Слышен стрекот. Немецкий мотоцикл и пеший отряд. Интересно, уже есть половина пятого? Откуда-то справа выныривает наш расчёт с 45-миллиметровой противотанковой пушкой. Понятно, у немцев за доской тоже не гроссмейстер, не все идёт гладко. Наблюдая за происходящим внизу, не замечаю, что и наш расчёт уже всюду вступил в схватку. Нас двое вместо положенных пяти, но зелёная красавица покорно выполняет все пожелания первого номера, я подаю снаряды и

временами хватаюсь за «мосинку» (жутко неудобная винтовка). Вряд ли я кого-то достану там, внизу, но так легче: от меня, как будто, тоже зависит исход этого сражения.

Все происходит слишком быстро. Дымит подбитый Т-38. Разбита маленькая пушка вместе с героическим расчетом. В стороне, раскорячившись посреди дороги, стоит бронемашина. Где-то ещё трещат одиночные выстрелы, но наше орудие уже молчит. Мы не сдали Курган. Но мы его и не отсталяли.

Жарко. От сапогов невыносимо болят ноги. Но раз болят... Мы живы? Конечно. Живы все. И немцы (ростовчане и астраханцы, на самом деле), и наши. Цел танк. Немец Паша осматривает многострадальный мотоцикл. Мы обнимаемся с первым номером: моё боевое крещение, такое важное для нас обоих, прошло без потерь. Воюющие стороны выстраиваются друг напротив друга и дают залп в память о тех, кто погиб здесь много лет назад.

Август. 2019 год. Реконструкторы воссоздают войну. Над нами свистели пули, которые не могут убивать. Мы стреляли не снарядами, а световыми имитаторами. Мы заранее знали, чем закончится битва. Впереди золотятся купола церкви. Зовёт Родина-мать. Мамаев Курган зарастил раны, нанесённые ему войной. Кто-то скажет, что это глупые детские игры в войнушку. От ремня винтовки болит плечо. От тяжести сапогов ломит ноги. Ремень каски натёр подбородок. Это не игры. Это машина времени. Шанс почувствовать себя частью того великого, жертвующего собой ради твоего будущего поколения.

Август. 2019 год. Сапоги («ну куда от них денешься?»), танки, враги, пушки. Мне 20. Впереди вся жизнь. Зачем всё это? Потому что когда забываешь войну, она всегда возвращается. А она, воевавшая здесь в 1943, погибла не ради этого.

Аскерова Эльвира Мулкадаровна,
Череповецкий государственный университет, 1 курс

А ЧТО МЫ ПОМНИМ О ВОЙНЕ?

*Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

Юлия Друнина

"Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне," —
И, может быть, поэтому так странно
Назад смотреть, как будто бы во сне.

Покрыты пылью смертоносные года,
В которые историю вершили
Не господины и не господа —
Солдаты без лацканов на мундире.

За рядом лет метели и дожди
И письма в треугольниках к любимым:
"Ещё чуть-чуть, родная, подожди," —
И снова в бой с негаснущею силой.

Так и в Москве, за спинами солдат,
Под каменной недрогнувшей защитой,
Трудились жёны, матери — парад
Тех, чьи родные — каменные плиты.

Сквозь целый век смотреть назад,
Но знать намного больше:
О том, что вдруг отступит враг.
Нам в это верить много проще.

Мы много знаем о войне,
О том, что с болью в горле
Солдаты перебарывали страх,
Что ужас с лиц солдаты стёрли.

Пусть не были ни ты, ни я
Средь рукопашной грязной битвы,
Но помним кровью полные года
И место в них спасительной молитвы.

Нам повезло, что человек вчерашний
Заботой движим был не только о себе.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не помнит о войне.

Бабич Екатерина Ивановна,
Лицей № 22 «Надежда Сибири», г. Новосибирск,
9 класс

*У меня в глазах
Черный
Ладожский
лед,
Ленинградские дети
Лежат
на нем.
Александр Межиров*

Я еще не была
В те года,
Когда
Шла по миру она,
Война.
Но ночами
Память моя болит
И забыть не велит
Тот арбузный
Ладожский лёд,
Где колонна
Машин идёт.

Отливает на солнце
красным

Бомбой
взорванный путь,
И не выдохнуть,
Ни вздохнуть.
Этот ладожский лёд
В переносицу бьёт,
И пикирует
Бомбардировщик
С черной свастикой
На крыле
Прижимая меня
К земле.

А машины идут.
Не собьешься с пути:
Указатели –
трупы детей,
Боль и память
живых людей,
Боль и память
Сейчас живущих.

У меня в зрачках
Открытые
раны
Ленинградских детей,
От которых
Устала жизнь,
Которых
выбрала смерть.
И забыть
Об этом -
не сметь!

Усыпленные
пулеметным дождём,
Убаюканные
гранатой
На чёрном кровавом льду -

Маленькие
Ребята
В сорок втором году.
Навечно.
Внутрисердечно.

У меня в зрачках
Магистральный
путь,
на котором детям
Пришлось уснуть.
Ленинградские
мальчики и девчонки
на изрытом бомбами льду
тихо спят,
раскидав ручонки
В том военном
Проклятом году.
У планеты людей
На виду.

Господа,
Рискнувшие переписать,
Разрешите
У вас узнать,
Почём
Красный ладожский
лед?
Ленинградские дети
Лежат
на нем.
Ночью и днем,
Навечно.
Так по – детски
Наивно,
Беспечно.

Этот праведный
Путь

не вымарать,
Не зачеркнуть.
Он у всех,
Кто умеет любить,
Рваной раной
в душе
Уже.

Господа,
Кому было надо
Послать
Сквозь метель
Этих детей Ленинграда
Навстречу
Смертельному аду?
Беззащитных
Голодных детей?
Господа, эти дети
В списках ваших судей.

У меня в зрачках
Вечный
Ладожский лёд.
Черный снег
Надо мной идёт.
Это я и ты
На арбузном льду.
Человечество,
Не забудь
Страшный
Ладожский путь
В той кровавой
Военной дали
Ради будущего Земли!

Богатченко Елизавета Сергеевна,
Лицей п. Медногорский, станица Преградная, Урупский р-н,
Карачаево-Черкесская Республика,
6 класс

Маленькие герои большой войны

*У меня в зрачках
чёрный
Ладожский
лёд.
Ленинградские дети
лежат
На нём.
Александр Межиров*

Как их назвать? Безвинные герои
Большой и смертью пахнувшей войны.
Лежат на льду в забвенье и покое,
Как будто говоря: «Мы здесь. Мы спасены».

Детишки, милые детишки,
Герои проклятой войны,
Читать бы вам журналы, книжки
И видеть радужные сны...

Как стал пристанищем смертельным
Холодный лёд? Кто скажет мне?
Кем были те герои-дети?
Как оказались на войне?

Они детдомовские дети,
Их отчим домом стал приют.
Накормят там и обогреют,
И что приятно – очень ждут.

Осиротели дети рано...
Что дальше? Просто пустота.
На сердце боль, бездонна рана,
Ведь ты один, и сирота.

В стране сирот бывало много.
Я расскажу про Ленинград.
Для детворы в детдом дорога –
Везли туда таких ребят.

Пришлось детишкам из детдома
Уехать в тыл, где нет войны.
Конечно, там не так как дома,
Они там будут спасены!

Ох, как же быстро собирались,
(На сердце было так легко)
И тихо меж собой шептались:
«Чего там! Тыл недалеко!»

Собралась в трудный путь учительница сразу:
Не медлила, взяла, что нужно для сирот.
Окинув взглядом всех, сказала детям фразу:
«Не бойтесь, детвора. Машина уже ждёт».

Машина с грохотом рванула –
Забитый людом грузовик.
Дорога вдаль звала, тянула.
Водитель ко стеклу приник...

Он понял все: «Опять бомбёжка!
Опять огонь! Снаряды рвут!
Чуть время б вспять, совсем немножко,
На берег надо. Там нас ждут...

А дети так хотели кушать,
Хоть корку хлеба и компот,
Но смерти страх велел им: «Слушать!
Ваш час последний настает!»

Простите нас, герои-дети,
За слезы, что застыли на глазах.
Молю, чтоб никогда на этом свете
Не знал никто, что значит слово «страх»...

Детишкам дали чай –
Вот провиант детишек.
А сердце, как мотор,
Стучит: «Тук-тук, тук-тук»,
Баюкает оно девчонок и мальчишек,
Но как уснёшь сейчас?
Взрывают всё вокруг!

Так крепко держат чай замёрзшие ручонки,
Как руки пап и мам, когда ведут в кино...
Ох, трудно вам сейчас, мальчишки и девчонки.
Дорога в никуда. Война. Везде темно.

Сон как дурман кружит,
Мир путает с войною.
Кому-то снится рай,
Кому-то край чужой...

Вот папа, как живой,
В купе, смеясь, заходит:
«Ну, сорванцы, подъём,
Айда скорей за мной!»

Но папу не вернуть...
Война его скосила.
Во сне он лишь придет,
Прижмёт к груди своей.
И мамы тоже нет...
Война ее убила,
Бедняга-мать во сне
Баюкает детей.

Петляет грузовик по ладожским дорогам.
О, озеро, спаси израненных детей!
Когда придёт конец лишеньям и тревогам?
Кто разорвёт навек цепочку из смертей?

Какой-то странный звук. Кричат сиротки: «Мама!»
Взорвался грузовик – и кровь рекою шла.
Кто умер, кто оглох, кого-то мучит рана –
Куда не посмотри – везде тела, тела...

О небо, не гори в ночи ужасным светом,
Не надо – не смотри на трупки детей...
Не ехать в лагерь им холодным этим летом
И не кормить с руки хохлатых голубей.

Уснули страшным сном детишки-ангелочки.
Кто в церкви отпоёт испуганных сирот?
А чей же это сын? А может чья-то дочка?
Кому-то было пять...Кому-то только год...
Кто вам сказал, что мёртвые не плачут?
Кто вам сказал, что мёртвые все спят?
За что их так? А что мы им ответим?
Ничто! Они же нас спасти хотят!

Кто вам сказал, что страшно только слабым?
Мужчины плачут молча, хороня ребят.
Как клятву говорю я детям бедным этим:
«Не будет немцу отдан Ленинград!»

Не померкнет в веках чёрный ладожский лёд.
Не закончится жизнь человечья.
Пусть бессмертным полком память снова пройдёт
По местам, где так живы увечья.

У детей Ленинграда коротким был век.
Седина в головах их как порох.
Замолчи. Помолись. Не забудь, Человек,
Тех детей. Подвиг их нам так дорог...

Простите нас, девчонки и мальчишки,
Герои проклятой войны,
Что не читать вам больше книжки,
Не видеть радужные сны...

Героем может стать не каждый.
И возраст – это про детей...
Который год в денечек майский
Мы видим белых голубей.

В войне большой героев много,
На пальцах и не сосчитать,
Но в жизни их своя дорога:
Она одна – героем стать!

Болякина Елизавета Руслановна,
Гимназия № 1 Центрального района г. Волгограда,
6 класс

Сестричка

*Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

Юлия Друнина

Мой прадед, Пётр Салонин, был участником Сталинградской битвы. Приписав в анкете год к своему возрасту, он пошел добровольцем на фронт защищать родной город. Его определили в пехоту. На его глазах война разрушала столь милый и дорогой сердцу уголок Земли, убивала солдат и мирное население. Почти мальчиком Петр попал в пекло боев. Как и многие новобранцы, не имел боевого опыта, но, взяв в руки винтовку, он смело встал на защиту Родины. С каждым новым сражением он преодолевал страх, а ненависть к врагу росла с невероятной силой. Приходило понимание того, как важно исполнять свой воинский долг до последней капли крови, не щадя себя, приближая тем самым долгожданную победу над врагом. В мирное время рассказы прадедушки не вызывали у нас, его внуков и правнуков, ни тени сомнения. Кто, как не он, точно знал, что было там, на войне?..

В рядах защитников нашего родного города в декабре 1942 года Пётр Салонин участвовал в боях недалеко от Мамаева кургана. Город был почти полностью разрушен. Советские и фашистские солдаты иногда находились друг от друга на расстоянии нескольких десятков метров. Противник неоднократно занимал Мамаев курган и с его высоты мог обстреливать почти весь город. В Сталинграде еще оставались мирные жители, которых не успели эвакуировать, к сожалению, среди оставшихся были и дети. В городе царил

страшный голод. В ту зиму стояли лютые морозы и бои затихали сами собой, когда солдаты собирались с силами и отогревались. Только снайперы работали без перерыва... Фашисты, озверевшие от голода, холода и неудач на фронте, стреляли по любым живым мишеням: и по советским солдатам, и по мирным жителям. В перерывах между боями горожане выходили на разбитые улицы и пытались найти продовольствие среди руин и оставленных войсками позиций.

В один из таких морозных дней Петр Салонин заступил в караул. Вместе с ним был пулеметчик Степан. Они укрылись за руинами дома и наблюдали за склонами Мамаева кургана. Им хорошо была видна и часть улицы. На дороге, занесенной снегом, лежала убитая взрывом снаряда лошадь. В ее сторону шли две девочки: у одной в руках был мешок, у другой – топор. Нетрудно было догадаться, зачем они пришли.

Грянул винтовочный выстрел. Девочка с топором упала. По тому, как она уткнулась головой в сугроб и лежала, не двигаясь, стало понятно, что жизнь ее прервана точным выстрелом фашистского снайпера. Девочка с мешком, ничего не понимая, стоя во весь рост, замерла на дороге.

Степан, заметивший позицию снайпера, дал из пулемета короткую очередь. Петр вскочил и закричал девочке: «Прячься за лошадь! Ложись!» Пуля, выпущенная по нему снайпером, пролетела совсем близко. Он спрятался в укрытие и выстрелил из автомата в сторону врага. Мгновение спустя, Петр увидел, что девочка легла на землю рядом с трупом лошади. Пока светило солнце, ей нельзя даже было приподнять голову: она была хорошо видна снайперу, и только лошадь мешала ему прицелиться. «Не вставай! Держись до вечера!» – кричал Петр, стреляя время от времени. Фашисты тоже вели огонь по позиции Петра и Степана. Так прошло несколько часов.

Смеркалось. Когда совсем стемнело, Петр закричал: «Сестричка, беги домой! Мы прикроем!» Степан дал пулемётную очередь, принимая вражеский огонь на себя. Краем глаза Петр видел, как в сторону разбитых домов, мелькнула тень бегущей девочки, и подумал: «Жива!» Она скрылась за развалинами домов и больше не появлялась. Петр, лежа в укрытии на грязном сталинградском снегу, думал, сколько таких несчастных детей погибло от рук беспощадных фашистов, и дал себе клятву бороться с врагом до полной Победы! Своё обещание он сдержал и в мае 1945 года в составе Советских войск вошел в Берлин.

Вспоминая эту историю, которая была рассказана моим прадедом, я не перестаю восхищаться мужеством нашего народа, его отвагой и любовью к Родине. Не только взрослые, но и дети пережили то страшное время, участвуя в боях и трудясь в тылу, приближая Победу над безжалостным врагом.

Я часто слышу, что разные люди пытаются «переписать историю» и преуменьшить значение подвига русского солдата в Великой Отечественной Войне. Но эти идеи высказываются теми, кому война не страшна, потому что они ничего не знают о ней!

75 лет прошло со дня Победы в Великой Отечественной войне, сменились поколения людей, но я уверена, что наш народ не изменился, и не утратил своей веры в победу, и по-прежнему готов к любым подвигам на благо своей страны. Мы должны помнить и чтить защитников нашей Родины, отдавших свои жизни за светлые дни, в которые мы живем!

Ванюков Артем Алексеевич,
Школа № 28, г. Люберцы, Московской области,
6 класс

Великая Отечественная война в истории моей семьи

*Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но все же, все же, все же...
Александр Твардовский*

Великая Отечественная война оставила глубокий след не только в истории нашего государства, но и в истории многих семей.

Но, к сожалению, мы бежим по жизни, торопимся и не замечаем, что дальше и дальше уходит наша личная история. Мы обязаны хранить в памяти уроки, преподнесенные нам войной, чтобы не забыть ничего, не потерять, не совершить ошибок.

У нас в семье из поколения в поколение передаются рассказы о Великой Отечественной войне, в которой участвовали наши прадеды.

Эта кровопролитная война не обошла стороной и мой город. В дни оккупации на территории Тульской области действовало более 80 диверсионных разведывательных групп, численностью около 2000 человек. На узловской земле активно боролся с фашистами партизанский отряд, членом которого был мой прадед Николай Иванович Чернышов.

Отряд занимался минированием наиболее уязвимых мест движения противника, нарушением связи и коммуникаций врага, добыванием

разведывательных данных о фашистах и организацией диверсий. Моему прадеду выдали фальшивый паспорт на имя жителя Н.И.Меркулова. Вместе с экспедитором железнодорожной станции М.А. Ефромеевой он временно проживал в деревне Кондрово. Оттуда они не только поддерживали связь с остальными членами подпольной группы, но и проводили диверсии. Первым успехом стало нарушение телефонной связи, идущей из деревни Бибиково к штабу немцев, расположенному в Узловой.

Многие бойцы диверсионной группы были удостоены высоких наград. Мой прадед получил орден Красной Звезды и медаль «За оборону Москвы».

Я очень горжусь своим прадедом, фотография которого висит на стенде в нашем городском краеведческом музее.

Но не менее я горжусь и другим своим прадедом Гладышевым Яковом Тимофеевичем, который без вести пропал в 1944 году. Сообщение об этом получила моя прабабушка, у которой на руках осталась маленькая дочь (моя бабушка).

Прошли годы. Умерла прапрабабушка, умерла прабабушка, так ничего и не узнав о нем.

Но к 70-летию Великой Победы над фашизмом люди, которым не безразлична наша память и история, собрали информацию о погибших в Великой отечественной войне и создали в сети интернет сайт «Мемориал».

Отсюда мы с мамой узнали, что мой прадед воевал в составе 5 Ударной Армии, в 390 Стрелковом Полку. Эта Армия героически освобождала Сталинград. Потом участвовала в Донбасской операции с целью освобождения Донецкого бассейна. В результате этой операции он был полностью освобожден, и уже в 1944 году Советский Союз получил 21 миллион тонн угля. А к началу 1945 года добыча угля была налажена на трети шахт.

Освобождая одну из таких шахт, погиб мой прапрадед, как написано, от ран. Место захоронения – Луганск (бывший Ворошиловград), шахта Дзержинская.

Луганск всегда был землей героев. Эта часть Новороссии – край воинского и трудового подвига. Главная площадь Луганска носит имя Героев Великой Отечественной войны. В 19 братских могилах здесь покоится прах более 1500 воинов.

Продолжая собирать информацию о прапрадеде, моя мама нашла информацию о точном захоронении. Это братская могила по улице Шевченко в городе Ровеньки Луганской области.

Очень жаль. Что сейчас нет возможности посетить эти места и возложить цветы, так как там снова война. Но я верю. Что герои Новороссии повторят подвиг Героев Отечественной войны и освободят край воинского и трудового подвига.

Васильева Валерия Вадимовна,
МГУ имени М.В. Ломоносова, физический факультет,
1 курс

ДО ВЫЖЕННОГО ПОЛЯ

*Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах прочитаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папирасы.
Николай Майоров*

Перепрыгнув через небольшой овраг и побежав еще около ста метров, я оказался посреди пустоты. Меня окружало выжженное поле, еще год назад в это время здесь дозревала бы кукуруза или рожь. Я понял, что нахожусь в безопасности и, при том, совсем недалеко от знакомых мест. Решил передохнуть. Высоко задрав голову увидел звезды. Как же давно я не обращал внимание на небо: среди густой темноты рассыпаны серебряные зерна, изредка плывут прозрачные легкие облачка, поддаваясь порывам холодного ветра. Захотелось закрыть глаза и представить себе другой ветер...

Я представил себе тот ветер, что ласково перебирает ржаные колосья, тот ветер, что нежно колышет твои волосы. Теперь передо мной открылась совсем иная картина... Теперь меня окружает золотистое поле, переливающееся белыми волнами. И нет границ этому полю – лишь голубой небосвод не позволяет ему растечься. Тут спокойно: слышен лишь тихий шелест колосьев, редкие крики птиц и общий шум со стороны деревеньки. Деревня слишком далеко, поэтому не разобрать этого шума, но я-то знаю, что там бурлит жизнь. По дорогам рассекают извозчики – все торопятся по своим делам, во дворах носятся дети - всё играют в какие-то игры. К примеру, Василёк, соседский паренек лет десяти, круглолицый веснушчатый с смеющимися голубыми глазами, бегают с Кузькой - собакой девушки, что живет неподалёку от нас. Что за девушка? Что ж, читатель, я отвечу на твой вопрос... Представь, что солнце и Луна договорились о творении. О том, что должны создать что-то светлое и яркое, но в то же время милое и нежное. Самые теплые лучи солнца и самые загадочные отблески луны слились воедино и получилась моя Оленька. День и ночь думаю о том, согласится ли она стать моей женой, ведь влюблён я в неё с момента нашей первой встречи, когда детьми ещё были совсем. Должен ей сделать предложение. Должен...

Вот дурак! Чего же я ждал тогда? Все думал, сомневался – любит ли она меня так же сильно, как я ее люблю? Не рано ли мне женой обзаводиться? А сейчас что?

Сейчас и не знаю где она, не знаю даже – где я. Кто я, после того, что пережил за последний год.

Сейчас уж и нечего об этом говорить, сейчас я стою посреди выжженного поля, за мной деревня, в которой с рождения жил, знал каждый домик, каждую березку, а теперь и нет этого всего. В июле еще сожгли все дотла, а узнал об этом только сейчас. Только сейчас, проносясь между черными поленьями, гнилыми досками, понял я, что бегу по родным улицам.

И вдруг, почувствовал, что мои обветренные холодные щеки нагреваются. Горячо мне стало, жаркие слезы обжигают мое лицо и будто бы текут не только по щекам, губам и шее. Ниже ползут – до самого сердца, поражая его насквозь. Не было так больно никогда, никогда не окутывал меня такой страх, такое волнение, такое счастье, такое сожаление... В этот момент все чувства взвыли во мне, хотелось кричать и рвать на себе одежду лишь от того, что не жил до войны. Не сделал всего, что хотел, не помог любимым, не признался в любви Оленьке, никто я – ничего не добился, да и кто же знал, что закончится моя молодость в 1942, что стану я в один день на порядок старше, увижу то, что многие и не увидят за всю жизнь. Был я юн и глуп, ко всему отношение было такое... легкое, беззаботное. Вот и ушел, ушел, как только узнал, что нужно постоять за страну, за Родину. Думал лишь о том, как вернусь с орденами на груди, как мать и отец будут гордиться сыном, как Оленька бросится мне на шею, обовьет ее руками и зацелует. Начитался в детстве книжек. Любимым персонажем был Андрей Болконский – смелый и мужественный, вот и хотел стать настоящим героем. Юн и глуп.

Как ребенок теперь плачу. Плачу так, будто оторвали от материнской груди, плачу от того, что счастлив был, но не знал этого. Теперь только понял, что между мной и моим счастьем степи, леса, быть может, и реки, быть может, и горы, а... быть может... границу жизни и смерти стоит преодолеть, чтобы найти ту самую, кого не долюбил...

Верёвка Максим Геннадьевич,
Военно-медицинская академия имени М.С. Кирова,
1 курс

Глаза очевидца

*...У меня в зрачках
Ладожский
лед,
Ленинградские дети
Лежат
на нем.
Александр Межиров*

Я считаю, что у истории есть несколько зеркал, которые отражают ее лики. Одно – длиною в человеческую жизнь. Это глаза очевидца. Они не могут врать! Пережитое всегда отпечатывается в них. Задумайтесь: одни и те же исторические события видят тысячи и миллионы современников, и каждое оставляет неизгладимый след в душах людей. Именно с этим «своеобразным зеркалом» не смогут поспорить ни современные историки, ни политики, ни все те, кто ищет выгоду в искажении правды.

Ушедший год стал для меня своеобразным рубежом, переходом во взрослую жизнь: я, закончив Минское суворовское училище, определился с жизненной дорогой. Мое будущее – воинская служба на благо Отечества. Совсем скоро поверх зеленого военного мундира я надену белый халат, изучив тонкости врачебного дела в Санкт-Петербургской Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова. Если честно, я всегда мечтал учиться именно в Петербурге, в городе, который всегда восхищал и манил меня своей интеллектуальной красотой и неповторимой историей. Невольно захватывает дух, когда понимаю, сколько великих имен и героических свершений видели улицы этого города, ставшего символом мужества и достоинства русского народа. История литературного Петербурга уникальна: гениальные строфы А. Пушкина и повести Н. Гоголя, философские загадки Ф. Достоевского, символика поэзии А. Блока и красота лирических строк Н. Гумилева. Но есть одно имя среди этой блистательной литературной парадигмы, которое стало для меня личным открытием, олицетворением понятий «мужество» и «героизм». Это Ольга Берггольц, автор бессмертной как подвиг «Ленинградской поэмы», голос блокадного города на Неве. Удивительно, но это так, хотя мальчишки часто ищут себе кумиров среди полководцев и героев, для меня ее военная правда стала тем уникальным свидетельством, которое невозможно ни забыть, ни изменить. И теперь, гуляя по улицам города, я

вспоминаю историю своего постижения суровой истины, которая всегда рядом и живет в строках «Никто не забыт - ничто не забыто». Я всегда много читал (любовь к литературе – один из подарков моей веселой суворовской жизни). Чаще всего знакомство с литературными шедеврами происходило в перерывах между занятиями, на ходу, в транспорте. Возможно, поэтому авторский замысел произведения иногда оставался непонятым, а осмысление его приходило гораздо позже, иногда под влиянием, на первый взгляд, случайных событий. Так произошло и с творчеством Ольги Берггольц, стихи которой прошли сквозь душу и сердце, сделав очевидными истины, о которых я прежде слышал, но никогда не размышлял. Вот история моего открытия...

Посещение различных мероприятий, театральных постановок, концертов и творческих вечеров – особая часть суворовской жизни. Это был День памяти жертв блокадного Ленинграда. Командиром было объявлено, что вся рота отправляется в Дом Москвы на встречу с очень интересным человеком. Вспоминаю, как сидели в небольшом зале, разговаривали с детьми из разных школ, ожидая этого гостя. Вдруг на сцену поднялась маленькая пожилая женщина в аккуратном костюме. Мой взгляд сразу выхватил узнаваемый кругляшок знака «Жителю блокадного Ленинграда», прикрепленный на левом лацкане пиджака. Так и есть, перед нами - организатор и бессменный руководитель общественного объединения «Белорусский союз блокадников Ленинграда» Ягодницына Мария Давыдовна. Она пришла, чтобы рассказать нам, современным мальчишкам и девчонкам, о своем детстве.

Когда началась война, ей только исполнилось одиннадцать лет. Страшные события ворвались к ней в дом, сразу забрав отца и брата на фронт. Они остались с мамой вдвоем и не успели, как и многие, перебраться за Урал: немцы замкнули их в кольце блокады Ленинграда. Мария Давыдовна тихим дрожащим голосом продолжила рассказ о своей судьбе. Я слушал, затаив дыхание. Перед глазами воображение рисовало реалистичные картины... Очередь за хлебом. Стоят дети и взрослые, закутанные кто во что может. В руках – примерзшие к ладоням карточки на хлеб. Рядом – воронки от снарядов и нередко уже ледяные тела погибших от голода. Вот очередь подходит к маленькой Маше, она тяжело протягивает ослабшую ручку... хлеба нет, все, что смогли привезти по Ладоге, уже отдали. В голове немой крик: «Что же будет с мамочкой, она же даже встать не может!!!» А выход один – завтра снова в очередь, потому что надежда умирает последней.

А вот другая картина: февраль... в квартире мама и Маша, стук в дверь, медленно входит почтальон и протягивает две бумажки и спешно уходит. Мама смотрит на них и по квартире разносится надрывный крик – похоронки, две сразу!..

А вот новая картина... Заснеженная Ладога, не просто так прозванная Дорогой Жизни. Она была тем спасением, которое позволяло держаться и выживать, несмотря ни на что. Через этот путь с Большой Земли были переправлены тонны медикаментов, провизии и вещей. Это был путь к спасению детей (тех, кого успели). Марии Давыдовне тоже повезло, ее вывезли на Северный Кавказ.

И снова продолжается рассказ, а перед глазами новая картина.... Чистое голубое небо. Летит серая птица, на крыле красная звезда. Радость переполняет всех – летят немцев бить: за маму, за отца, за брата! А самолет на бреющем полете проносится над детьми и ... полетели пули. Слышен крик, гам! Секунды превращаются в часы. На льду тела таких знакомых и почти родных воспитательниц, которые собой закрыли детей. Небо уже не такое чистое, оно черное – как смоль.

Все услышанное до сих пор остается перед моими глазами, превратившись в ту самую память, которую я когда-нибудь передам своим детям. И теперь, когда я открываю томик стихов Ольги Берггольц, перед моими глазами словно включается кинохроника. Среди черно-белых кадров тихо, но отчетливо звучит женский голос: «...мне ничего живым не жаль-ни слез, ни радости, ни страсти...». А все новые картины пульсируют в ритме сердца. Мертвая девочка на кровати...Заветные 125 грамм уже заледеневшего хлеба. Горящие, словно факел, руки водителя, спешно пытающегося привести в чувство мотор машины, – в ней две тонны хлеба и вместе с ними жизнь шестнадцати тысяч блокадников...Суп из ремней, вареные опилки, а цель у всех одна – жить! Рабочий изнемогает за станком, но из последних сил точит детали для орудий, ведь для мира и счастья детей не жалко ничего, даже собственной жизни. А вместе с этим вечный призыв к жизни, к сопротивлению, и тихо горящий луч надежды, который дарит голос Ленинграда - Ольга Берггольц...

Она сделала все, чтобы воля и мужество ленинградцев не сломались, чтобы их потомки навеки запомнили то страшное время и никогда не повторяли их ошибки. Я снова и снова читаю эти строки и понимаю, что в них заключено самое важное – память народа, которую мы, молодое поколение, не имеем права забыть или хоть как-то принизить.

Еще ничто так не влияло на мое понимание трагедии войны как эта встреча и монументальные строки из «Ленинградской поэмы». Каждое слово навсегда отпечаталось в моем сознании, и стоит лишь услышать и заговорить о тех страшных днях, как все эти картинки начинают пульсировать в моем сознании, словно символ мужества и героической правды.

Волкова Мария Дмитриевна,
МГУ имени М.В. Ломоносова,
1 курс

Оберег

*Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.
Юлия Друнина*

Осенний холод. Рассвет. Наш стрелковый взвод все ближе и ближе подбирался к немцам. Ночью разведка наша обнаружила, что всего в полукилометре находится враг. Он занял выгодную для себя позицию – маленькую деревеньку, находившуюся возле реки, на одном из берегов которой были наши, на другом - фашисты. Эта деревню мы просто не могли не взять, ведь, прорвавшись через наши укрепления, немцы оказались бы на подступах к Москве. Командиру нашего взвода, старшему лейтенанту Белову, был дан приказ: «Ни шагу назад!». Все мы, кроме него, были необстрелянными юнцами (никогда до этого не бывавшими на фронте), поэтому командир казался «асом» военного дела. Вечная ухмылка и острые шутки Белова сопровождали нас в этом нелегком походе с того момента, как была сформирован взвод.

В это раннее утро часовым был я. Страх прямо-таки звенел в сыром воздухе. Мои безусые товарищи отдыхали перед неминуемой бурей – первым настоящим боем. Свинцово-серые, тяжелые тучи словно чувствовали наш настрой, стараясь укрыть от всех напастей. Ни один луч нехотя восходящего солнца не мог пробиться сквозь них. Но вот небо все-таки посветлело, ознаменовав начало нового дня, который, как оказалось, изменит мою жизнь – повернет ее на все 180 градусов. Я начал будить бойцов: пора было двигаться дальше, чтобы успеть присоединиться к батальону до начала жестокой битвы.

– Товарищ командир, подъем! Рассвет! – воскликнул я.

Белый медленно зашевелился, прошептал спросонья:

– Нет, Таня. Еще рано...

– Товарищ командир!..

– Соколов? – открыл глаза Белов, окончательно проснувшись. –

Доложите обстановку!

– Все тихо.

Мы дошли до базы первого батальона и присоединились к нему. Оказалось, наступление наших войск с целью захвата деревни было запланировано. На следующий день. Тогда мы думали, что если все пройдет удачно, то удастся наладить поставки продовольствия и вооружения на Западный фронт. Командующие, в число которых входил и наш Белов, собрались в вырытой наскоро землянке, чтобы обсудить план нападения. Я и мои товарищи пытались чем-то занять себя, чтобы унять волнение перед первым боем. Для нас, еще неопытных мальчишек шестнадцати-семнадцати лет, война представлялась чем-то ужасным и неведомым, вызывавшим естественный животный страх. Конечно, мы старались не показывать его. Большая часть батальона состояла в основном из бывалых воинов, переживших не один бой. Среди них были и старики, в глазах которых за белой пеленой отстраненности таилась жизненная мудрость. Я не понимал, как они могли улыбаться, шутить и смеяться, петь, словно не замечая разлитой в стылом осеннем воздухе тревоги.

Наконец вышли командиры и объявили план. Согласно ему, мы должны были напасть на заре. Часть бойцов стала рыть окопы, другая – проверять орудия и боеприпасы. Я был в числе последних – осматривал гаубицы. Закончив работу, оглянулся: батальон затаился на опушке леса, ввиду серой, лениво текшей реки. Мы неплохо замаскировались, но меня все никак не покидало постыдное чувство томительной тревоги. А тусклое небо словно ощущало то же самое. Вдруг подул сильный ветер. Внезапно грянул гром, заставивший вздрогнуть всем телом.

– Страшно, боец? – спросил меня Белов, прислонившись к дереву.

– Что-то здесь не так, – ответил я, и в эту минуту раздался дружный смех остальных товарищей, сидевших кружком у медленно затухавшего костра.

– Как они могут шутить в такое время?.. Почему вы так спокойны?.. – спросил я, недоумеваю.

– А что нам еще остается? Не стоит поддаваться инстинкту страха. Если и умирать, так с улыбкой на лице, встречая смерть, как старого друга, – пояснил Белов и вдруг вытащил из-под кителя маленький медный медальон. Грустная улыбка мелькнула на его молодом лице. Меня охватило любопытство: что же там? А Белов словно находился в своем внутреннем мире, не замечая ничего вокруг. Наконец, он вернул эту вещицу на место и подбодрил меня:

– Все будет хорошо, товарищ Соколов...

Я, в который уж раз, восхитился его оптимизмом. Командир давно стал для меня идеалом советского бойца – бесстрашного воина, живущего здесь и сейчас ради будущей победы.

– Попробуй поспать, – попросту посоветовал он мне и отошел.

Я послушался его, будто строгого отца, и прилег на холодную, жесткую, неласковую землю.

Вздвогнув от выстрела, я вскочил. И наткнулся взглядом на ошарашенных моих товарищей. Никто из нас не думал, что немцы вдруг нападут первыми. Мгновенно собравшись, я схватил винтовку и побежал к траншеям. Раздался новый оглушительный залп нашего Т-34. Фашисты палили из пушек в ответ. Один из их снарядов просвистел мимо меня и разорвался в вырытом только вчера окопе. Раздался нечеловеческий крик ужаса, боли и отчаяния!

Ударная волна оглушила меня. Теплая кровь хлынула из мгновенно оглохших ушей. Оглянувшись, я увидел то, что осталось от моих собратьев по оружию. И оцепенел. Замер. Не мог пошевелиться. Земля была обагрена кровью, как будто она и должна быть алого цвета. Я просто сидел и смотрел на погибших. Раздавались выстрелы. Крики. Эхо близких и дальних взрывов. Я понимал, что должен встать и присоединиться к товарищам, но... Продолжал сидеть. И смотреть. Все происходящее будто проносилось мимо меня. Откуда ни возьмись, вдруг явился Белов. Я поднял на него глаза. Он понял мои ощущения. Был невозмутим и непоколебим. Спасибо, не стал кричать на меня.

– Вставай, брат. Вставай. Не время сейчас придаваться страху... не время, – ласково повторял Белов. – Знаешь, я был таким же мальчишкой, как и ты, в своем первом бою, летом сорок первого... Мне было так же страшно... Здесь нечего стыдиться. Ты спрашивал меня о том, почему я спокоен? Я просто верю, понимаешь? Ведь вера в победу и надежда на нее – единственное, что у нас, простых деревенских парней, осталось. Без них я бы давно сорвался. У нас есть долг перед Родиной, и мы обязаны... понимаешь? Ради нее, родных и близких... понимаешь?.. А теперь вставай! Вперёд! – приказал мой командир с широкой улыбкой.

Я не мог не послушаться. Прислонившись к родной земле, вдруг почувствовал нечто, придававшее сил. И крепко ухватив приклад винтовки, прицелился во врага.

Фашисты наступали, окружая нас. Но мы не сдавались. Нет! Мы отстреливались, чем только могли. Все без исключения знали, что нельзя дать слабину. Ведь на счету каждый патрон, каждый снаряд, каждая жизнь!

И вдруг возле меня раздался грохот. словно в немом кино, я увидел, как оседает на землю рядом со мной Белов. Я стрелой кинулся к нему. Китель командира был весь в крови: он терял сознание. А на лице Белова застыла... его широкая русская улыбка. Последним усилием воли мой командир сорвал со своей шеи тот самый ярко-желтый медальон и протянул его мне:

– Возьми. Пусть он принесет тебе удачу., – сказал Белов и сильно закашлялся. Как только он вложил драгоценный медальон в мою ладонь, его рука ослабела, а через все тело пробежала предсмертная судорога. Улыбнувшись мне в последний раз, он замер. Уже навсегда. Будто замороженный, я смотрел на Белова. И в мою голову лишь через несколько мгновений пришло осознание того, что его больше нет.

Что-то оборвалось внутри меня. И тут я вспомнил его слова: «...мы обязаны... понимаешь?». Только теперь до меня дошел их подлинный смысл. Я встал, взялся за автомат и ринулся в бой.

– Его слова оказались пророческими! Медальон Белова стал оберегом, сохранявшим мою жизнь не раз и не два... В те трудные минуты, когда отчаяние с головой накрывало меня, эта вещь словно грела душу, напоминая о... моих родителях, сестрах. О Родине. Я не мог всех их подвести.

– Деда, а что было в том медном медальоне? – спросила моя девятилетняя внучка Катя, сидевшая рядом.

– Фотография красивой молодой женщины по имени Татьяна, внученька.

– А ты узнал, кто она такая?

– После войны меня тоже стал интересовать этот вопрос. Да, я нашел ее, – ответил я с горечью.

– И кем же она была, та девушка? – не унималась внучка.

– Она была первой любовью Белова. Они долгое время жили по соседству, а потом полюбили друг друга. Но их счастье продлилось недолго. Белов ушел на фронт, а Таня она стала фронтовой медсестрой.

– Получается, та война не дала им снова встретиться? – грустно сказала Катя.

– Да, дорогая... Война не просто разлучила их. В первые ее месяцы, осенью 1941 года, Таня подорвалась на mine, вынося раненых с поля боя. И Белову это, увы, сообщили.

– Он не потерял надежду, несмотря на то, что навсегда лишился своей Тани?

– Белов верил в победу. Он понимал, что обязан сражаться с врагами ради тысяч других женщин и детей. Но я уверен, что, отдав жизнь за Родину, мой командир обрел душевный покой на той стороне. Встретив смерть, как старого друга...

Володина Елена Евгеньевна,
МГУ имени М.В. Ломоносова, физический факультет,
1 курс

Помни

*Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

Юлия Друнина

Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.
Послушай тех, кто храбро и отважно
Ценою жизни шел к победе по скале,
Кого под градом пуль тянула воля,
Кто за свободу был готов и умереть,
Кто за простое «Мам, я снова дома»
Мог, падая, собрать все силы и взлететь.
Кого они боялись? Никого!
И не пугала их опасность впереди.
Они боялись за родных, кто дома,
Кому пришлось остаться позади.
Они платили всем за наши жизни
И умирали за свободу в наши дни,
И что б тебе не говорили, помни-
Мир, полный красок, нам вернули лишь они.
Пройдут года, и снова скажут,
Не думая, не вспоминая о былом:

«Наверно, на войне не страшно»
Но кто их сможет убедить в ином?
Нельзя машину времени построить
И маховик нельзя изобрести,
А, значит, нужно нам ценить и помнить
Всех тех, кого в живых уж не найти,
Кого под градом пуль тянула воля,
Кто за свободу был готов и умереть,
Кто за простое «Мам, я снова дома»
Мог, падая, собрать все силы и взлететь.

Воронова София Сергеевна,
Гимназия № 32, г. Калининград,
10 класс

“Письма с фронта”

*Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

Юлия Друнина

В зале гаснет свет – подобно закатному солнцу, прячется за горизонт портьер и золото канделябров. Становится темно и очень тихо.

Завороженные зрители в ожидании действия удобно располагаются в креслах и восторженно вглядываются в сцену, пока что закрытую богатым бархатным занавесом, хранящую тайну.

На креслах ерзают дети - школьники, быть может, класса пятого-шестого – мальчики все в белых рубашках, девочки в нарядных блузках, все сдержанные, вежливые, соответствующие торжественному дню, но все же сгорающие от нетерпения. Скорее бы начало спектакля, когда неуловимое, невесомое волшебство спускается со сцены вниз и окутывает сказочным покрывалом зрителей.

Взрослые, конечно же, ведут себя иначе - не торопятся отключать сотовые телефоны, перешептываются, кивают знакомым и расслабленно улыбаются соседям по месту - но взрослых нельзя винить в некультурном поведении, просто реальная жизнь так крепко держит их за руки, связывает красной ниточкой, что и выпутаться на пару часов, в мир настоящий, им крайне тяжело.

Кто-то все же решается начать хлопать - зал тут же подхватывает инициативу, приободряется, приподнимается со своих мест - кто-то

аплодирует лениво, медленно, кто-то - энергично, быстро, так, что ладони ещё зудят несколько минут, кто-то просто похлопывает по ноге, но тем не менее в зале поднимается сильнейший гул; и это ожидание не просто спектакля - это тревожное ожидание красивой ожившей истории.

Занавес не торопится подниматься. За ним - взволнованные, трепещущие актёры - повторяют слова, поправляют костюмы, говорят скороговорки, собираются с мыслями и чувствами, чтобы не просто сыграть на сцене, а стать его частью, слиться с персонажем - потерять на время себя и сменить имя.

Вот и Александр Волков в ближайшие три часа будет Андреем Кириленко - героем Великой Отечественной войны, добрым и честным человеком.

Его персонаж, Андрей Кириленко - воплощение мужества, стойкости и храбрости, автор пьесы ставит его в пример читателям, напоминая о долге и патриотизме...

Но актёра-Александра едва ли можно назвать таким человеком.

Да, он отслужил в армии по наставлению отца, потом поступил на актёрский факультет по своему собственному желанию, и был очень даже этим доволен. Потому что актерство, театр, сцена - все это было особенным, претенциозным, с лёгким бронзовым блеском - дорогие люстры, зеркала, огромная сцена и признание.

Он прекрасно смотрелся в изысканных костюмах конца девятнадцатого века, был харизматичным пиратом из пятнадцатого, интересным, эксцентричным молодым человеком из сегодняшних дней - хорошо играл комедии, любовные драмы и детективы, но пьесы о войне у Александра не удавались - он не мог понять чувств персонажей, их нерациональные и совершенно несовременные действия и поступки. Герои в этих пьесах - обычные люди, ставящие на первое место «мир во всем мире», а не свою жизнь - это не придуманные, романтические персонажи, это настоящие люди, пережившие боль, страдания, потери. Конечно, они не всегда нравятся людям-зрителям, может быть потому, что говорят правду и показывают жизнь без прикрас... Потому что многогранные и от того еще более привлекательные.

Театр для Александра – это ожившая сказка, новые миры и истории, которых никогда не было – искусная игра. А таких персонажей, как Андрей Кириленко, играть нельзя - ими нужно жить.

Александр поправляет светлые волосы, одергивает нарочито длинные рукава гимнастерки – они ему явно не нравятся; на окружающих смотрит холодно, бесчувственно, безразлично, все его внутреннее «Я» говорит –

быстрее бы начать да закончить. Глаза у него непередаваемого синего цвета – арктический лед, темный, бездонный океан – бескрайний и опасный.

Саха медленно отталкивается от деревянного стола, делает два широких ленивых шага к своему месту на сцене. Впрочем, каждое его действие неторопливое, в каждом его движении чувствуется раздражение и недовольство, потому что сейчас, вместо скучных речей перед сотней неинтересных людей, он мог бы сидеть где-нибудь в хорошем ресторане со старыми и новыми друзьями в окружении красивых девушек и наслаждаться вниманием, оказываемым ему.

Занавес сначала колыхнется, вздрагивает, чуть скрипит - гул в зале стихает, замирает все - лишь покачивается из стороны в сторону партнерша Саши. Тонкая, низенькая, миловидная Катенька - именно так её все и зовут. Она волнуется, впервые выступает на большой сцене и все ей в новинку - вглядывается в зал, улыбается - робко, почти незаметно, легко, каждому зрителю - и зритель улыбается ей в ответ; она смотрит на мир широко открытыми глазами и светится от счастья. Её непосредственность, вечное желание помочь всем, детская наивность всегда раздражали Александра.

Волков хочет ей шикнуть, чтобы она не шаталась из стороны в сторону, как маятник старых напольных часов, но встречается с ней взглядом: у Кати самые тёплые на свете карие глаза - цвета топленого молочного шоколада или крепкого кофе с капелькой сливок и кленовым сиропом, и смотрит она на него так мягко и так нежно, словно правда он только что вернулся с фронта.

У Александра не находится нужных слов.

Занавес полностью поднимается. За спинами актеров загорается мягкий, теплый свет, словно сцена это один большой инклюз, а актеры – застывшая в нем история.

Острые черты лица Саши как будто даже смягчаются при таком свете – он становится старше, степеннее.

В зале слышно, как кто-то кашляет.

Александр оглядывается на встревоженного режиссёра, на спокойного суфлера внизу сцены, на зрителей в первом ряду. Там сидели те, кому был посвящен спектакль - ветераны войны, почетные жители города.

Серьёзные, немного уставшие, нарядные - все в военной форме, на груди у многих поблескивают иконостасы наград - они смотрят на главного героя с интересом. Молодой, полный сил - он напоминает им себя в молодости, но что-то не так... А у Александра пустые глаза - стеклянные и безучастные, как будто он и вовсе не на сцене.

Он в который раз поминает плохим словом режиссера, что уговорил его на эту роль.

Александр еще раз смотрит в зал. В центре первого ряда, на самом видном месте, рядом с ветеранами сидит губернатор Иван Андреевич – в красивом костюме с иголки, уверенный, довольный собой – такой спектакль, да еще и с восходящей звездой театра!

Саша выдыхает, чуть приподнимает голову – со сцены он смотрит на зрителей свысока. И начинает говорить:

- Кто говорит, что на войне не страшно...

Темнота в зале кажется тонкой, кружевной тканью, теплый свет, что падает со сцены - звездной пылью; тишина хрустальная, звенящая, пугающая... Зал будто замер, зрители, затаив дыхание, ждут продолжения.

Александр нервно сжимает кулаки – ладони влажные.

Театральная пауза затягивается на неприлично долгий промежуток.

Он судорожно пытается вспомнить, что там дальше по тексту (он учил его так долго и так мучительно, как никогда не учил раньше свои тексты); в его голове - хаос, мысли беспорядочно и хаотично возвращаются к откровенной глупости всего спектакля, к ужину в ресторане... А если он *провалится*? Прямо сейчас, прямо здесь, прямо перед многоуважаемыми гостями и губернатором?

Саша с надеждой смотрит на суфлера – и внезапно осознает, что не может читать по губам, не понимает, что ему так энергично и отчаянно подсказывают, а за кулисы и вовсе смотреть не хочется. Хочется уйти, убежать со сцены и разорвать афишу.

“Ну же, вспоминай!”

Александр чувствует страх - липкий, щекотливый, холодный - страх кажется призраком, чудовищем, что стоит у него за спиной, дышит в спину, касается рук. Ведь если он сейчас сбежит, то вся его слава, вся его известность рассыплется на тысячи обвинений, обсуждений и критических статей... Но Александр никак не может вспомнить слова.

«Почему я должен напоминать людям о том, что было так давно?» - он оглядывается незаметно, быстро:

- Выручайте, - бесшумно кричит он, но все его партнеры неподвижны и даже не смотрят на него; только лишь Катя - трепещущий, яркий огонёк - делает шаг вперёд.

В её движениях и словах нет нерешительности, наоборот, они собранные, четкие, отточенные и заученные - Саша же очень хочет опять вернуться к тому дубовому столу в его сценическом кабинете и промолчать добрую половину спектакля.

Впрочем, он очень профессионально *молчит* свою речь - с чувством, с толком, с расстановкой - не смотрит на сцену, только на Катю. А она делает ему известные только их труппе жесты, не подходит к нему - плывёт по сцене,

протягивает руки к нему. Словно они действительно не виделись эти долгие четыре года, словно они влюблены друг в друга, и вот, он - вернувшийся к ней, спешивший с самого Берлина, писавший короткие, отрывистые, но такие тёплые и важные весточки каждую ночь, и она - ждущая здесь, на перроне, в лёгком весеннем пальто - перешитом, зашитом - в том же самом, что и провожала его в июне сорок первого.

По щеке Кати катится хрустальная слеза:

- Тот ничего не знает о войне, - заканчивает за него она.

Саша сухо кивает ей, и криво усмехается. Он не верит во все это, не понимает, почему такую банальную историю нужно рассказывать на сцене их знаменитого театра.

Катя продолжает говорить:

- Я только раз видала рукопашный... Раз - наяву и тысячу - во сне.

И кидается ему на шею, обнимает крепко-крепко, по сценарию и согласно наставлениям режиссёра - включается дым-машина, дует лёгкий ветер, звучит гудок отправляющегося дальше поезда; раздаются аплодисменты - сначала робкие, тихие, почти неслышные, но потом их подхватывает весь зал; становится так громко, что не слышно уходящего поезда - это люди растроганы, это люди чувствуют горькое счастье встречи.

Александр так и не находит в себе сил обнять Катю - через несколько секунд начнётся другая сцена, которую он точно знает наизусть, а пока... Он старается игнорировать слёзы на глазах у ветеранов в первом ряду.

Саша сбегает из гримерки.

Гримерка у него была самая просторная, светлая – деревянный, добротный, дубовый шкаф, где Волков бережно хранит все свои костюмы, стены гримерки завешаны афишами – Евгений Онегин, Ромео из “Ромео и Джульетты”, Мастер из “Мастера и Маргариты”. И в главных ролях он – Александр Волков! На стенах фото с премьер-министром, звездами эстрады, известными футболистами, олигархами. Как можно после Ромео или Онегина играть роль обыкновенного солдата?

Саша понимает, что не сможет выдержать еще несколько часов в компании своих коллег - ему стыдно за непрофессиональную, глупую, недостойную паузу; завтра предстоит серьезный разговор с режиссером... а он не собирается слушать упреки и недовольства - откажется от этой роли и, наконец, сможет выдохнуть.

Волков совсем не замечает, как выходит к главному холлу - зрители все толпятся у гардеробов, намереваясь быстрее забрать свои лёгкие пальто, а

приглашенные губернатором лично гости поднимаются наверх, по большой, парадной мраморной лестнице – на традиционный банкет после премьеры. За дверьми театра весна - светлая, нежная, стеклянная.

Ему не хочется пробираться через толпу, возвращаться через узкие, запутанные коридоры, выходить через банкетный зал, поэтому он прячется в тени колонны, удобно располагается на скамейке и ждёт.

Медленно, людей становится все меньше, голоса - тише, приятнее, мягче. Они уходят или уезжают на такси, прогуливаются по ночному городу или спешат домой - весна распускается серебряными берёзовыми листьями, дышит нежным ароматом цветущих яблонь, подмигивает кошачьим-глазом луной.

Саша встаёт со своего места, бесшумно проходит мимо задержавшихся зрителей, уставших гардеробщиц - раньше они кивали ему и мягко улыбались, ведь восходящая звезда, а может быть, в будущем, великий актёр, здесь, у них - срывает аплодисменты у самых искушенных зрителей. Но сегодня они отводят глаза, совсем на него не смотрят, и только перешептываются, и в шепоте этом – такое явное, обидное осуждение.

По лестнице медленным шагом поднимаются губернатор Иван Андреевич, и, кажется, один из ветеранов. Иван Андреевич ведет его под руку, аккуратно, неторопливо помогая подняться. Они разговаривают между собой, что-то вспоминают и над чем-то смеются, словно старые добрые друзья.

- Ну, ничего, Петр Николаевич, сейчас мы перекусим, поболтаем... А за спектакль вы не переживайте, - губернатор оборачивается, ищет глазами кого-то в зале – Саша хочет было вновь спрятаться за колоннами, но не успевает – Иван Андреевич его находит.

Губернатор, невысокий человек лет сорока пяти-пятидесяти, в хорошем костюме приятного серого цвета – был человеком премногоуважаемым у них в театре. Иван Андреевич и сам театр любил – всячески поддерживал актеров и работников, привлекал аудиторию к просмотру спектаклей, рекламировал и продвигал везде чудесные, интересные постановки. Он считал, что театр – один из самых хороших способов образования; любой, даже самый неграмотный, даже маленький ребенок, сможет понять, что происходит на сцене и какую мораль хотел донести писатель-сценарист. Поэтому-то Иван Андреевич и предложил театру поставить к Девятому мая «Письма с фронта» местного писателя. А для привлечения большей аудитории, настоял на том, чтобы главную роль сыграл Александр Волков.

Иван Андреевич смотрит на Сашу строго, сурово – ему вовсе не понравилась его забывчивость, но голос его по-прежнему приятный и веселый. Он останавливается, с ним останавливается и ветеран – смотрит на Волкова прищурившись, словно вспоминая, кто перед ним.

- А вот и наш главный герой! Разволновался немного, Петр Николаевич, все-таки такая важная роль, - Саша подходит к ним ближе, кивает в знак приличия – вопросительно смотрит то на губернатора, то на ветерана – профессиональная память не подводит его в этот раз, он вспоминает Петра Николаевича.

Перед ним один из ветеранов, что сидел в первом ряду рядом с губернатором, - в темном строгом костюме, с двумя орденами Героя Советского Союза. Он кажется немного уставшим, но все же сильным; лицо его доброе, мягкое - глаза светлые, лучистые. И все же, несмотря на всю доброжелательность, на тонких губах его играет усмешка - горькая, острая, чуть презрительная. Он ниже Саши, но все равно как будто смотрит на него сверху-вниз и говорит немного тихо, но все же отчётливо:

- Кто говорит, что на войне не страшно... - повторяет он слова Саши на сцене, также быстро, бесчувственно и холодно - усмехается, чуть опуская голову, - Ты точно ничего о войне не знаешь. И знать не желаешь, кажется. И зачем мы с твоим дедом тогда жизнями своими рисковали? - он разочарованно выдыхает, поправляет белые манжеты под рукавами и кивает губернатору – мол, пойдем скорее дальше.

Александр каменеет.

Слова незнакомого человека так медленно доходят до него - накрапывающим дождиком в начале мая. Саша вдруг чувствует смутное чувство вины - что-то колет в груди, становится вдруг тяжело идти; не может сдвинуться с места. Удивленный, он вновь и вновь возвращается к холодному взгляду ветерана. Но это вовсе не вьюга, не заморозки в конце ноября - в его взгляде прятался последний мартовский мороз - отчаянный, немного печальный, как дань уходящей зиме.

Саше немного не по себе.

Ведь это человек, что правда сражался за их мифическое будущее на фронте? Человек, что пережил все эти страдания и мучения наяву? Письма, окопы, голод, болезни, сражения, убийства... Снова письма и возвращение домой. А было ли ему куда возвращаться?

Александр трудно поверить, что человек, прошедший войну, только что стоял перед ним. Что это был не выдуманный герой, не сухие строчки на белых листах, не бездушные репортажи и тревожные документальные фильмы - это был самый храбрый человек на свете, и он только что обвинил его, Сашу, в неверии, незнании, в безответственном отношении к своей истории... А его ли это история? Почему он должен помнить о том, что было так давно? Почему он должен быть благодарен и проповедовать со сцены то, к чему относится так скептически? *Потому что это истина,* - отвечает сам себе Александр.

Он как-то неприятно ведёт плечом - не верит своему же голосу.

Ему требуется немного больше времени, чтобы выйти из театра и наконец отправиться домой.

Дома у Саши очень тепло и пахнет выпечкой - чем-то очень вкусным и сладким. Он поднимается по лестнице в подъезде, щурится от тусклого света одной лампы на лестничной площадке - не спешит возвращаться домой. Хочется побыть наедине с тишиной в голове; но запах его любимых витушек с корицей, неуловимый, почти что не ощущающийся аромат духов - цветочных, таких сладких и лёгких, таких родных - подсказывают, что мама опять дома.

Саша очень ценит мать, а она очень о нем заботится - часто приезжает из своего домика в деревне, устраивает домашний, приятный покой у Саши дома, наводит порядок и разговаривает с сыном - ей интересно все, от театра до его последней прогулки, она слушает его с непередаваемым огоньком в глазах - и счастлива, что у Саши все хорошо.

Он не может нацепить приветливую улыбку, когда открывает входную дверь.

В коридоре его правда встречает мама.

Ольга Григорьевна, женщина лет пятидесяти-шестидесяти – невысокого роста, не худая и не полная. У нее очень красивые руки – длинные, тонкие пальцы, бледная, немного морщинистая кожа на ладонях, но несмотря на время, руки ее все равно сохранили нежность.

Она обнимает Сашу, улыбается ему так открыто и счастливо – они правда давно не виделись. Сразу же тащит его на кухню – там уже и горячий чай к его приходу, и вкусный ужин... Но Саше совсем не хочется есть.

Ольга Григорьевна не сразу замечает его задумчивое, хмурое выражение лица. Сначала она разливает ароматный, черный чай с травами по фарфоровым кружкам, затем кладет ему на тарелку витушку с корицей – такую же, как в детстве. И только потом садится напротив него и аккуратно, осторожно спрашивает:

- Неудачный день?

Александр долго рассматривает ее круглое, красивое лицо – правильные черты лица, морщинки на лбу, такие забавные гусиные лапки в уголках глаз. Он думает, стоит ли рассказывать свои переживания матери, и после долгих колебаний все же решается.

- Опять этот спектакль про войну. Слышала, “Письма с фронта”? - он делает глоток горячего чая, - Я совсем не понимаю, зачем людям напоминать об этом? Зачем постоянно обращаться к прошлому? Спектакль - не иначе как

просто галочка. Как я могу играть героя Андрея Кириленко, когда не понимаю, - он сделал паузу, переводя дыхание - ставит кружку с чаем обратно на стол, - не ценю то, что было тогда? Это прошло. А мы вновь напоминаем людям о войне. О боли... Но нас там не было, мы понятия не имеем, что происходило, и... - Саша смотрит на мать и вдруг замолкает.

В её зелёных, мудрых глазах он не видит ожидаемого разочарования, укора или осуждения - она смотрит на него, чуть приподняв подбородок, тени играют на её лице, делают её черты чуть мягче. Ольга Григорьевна встаёт со стула и прохаживается по кухне - от окна к двери и обратно.

- Наверное, что-то упустили мы с отцом в твоём воспитании, Сашенька, - у мамы голос мелодичный, спокойный, успокаивающий - как тёплое молоко с медом перед сном, - История, Саша, это наше все - нельзя двигаться вперёд, не зная, что было позади. Чтобы не наступить на те же грабли, - она останавливается, смотрит в окно - думает, подбирает нужные слова, - Наверное, это я виновата... Нужно было раньше тебе показать, рассказать, посвятить Великому подвигу хотя бы день в году, - тихие слова слетают с её губ опадающими листьями - она молчит ещё немного, тревожно склоняя голову набок, - А я все не хотела. Думала оградить ребёнка от ужаса и страха, думала что потом, успеется...

Саша непонимающе смотрит на поникшую мать - ему хочется броситься к ней, обнять, заверить, что все будет хорошо и все пройдет, но он заставляет себя остаться на месте.

- Но лучше поздно, чем никогда. Мне баба Маша прислала посылку, только сегодня ходила получать, - вдруг как будто сменяет тему мама, немного грустно улыбаясь - Саша совсем теряет нить разговора.

Она вдруг уходит из кухни, видимо желая принести посылку, а Саша вспоминает о бабушке Маше.

Они почти никогда не виделись, очень редко общались, но иногда мама Саши получала от своей мамы весточку - посылку с вареньем, конфетами, вязаными носочками. Иногда писала письма - не признавала телефоны, любила бумагу и чернила. Думала, что так, только так слова будут искренними.

Мама вернулась обратно на кухню.

В её руках было три потрёпанных, пожелтевших от времени листа бумаги сложенных треугольниками – так раньше выглядели письма с фронта – сложенных наскоро, не везде аккуратно, но видно, что они долго хранились с любовью и были очень дороги.

- Бабушка Маша прислала. Говорит, что нашла, когда перебирала старые книги. Прочти письма, хорошо? - мама протягивает Александру конверты,

ласково касается его щеки - в глазах её понимание и такая сильная, бесконечная любовь; она уходит из кухни, тихо прикрывая за собой дверь.

Саша не торопится открывать конверты.

Он долго, с интересом рассматривает их, крутит в руках, касается шероховатой бумаги; он думает, что скрывается за коротким адресом и знакомыми фамилиями - писала мама бабушки Маши своему мужу... Значит, его прадед был на войне?

Саша отставляет кружку с чаем подальше, кладет письмо-треугольник на стол, открывает его как историк-искусствовед на экспертизе - аккуратно, медленно; на кончиках его пальцев остается история.

Письмо первое. 1942 год, сентябрь

"Сашенька! Так сильно без тебя скучаю. Как ты там? Хватает ли еды? Говорят, что вы направляетесь к Москве... У нас дома все хорошо. Маша учится читать по твоей любимой книги. Ей сложно, но букварей сейчас нигде и не достать.

Ждём и любим тебя!"

Саша машинально тянется за вторым письмом.

1942 год, ноябрь.

"Оля, солнышко моё! У меня все в порядке, в отряде правда все очень смурные - вести неутешительные. Близится зима, а сама знаешь, какие зимы у нас под Москвой. Думаю, может морозы нам помогут... На погоду только и остаётся надеяться, с оружием и продовольствием перебои, но пока есть папиросы и хлеб - мы довольны.

Думаю о вас с Машенькой каждый день, передавай ей самый тёплый привет, пусть учится усердно и слушается тебя.

Пришли, пожалуйста, мне пару карандашей - мои уже заканчиваются. Люблю вас".

"Люблю вас" - подчеркнуто три раза.

Саша грустно улыбается - его ждет третье письмо.

Апрель, 1945.

"Сашенька! Впервые читали вместе с Машей твоё письмо. Она требует, чтобы ты писал чаще. Конечно, и мне бы хотелось чаще получать от тебя весточку, но знаю, что вы сейчас на пути к Берлину. Лучше скорее возвращайся домой. У нас все говорят, думают, дышат скорой победой - а я думать о войне не могу, настолько она мне опротивела. Тошнит, тошнит от переживаний и постоянных новостей по радио - хотя мы все равно каждое утро всем двором садимся слушать новости. Смерть как хочу тебя увидеть... Пожалуйста, возвращайся скорее!

P.s. Машка так выросла, что на перроне совсем её не узнаешь"

Больше писем не было. Потерялись они, пропали со временем, не выдержали смены эпох или просто...их больше не писали - Саша не знает.

Он также не знает, узнал или нет свою дочь на перроне его дед. И вернулся ли он вообще с войны... Но эти строки, эти искренние, простые, незамысловатые слова так сильно ранят его.

Нет... Война - это действительно страшно. Это не просто боль, страдания, жертвенность. Это разлука, это голод, это счастье, такое яркое - когда получаешь весточку от любимого с фронта.

Саша тихо идёт в комнату к матери, ему так важно узнать одну-единственную вещь.

- Мам? А прадед вернулся?.. - он обрывается на полуслове - мама уже давно спит, накрывшись одеялом чуть ли не до кончика носа. А Саше кажется, что он и так знает ответ.

У соседей наверху тихо бьют часы, на улицах совсем никого нет - только звёздное, как никогда звездное небо и холодный свет фонарей; деревья, облака, ветер - все спят.

Уже давно за полночь.

На следующий день Александр приходит в театр самым первым. Долго сидит в гримерке – плакатов и афиш с фотографиями на стенах больше нет. Он снова перечитывает письма, собирается с мыслями.

Саша думает, что играть, нет, что жить этой ролью нужно так, чтобы те, у кого нет фронтовых писем, у кого нет воспоминаний или рассказов, старых фотографий или наградных знаков - тоже поверили, тоже прочувствовали, что это важно. Чтобы они - серьёзные взрослые, смыслённые, весёлые дети, сильные и статные ветераны - помнили. (Он будет так сильно радоваться, когда после спектакля, в том же самом просторном холле театра, услышит, как мальчик лет десяти спросит свою маму, был ли и его дед на войне. И Саша впервые поймет, прочувствует печальную, но светлую улыбку его матери).

Он вновь выходит на сцену - на нем ненавистная ранее ему пилотка, строгая военная форма и письмо прадеда в кармане.

Сегодня, такие простые, но честные слова даются ему легко.

От сердца, от души, он говорит громко, чётко, так, чтобы его услышал каждый зритель в зале:

- Кто говорит, что на войне не страшно... Тот ничего не знает о войне.

Гао Шань,
Университет МГУ-ППИ, г. Шэньчжень,
1 курс магистратуры

*Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где известь похоронные
И перестуки эшелонные.
-----Давид Самойлов*

Мой дорогой

Перед войной, ты не мой муж, не отец детей, не сын отца.

Ты защитник родины, народа, семьи

Ты моя гордость, мой герой, пример детей

А я ещё ваша жена, была, есть, буду, единственное моё - тебя ждать.

Хотя я не знаю твою возможность вернуться,

Но я тебя дождусь, буду ждать до конца

Это ответы девушек или жён в душе на просьбы своего любимого, когда они прощались друг с другом. Эти мужчины готовы отправиться на фронт. Перед ними был трудный путь, многих из них ждали смерть, кровь, враги, бомбы..., а остальным женщинам приходилось только ждать, это было вечное ожидание.

Во время войны, много мужчин погибли, и соответственно много жён потеряли своего мужа. Война сороковая и роковая - не стоит вспомнить, но мои герои велики - надо помнить их вечно.

Гелых Дарья Дмитриевна,
Гимназия «Интеллект», г. Горловка, Донецкая Народная Республика,
11 класс

*Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

Юлия Друнина

Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.
Не дай вам бог вдруг пережить однажды
Всё то, что довелось отведать мне.

Когда подъём под звуки канонады.
Когда бежишь, а под тобой земля дрожит.
Когда не знаешь - сверху или сзади
Тебе шальной осколок прилетит.

Не страшно, скажете, когда лежишь под танком,
А он над головою траками гремит?
Когда ещё совсем живым солдатам
Уже могилы из окопов мастерит.

Но я прошу не путать страх и трусость.
У них совсем иные полюса.
Я помню, как у меня дрожали руки,
Когда пришлось мне другу закрывать глаза.

Боялся я, что очередная пуля
Закончит свой полёт в моей груди.
Что на том свете другу не смогу я
Сказать, что он тогда не зря погиб.

Боялся я, что не доживу до срока,
Когда смогу взглянуть в глаза врагу,
Что оборвётся вдруг моя дорога,
И ничего я больше сделать не смогу.

Разрывы мин, ракеты свист и стон упавших -
Всё это очень сильно может напугать.
И тот, кто говорит, что воевать не страшно,
Вообще не знает, что такое - воевать.

Горюнова Дарья Сергеевна,
Школа № 1440, г. Москва,
8 класс

Блокада Ленинграда

*...У меня в зрачках
Черный
Ладожский
лед,
Ленинградские дети
Лежат
на нем.
Александр Межиров*

За спиной у них голод,
Бомбежки
И смерть.

Ангелочков уносит
Войны
Круговерть.

Сколько боли недетской
Застыло в глазах...
Увозили из города

-
оставляли
во льдах.
Никогда не забуду
Русь
в военном чаду

И детей, что лежали
На ладожском
Льду...

Грехов Антон Сергеевич,
Школа № 21 г. Белгорода,
9 класс

На родной земле

Рассказ

*Долго будут в памяти слова
Цвета орудийного ствола.
Долго будут сосны над травой
Окисью синеть пороховой.
Давид Самойлов*

Посвящается двадцатилетним юношам и девушкам,
вынесшим на своих плечах самую страшную войну
и отстоявшим нашу Родину.

Шелест подсохшей на июльском солнце травы, стрекот кузнечиков, раскаленный воздух и небо, высокое, ярко-голубое, безоблачное. Память, уводящая в прошлое, в места, где родился и вырос, в домашний деревенский уют с запахом парного молока и свежего сена. Та память, которая спасает солдата и в стужу, и в зной. Если бы Кольку сейчас спросили, о чем он думает, он с точностью сказать не мог бы. Ему приятно было просто лежать вот так, на спине, закинув за голову руки с закатанными по локоть рукавами гимнастерки, теревить черные курчавые волосы, за которые он постоянно получал нагоняй от командира, и смотреть в это высокое ясное небо. Такие минуты у солдата выпадают нечасто.

Колька воевал больше года и был уже в звании лейтенанта. И сейчас, лежа в небольшом лесочке у разрушенного хутора Гремячий, он вспоминал свой хутор, довоенную юность, Анюту. Гремячий уже много раз переходил от фашистов к нашим. Колькина рота ПТР, которой он командовал, отбила восемь атак фрицев и, наконец, отвоевала клочок родной земли.

Довоенные хутора мало чем отличались друг от друга. Это были небольшие, в несколько дворов, хозяйства крестьян, которые селились семьями в поле. Колька вырос в таком хуторе, близ села Амонь в Курской области. И ему было горько видеть то, что осталось от Гремячего. Земля, которая много лет родила хлеб, сейчас была взрыта гусеницами танков. Избы, построенные прадедами, сгорели дотла. Остались только торчащие обгоревшие трубы печей, словно кресты у могил, да застывшие в немом крике рты печей. Из жителей – никого.

Колька знал: он был на родной земле, в сотне километров от своей родной Амони. Но что такое для фронта сто километров? На войне каждая пядь земли отвоевывается порой сутками, неделями. После Сталинграда озверевшие фашисты старались зацепиться в каждом населенном пункте, но все понимали, война покатила на запад. Обо всем этом думал 20-летний лейтенант Николай Воробьев, лежа в логу недалеко от Прохоровки.

Среди пестреющих берез, по склонам, в балках копошатся фигурки наших солдат. Готовят оборонительный рубеж. Вгрызаются в землю, окапываются. В лесу, среди нежных березовых стволов, стоят наши танки. На поле тоже танки: они спрятаны в копны соломы. Много копен на поле. И веет от них не сеном, а удушливой гарью, бензином, горечью. На дне лога, в ложине, подняли к небу стволы минометы. Наблюдая за подготовкой наших войск, Колька подумал: «Силища-то какая!» И, несмотря на то, что эта силища окапывалась и готовилась к обороне, Кольке было радостно, что эта силища есть. Она ощетижилась и только ждет взмаха руки командира.

Там, за горой и лесом, Белгород. Там немцы. Поэтому и гора, и лес кажутся чужими, холодными, суровыми. А здесь даже у походной кухни хозяйски суется старшина, и Кольке делается спокойно: «Все готово к бою, осталось ждать сигнала». У противника тоже оживление, видать, наступать готовятся. И может быть, даже завтра. Так прошел вечер, ночь. А на рассвете весть о наступлении облетела все штабы Воронежского фронта: сегодня утром гитлеровцы начнут! Сведения перебежчика совпадали с данными разведчиков. К тому же немцы всегда начинали важные наступления на рассвете. Нарастало напряжение. Все было приведено в боевую готовность. Загудели танки, распространяя далеко вокруг себя горький запах горевшего когда-то, но уцелевшего металла.

После бессонной ночи начала одолевать сонливость. Колька все чаще поглядывал на быстро поднимающееся солнце. Вскоре жара стала ощутимой. Гитлеровцы не торопились. «Значит, не сегодня», - подумал Колька и спустился в блиндаж. И тут над полем взвилась красная ракета. Это был сигнал.

Овраг потемнел и взбух, словно река в половодье. По склонам поползли желтокрестные махины. Тонкие березки, будто подкошенные, вздрогнули макушками и уступили дорогу нашим танкам. А они, рыча и фыркая, грозно двинулись навстречу врагу. Кольку считали бесстрашным солдатом, и он всячески старался соответствовать. Но нелегко было ему порой поддерживать это мнение о себе. А сейчас ему было по-настоящему страшно. С одной стороны Псел, с другой железная дорога. Танкам было так тесно, что они терлись друг о друга боками и сминались, словно жестяные банки.

День, не успев начаться, превратился в ночь. Поле запылало кострами, вместе в поле горели и танки. Стоял такой рев, что перепонки лопались, и кровь шла из ушей. Оглушенный, Колька под взрыв снарядов повторял: «Заряжай! Плии!» Один танк...второй...Из люков выскакивали фашисты. Их догоняли наши, выбравшиеся из горящих машин, танкисты и, оставшись без машин, продолжали сражаться врукопашную. Колька перестал различать своих и чужих. Дым над землей до самого неба. Черный, густой. Утро давно перешло в полдень, а потом в вечер. Колька потерял ощущение времени, он не чувствовал ни зноя, ни жажды, ни голода. Одна мысль стучала в его голове: «Бей, бей, пока жив!» Солнце катилось к закату, а бой не смолкал. И непонятно было, в ком сейчас сила, кто впереди. Вскоре подоспела авиация. И над полем пронеслось: «Отходят, отходят фрицы!» Но грохот, лязганье металла и скрежет разрываемого железа еще долго стояли над полем.

Рядом рвануло. И тишина... «Конец», - подумал Колька.

Он очнулся от запаха. Это был тот знакомый запах, который он никогда ни с чем не перепутает. Запах горевшего железа и земли, пропитанной кровью. Было темно, и дышать было нечем. Колька попробовал пошевелиться, крикнуть. Но земля схватила его намертво, будто не хотела отдавать. И тут кто-то схватил его за волосы. «Жив, цыганенок?! – радостно крикнул капитан Дзюбин. – А мы уж не надеялись тебя найти!» Оказывается, Кольку так засыпало землей, что на поверхности остался только чуб, и, если бы не эти его вихры, не удалось бы его спасти.

Неровной усталой походкой шел двадцатилетний лейтенант по полю. Столько смертей сразу они не видел никогда. Он пережил минуты возмужания. За эти несколько часов Колька стал седым, измятым жизнью мужиком. Стоя над братской могилой, он думал: «А сколько еще пройдет времени, прежде чем поля перестанут пахнуть гарью и кровью?» Он слышал, как родная освобожденная земля плакала от боли и радости. Колька нагнулся, взял несколько сырых могильных кусков, размял их в ладонях, вытер о них лицо и вот так, держа комки в руках, двинулся за уцелевшими бойцами...

За бои под Прохоровкой лейтенант Николай Воробьев был награжден орденом «Красная Звезда». Впереди еще были бои, ранения, форсирование Днепра, орден «Отечественной войны I степени», парад Победы в Москве на Красной площади, Япония. 201 танковая бригада, в составе которой служил командир роты ПТР лейтенант Николай Иванович Воробьев, вернулась домой только в сорок шестом. Николай Иванович после возвращения жил и трудился в родном колхозе «Красный Пахарь». Умер от ран в 1968 году, похоронен в селе Амонь Хомутовского района Курской области.

СЕКРЕТНО

Экз. № 2

П Р И К А З

По 201 танковой бригаде
10 декабря 1943 г. № 018/Н Действующая Армия

От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество

П О Д А Р Ж Е Н И Я:

Орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА"

- | | |
|---|---|
| 1. Лейтенанта В О Й К О
Александра Степановича | Командир танка 296 танкового батальона 201 танковой бригады. |
| 2. Красноармейца ВУДНИЧЕНКО
Александра Ивановича | Пулеметчик моторизованного стрелково-пулеметного батальона 201-й танковой бригады. |
| 3. Красноармейца ВАСИЛЬЕВА
Ивана Федоровича | Стрелок роты управления 201-й танковой бригады. |
| 4. Красноармейца ВАСОВА
Александра Филипповича | Наводчик мномета моторизованного стрелково-пулеметного батальона 201-й танковой бригады. |
| 5. Лейтенанта БОРОВЬЕВА
Николая Ивановича | Командир роты ПТР моторизованного стрелково-пулеметного батальона 201-й танковой бригады. |
| 6. Лейтенанта ГАЛЪИЛИНА
Рифгата Гатауловича | Командир танковой роты 295 танкового батальона 201 танк. бригады. |
| 7. Старшего техник-лейтенанта ГУДЫШЕВА
Александра Тихоновича. | Техник ГСМ 296 танкового батальона 201 танковой бригады. |
| 8. Младшего сержанта ГОЛОВА
Федора Александровича | Механик-водитель 295 танкового батальона 201 танковой бригады. |
| 9. Красноармейца ИПЪИНА
Ивана Ильича | Телефониста моторизованного стрелково-пулеметного батальона 201-й танковой бригады. |
| 10. Старшего лейтенанта МАРКОВА
Бориса Павловича | Ад"ютанта 296 танкового батальона 201-й танковой бригады. |
| 11. Младшего сержанта МАШАНОВА
Виктора Михайловича | Наводчик истребительной противотанковой батареи 201 танковой бригады. |
| 12. Старшего сержанта МУШУСТИНА
Феликса Исидоровича | Механик-водитель 296 танкового батальона 201 танковой бригады. |
| 13. Техник интendanта I ранга НАУШАККО
Александра Кузьмича | Завделопроизводством управления 201-й танковой бригады. |

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество БОРОВЬЕВ Николай Иванович
2. Звание лейтенант 3. Должность, часть командир роты ПТР
3. составленного стрелково-пулеметного батальона 201 танковой бригады
представляется к ордену "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА"
4. Год рождения 1920 5. Национальность русский 6. Партия: ВКП/б
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне / где, когда / частник Отечественной войны с 1.5.42 г. на Брянском и Воронежском фронтах.
8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне не имеет
9. С какого времени в Красной Армии 1940 г. 10. Звание РВН призван Кадровый
11. Чем ранее награжден / за какие отличия / не имеет
12. Постоянный домашний адрес представляемого и награжденного и адрес его семьи

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

Представляется к награде за умелое руководство ротой ПТР, за успешное отражение 8 атак противника в районе х. Гремячий. Рота за 4 дня боев уничтожила: истребитель "Ме-109" - 1 шт., танков "Т-4" и "Т-3" - 4 шт. и 90 солдат и офицеров противника. Тов. БОРОВЬЕВ проявил в этих боях исключительную выдержку и стойкость.

За умелое руководство ротой, успешное отражение непрерывных атак противника и проявленное при этом мужество лейтенант БОРОВЬЕВ достоин Правительственной награды орденом "КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ".



Командир мотостр. пул. б-на
капитан

[Handwritten signature] / ДЗВЕНИ/



Григорян Илья Валентинович,
МГУ имени М.В. Ломоносова, физический факультет,
1 курс

Какого это быть ребёнком во время войны?

*Мы были всякими. Но, мучась,
Мы понимали: в наши дни
Нам выпала такая участь,
Что пусть завидуют они.*

Павел Коган

Чуть-чуть ускоряю шаг, чтобы успеть придержать закрывающуюся дверь подъезда. Немного задерживаюсь, давая возможность зашедшему человеку уехать. Сейчас не хочется ни с кем разговаривать. Перевожу дух. Вызываю лифт. Нахожу кнопку на привычном месте. Такой знакомый маршрут, и, хотя я бываю здесь редко в последнее время, руки помнят расположение этажей. “Надо бы почаще заходить” - ловлю мысль, когда двери открываются и выпускают меня в полумрак межквартирного коридора

московской восьмиэтажки. Отрывисто жму на звонок. “Дзiiiiинь” - заводится он по ту сторону двери. Снова, как в первый раз, удивляюсь его громкости и тому что слышу его сквозь две двери. А дальше напряженно вслушиваюсь в тишину квартиры. Через мучительные в своей неизвестности и неопределенности полминуты я слышу: “Кто там?” и, про себя отметив, что делаю это громче привычного, или прежнего, уже не могу точно сказать даже сам себе, отвечаю на весь пролет - “Я!”. Эхо мячиком скачет от одной стены, покрытой потрескавшейся и местами облетевшей зеленой штукатуркой, к другой и гаснет где-то в другом конце этажа. Скрежет замка. Первый поворот ключа. Второй. Третий. Наконец дверь открывается. Меня обдает воздухом квартиры, наполненным запахом яблочных пирожков, лекарств и старого бабушкиного ковра, который по праву может считаться самостоятельным обитателем скромной однушки. Прохожу внутрь, оставляя бабушку вновь запереть все двери. Однако и в этот раз долго с мыслями наедине я не остаюсь. Бабушка с удивительной ловкостью прошмыгивает в квартиру и уже стоит в коридоре как привратник у своих владений.

- Давай, раздевайся, проходи, вешай куртку. Кушать будешь?
- Не, спасибо, я не голоден.
- Ну тогда просто чаю.

Этот диалог у нас на уровне “Пароль-ответ”. Прохожу в комнату. Машинально провожу рукой по дереву комода. Там много фотографий. Почти никого из людей на них я не помню, но лица мне очень знакомы. Сажусь в кресло, ноги уже плохо помещаются в пролет между ним и бабушкиным журнальным столиком. Снова погружаюсь в свои мысли и воспоминания о детстве. Из них меня выводит свист чайника на кухне. Сначала я даже вздрагиваю от неожиданности. Через минуту в комнату в облаке аромата яблок, теста и чая с чабрецом, со следами сахарной пудры на рукаве, выплывает бабушка. Я подсказываю и аккуратно забираю поднос из ее рук.

- Ой, да я бы сам, чего ты суетишься?

Молча, с улыбкой, будто в детстве лицом в край махрового бабушкиного халата, зарываюсь все глубже в этот чудесный аромат. Единственное, что омрачает мою идиллию - легкая дрожь бабушкиных рук от тяжести подноса и, будто спрятанная где-то далеко - на дне ее темно-янтарных глаз - благодарность за то что я забрал поднос и ей не пришлось просить об этом. Несколько минут просто молча сидим - я жую бабушкины пирожки с яблочным повидлом, прихлебывая чай, который ровно той температуры, когда пить уже можно, но еще горячо, а бабушка смотрит на меня как на величайшее сокровище. Наконец, первый голод утолен, я отставляю поднос и смотрю на бабушку. Для нее это как сигнал. Но до того - нельзя. Для бабушки накормить

гостя - нечто сакральное, а еда местами возводится в ранг объекта культа. В детстве меня это местами обидало - я ей “Баб, я вот то хочу и вот это”, а в ответ лишь “Молча кушай!” Мама мне тогда сказала, что бабушка войну пережила, но тогда я ничего не понял. “Ну какая бабушке война? Войнушка это с мальчиками во дворе, палки, песок, взрывы петард - ууууух!”. В 8 лет меня взяли первый раз смотреть парад. Тогда я узнал, что война это не только так вот с мальчишками, но и техника: огромные танки, гусеницами так и грозящие пройти по асфальту, как терка по сыру, пусковые установки для ракет, устремившие головы в небо, как пачка новогодних петард; ленточки - они были повсюду и красные гвоздики, казавшиеся еще краснее, когда майское солнце игриво щекотало их. Но больше всего меня впечатлили солдаты! Золото эполет (только потом я узнал это слово) и шаг, выверенный как часовой механизм, идеально синхронный. Ах, эти “коробочки” полков на площади! Идеально начищенное оружие, блики от которого так и норовят ослепить и лишит тебя кусочка такого зрелища. Но больше всего меня впечатлили белоснежные перчатки. Таким белым в нашей семье были две вещи - парадная скатерть и папина рубашка. И мне, маленькому мальчику, казалось одновременно огромной честью и огромной расточительностью - иметь такие перчатки. После парада я вернулся домой и решительно заявил, что стану солдатом, когда вырасту. Папа предлагал вернуться к изначальному “космонавту”. А мама считала, что я подрасту, одумаюсь, стану таким милым школьником с портфелем в полтора раза больше меня самого и буду учёным, однако с воспитательной точки зрения - или же зная, что спорить бесполезно - мама сочла правильным согласиться со мной. И только бабушка просто молча потрепала меня по голове и сказала - “Не дай Бог”. И было что-то в ее взгляде, почему спорить я не стал. А потом у нас в школе началась история и я узнал про войны: что их было много, что где-то они до сих пор идут, а самое страшное, что там умирают. Это мысль отказывалась укладываться в моей голове. В третьем классе мы готовились ко Дню Победы и нам рассказывали про нацистов и Красную армию. Тогда я понял, что на войне есть свои и чужие, добрые и злые. И совсем не понял почему договориться у них не выходит. Но вскоре и этому нашлось объяснение. Оно воплотилось в таких длинных, немного угловатых и шероховатых, их будто можно покатасть на языке, словах “политика”, “дипломатия”. Чем старше я становился, тем больше понимал и наконец несложным сопоставлением даты бабушкиного года рождения и года начала Великой Отечественной Войны, я понял, что бабушке в войну было 15 лет. Как мне сейчас. Тут же было принято решение пойти к ней и ее расспросить. Правда я откладывал разговор довольно долго. Что-то постоянно

отвлекало меня, казалось, что не стоит затрагивать эту тему. И всё ж я собрался...

- Ну что, внучек, как учеба, как жизнь молодая?

Бабушка уже лет пять говорит эту фразу каждый раз, когда я прихожу. Но в этот раз я даже вздрогнул от неожиданности. У нас с ней несколько таких фраз и даже диалогов, когда мы оба знаем, кто что скажет, но продолжаем говорить. Это как будто какая-то игра и наш с бабушкой секрет. Иногда мне кажется, что в такие разы она даже подмигивает мне в конце как сообщнику.

Я в порядке, все хорошо. Учусь, изучаю историю. Бабушка, а расскажи мне про войну, пожалуйста.

Все то тебе расскажи...

Бабушка вдруг задумалась, нахмурившись.

Я ее едва застала. Ну как застала, на фронте я, конечно, не была. Но войну повидала. Мне тогда 15 лет было, но, знаешь, тогда как-то раньше взрослые. Я, конечно, как ты помнишь, партию поддерживала и всегда была активистка, а тем более во время войны. В то страшное время надо было стране помогать. О чем я? Так вот. Ноябрь 41 - немцы на подступах к Москве. Обстановка в городе была тяжёлая. Мужчин в городе и так давно уже не было - оставались женщины да дети. Еду тогда давали по карточкам. С этим вообще сложно было. Как-то раз нас спросили ребята из комсомола. Ну то есть как спросили, предложили. Тогда так было - предлагали и обязательно кто-то вызывался. Сказали надо ехать копать окопы - немцы то на подступах к Москве. Про немцев мы и сами все знали, нам и говорить не надо было. Страшно не было. Хотя сейчас этого не понимаю. Пришла к маме и сказала - "Мам, я поеду окопы копать". Она меня отговаривать не стала - понимала всё. Сама она тогда уже болела.... Ну и поехали мы. Копали, ничего интересного. Час копаем, два копаем. Тут мимо нас едет грузовик. Останавливается подле нас и из кабины выпрыгивает солдатик. Ну от силы лет 18, мальчик совсем. Спрашивает нас откуда мы такие. Ну мы и говорим мол мы – комсомольцы, окопы копаем. Он всплеснул руками и кричит "Какие окопы, там немцы в двадцати километрах!". Погрузил нас всех в кузов и до города довез. Не встретиться он нам, непонятно что случилось бы...

Или был случай вот когда я талоны на хлеб потеряла. Страшно было - что матери скажу, как брата маленького кормить - иду реву. Голодная. Тогда не то что сейчас - хочу то, хочу это - тогда выдавали хлеба на неделю или на несколько дней - кусок строго по весу. А если не хватало веса в буханке - давали маленькие кусочки - довески. Так вот. Иду я и тут мне навстречу одноклассник, спрашивает, чего мол я реву. А я гордая. Молчу и все тут, так он выпытал, почище любого разведчика. Володька, я потом долго еще после

войны с ним дружила, пока он в Казахстан не уехал по распределению... Ну и побежал Володька к нашим - а у всех свои талоны, тоже дома семья ждет. Но класс у нас был дружный, все друг за друга горой стояли. Собирали мне из довесков, кто-то сухарей отсыпал. С миру по нитке - голому рубаха. Разное было: и зажигалки тушили, и с ранеными помогали. Выживали мы тогда, конечно, а не жили...

Бабушка как-то грустно улыбается и сжимает в руке край кофты. Потом немного несмело, как бы невзначай, смахивает им слезы, и тут же одергивает руку, словно боясь быть уличенной в минутной слабости. Старательно делаю вид что нет ничего интереснее узоров, образуемых пудрой на тарелке, про себя обдумываю услышанное. Бабушка предпринимает последнюю попытку скрыть слезы, надев уже давно не используемые очки. Я отвожу глаза. Думаю, что на сегодня с войной закончено. И надеюсь, что навсегда...

- Ой, кстати, а вот у нас в классе...

Начинаю нести какую-то чепуху о своей повседневной жизни, и мы оба старательно делаем вид, что ничего не произошло.

Больше мы к этому разговору не возвращались.

Я всегда буду помнить глаза бабушки, глаза полные грусти, глаза, повидавшие жизнь... Жизнь, о которой надо помнить, которую надо чтить.

Демидович Евгений Владимирович,
МГУ имени М. В. Ломоносова, факультет вычислительной
математики и кибернетики,
1 курс

*Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

Юлия Друнина

Кто утверждает, что на войне не страшно, наверное, в жизни не читал книг, не смотрел фильмов. Об этой беде не знать невозможно.

Война – это самое страшное событие в мире, которое только может выпасть на долю человечества. Все исторические свидетельства говорят об этом: миллионы погибших и раненых, голод, боль и слезы, поломанные людские судьбы.

Много книг написано о войне. Каждая из них – рассказ о русских солдатах, потом и кровью отстаивавших родную землю. Это не просто судьба людей, это судьба страны, многое выстрадавшей в Великую Отечественную, но не сломленной.

В романе Бориса Васильева «В списках не значился» рассказывается об ужасах первых дней войны одна тысяча девятьсот сорок первого года.

Совсем еще мальчишка, выпускник военного училища, Николай Плужников прибыл к месту назначения своей службы, в Брестскую крепость, в ночь, отделявшую мир от войны. На рассвете начался бой, который длился девять месяцев. Плужников защищал крепость с горсткой солдат, выживших после артобстрела. Защищал даже тогда, когда остался в живых только он один. Да, было страшно. Николай мог бы уйти, так как он не числился ни в одном списке. И все же, в экстремальной ситуации, именно сознание своего долга заставило его принять неравный бой с фашистами. Откуда только брались силы выдержать нечеловеческие страдания? Не хватало еды, воды. Скрываясь в подземельях крепости, он по одному отстреливал немцев. А когда патроны кончились, Николай вышел наверх, зная, что Москва все еще наша. Он вышел к немцам слепой, с отмороженными ногами, изголодавшийся, но духовно не сломленный. «Крепость не пала: она просто истекла кровью. Я – последняя ее капля», – сказал он. Своим мужеством, стойкостью Плужников заставил восхищаться даже врагов. А немецкий офицер непроизвольно отдал ему честь.

Как ни страшна была война, она не убила в людях лучшие человеческие качества: стойкость, мужество, сострадание, отзывчивость к чужому горю. Об одном таком человеке повествует нам в своем рассказе «Передовая на Эйзенштрассе» Борис Полевой. Сержант Трифон Лукьянович, комиссованный после тяжелого ранения, вернувшись домой, не нашел ни своего завода, где работал, ни семьи. Увидел только воронку от фашистской бомбы на месте дома, где жили его жена и трое детей. Доехав до деревни родителей, Николай нашел заросшие бурьяном холмы, да торчавшие обгорелые пни. Тогда Лукьянович добрался до своей части и уговорил командира зачислить его обратно в роту. Казалось бы, сердце человека, потерявшего дом, семью, должно очерстветь, сгореть в пламени ненависти и мести врагу. Тем не менее, когда этот боец увидел на передовой, под Берлином, среди крошечного ада из свинца, плачущую немецкую девочку возле убитой матери, он рванул из окопа.

Полз боец, и, телом заслоня,
Девочку в коротком платье белом
Осторожно вынес из огня.

В это время огонь прекратился с обеих сторон. И вот, когда Лукьянович с ребенком уже почти вернулся к своим окопам, прозвучал один, единственный выстрел, который унес жизнь героя.

Невозможно не восхищаться мужеством и гуманизмом нашего солдата, спасшего немецкую девочку в этой мясорубке войны. Накануне победы он отдал жизнь во имя жизни ребенка, и это достойно уважения.

И в Берлине, в праздничную дату,
Был воздвигнут, чтоб стоять века,
Памятник Советскому солдату
С девочкой спасенной на руках.
Он стоит, как символ нашей славы,
Как маяк, светящийся во мгле.
Это он, солдат моей державы,
Охраняет мир на всей земле.*

Задача человечества состоит в том, чтобы не допустить больше войн, ведь они оставляют после себя только смерть, разрушения, горе и слезы. И самое главное: история былых сражений и подвигов не должна быть забыта, а должна передаваться из поколения к поколению. Ведь в каждой семье есть чей-то отец, дед или прадед, который воевал и, порой ценой своей жизни, отстоял честь и свободу Родины.

Вот уже несколько лет подряд в нашей стране, да и не только, 9 Мая люди выходя на улицы городов с портретами родных и близких, воевавших в Великую Отечественную. Как река памяти течет этот «Бессмертный полк».

Помните! Через века, через года, – помните!

О тех, кто уже не придет никогда, – помните!

*В работе использованы строки из стихотворения Г. Рублева «Памятник».

Дубровская Екатерина Михайловна,
Самарский государственный медицинский университет,
1 курс

*Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах прочитаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папиросы.*

Николай Майоров

Всегда сложно говорить о войне. Ещё сложнее представить, а, представив, осознать, как меняется жизнь людей, таких же, как мы с Вами, после слова «Война». Мне сейчас 19 лет.

Моим сверстникам в 1941 году с огромной любовью и уважением посвящается...

ОНА СИДЕЛА МОЛЧА У ОКНА

Она сидела молча у окна,
А ночничок мигал неторопливо.
Она была сейчас совсем одна
И на душе у ней было тоскливо.

Рукой коснулась тонкого стекла...
Из рамки он смотрел, ей улыбаясь.
Морщинка чуть сильнее пролегла.
Сердце кольнуло, болью наполняясь.

Прижала руки судоржно к груди,
А сердце всё сильнее колотилось .
Шепнула: «Я дождусь, ты приходи..»
Но понимала, что-то там случилось.

А там, за сотни километров от неё
Шёл бой, уже вторые сутки.
И стаями кружилось вороньё
И не было свободной ни минутки.

Свинцовой лавой танки шли и шли
И на дыбы вокруг земля вставала.

А он шептал: «Ты только меня жди,
Лишь только б ты меня не забывала».

Горел ночник в той комнате пустой.
Строчили пулемёты неустанно.
Он думал лишь о ней, о ней одной.
Она о нём молилась беспрестанно.

За окнами забрезжил уж рассвет.
Атака захлебнулась, бой прервался.
Она словно очнулась, время нет
А в дверь уже комбат её стучался.

Схватив свой вещмешок и его фото,
Она шагнула в ночь, через порог.
И тут вдруг у него кольнуло что-то
Вот только что, тогда понять не смог.

Она погибнет летом среди ромашек
И будет ей лишь 19 лет
О смерти своей девушки Наташи
Случайно он узнает из газет.

И с той минуты, перестав бояться,
Он будет всё крушить из боя в бой.
И перед смертью будет улыбаться
На mine подорвётся, как герой.

Но это будет позже, а в тот вечер
Горел ночник в той комнате пустой.
По сути, они были ещё дети
Жестоко разлучённые войной.

Ершов Никита Алексеевич,
МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет ВМК,
1 курс

*Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

Юлия Друнина

И никто из нас не боялся смерти,
так как никто не понимал, что такое смерть.
Леонид Андреев («Красный смех»)

В наследство нам досталось немного. О войне мы знаем лишь то, что можно увидеть за стеклом в музеях, прочитать на памятниках, иногда услышать по радио. Несколько фотографий, писем, может быть, медалей – всё, что хранится в шкатулке, словно застрявшей между 41 и 45 годом. В этом заветном сундучке, каждый треугольник впитал в себя надежду. Высохшие слёзы здесь сложены так плотно, будто бы можно было выгнать страх, притаившийся между письмами. Навсегда закрытый, похороненный под сотнями слов любви и грусти, спрятанный от глаз, нам он не ведом.

Страх перед войной, страх на войне... он угасает вместе с воспоминаниями о ней. Сегодня мы можем лишь гадать, каково это было, выражая чужой неподдельный ужас своими невесомыми словами.

Вы мне мозг разрываете вашими шрапнелями, мозг! Куда бы ни стреляли, мне все попадает в мозг, — вы говорите — дом. Какой дом?

Дома же ждала семья. Изо дня в день ожидая весточки с фронта. Любого клочка бумаги, исписанного родным почерком, который мог бы вознаградить за бессонные ночи. Каждый раз, отменяя мысли о смерти, которые вновь и вновь железной волной накрывали собой небо, эти письма дарили надежду: жив, вернётся. И тем только страшнее становилось. Вдруг не вернётся? Война вносила хаос во всё, и коснулась она всех. Никто не находил себе места, в смятении, в ожидании чего-то ужасного и неотвратимого тянулись дни на «гражданке». А на фронте...

Он смотрел на меня, и в его глазах было то же остановившееся, дикое, полное холодного ужаса, как и у того солдата, что умер от солнечного удара.

А на фронте жизнь остановилась. Дни не тянулись и даже не плыли. Время от времени, неожиданно для самого себя, подняв голову, можно было увидеть небо. Глубокое и синее, тихое и спокойное, ночное – оно словно перестало существовать вовсе, осталось для кого-то другого. И, подобно всегда неподвижному и всё же разному небу, остановились мысли, уступив место заполняющей собой всё жуткой, сковывающей, пустоте. В этой пустоте

зарождался страх. Не смерти и не поражения. Будто бы его нельзя понять умом, равно как и это застывшее небо.

— Вы боитесь? — спросил я, трогая его за локоть. Но локоть был как деревянный, а сам он тихонько улыбался и молчал. Вернее, дергались в улыбке только его губы, а в глазах были только молодость и страх — и больше ничего.

Говорят, запоминается первый бой. Первое знакомство со смертью, поселившейся с тобой в одном окопе, первый убитый на твоих глазах враг, друг. Пред глазами пронесется вихрь, в котором невозможно разобраться, в котором невозможно не участвовать, который невозможно остановить. Не оставляющий после себя ничего, что могло бы иметь место в обычной жизни, он выворачивал саму природу человека, вынуждая искать спасения от безумия, что творится на поле боя. Пронзительный свист, непрерывно напоминающий о той самой пуле, которая случайно может достаться тебе, чудовищный грохот, топящий в себе любые мысли. Всё это превращает в руины здание человеческого сознания, шрапнелью разлетается по всей оставшейся жизни.

Но ко всему привыкает человек, и война не исключение. Смерть больше не отвлекает от боя, не мешает мыслям, не сковывает тело. Не уходит, но становится привычной, словно ты делаешь своё дело, а она — своё. И чем качественнее ты будешь «работать», тем будет лучше. Ведь намного проще жить на войне, когда не содрогаешься перед видом убитого солдата. Ты его убил, или кто-то другой. Пуля это была, а может быть мина — всё это не важно, как не важна становится сама жизнь. Здесь она обесценилась, потеряла цвет и вкус, стала частью неизменного пейзажа.

День проник в ночь, реальность стала частью сна. В любое время идут перестрелки, вместо сна лишь темнота и очереди. Мыслям здесь тоже нет места — их заменяет привычка. Одни сутки от других отличаются лишь количеством бойцов, которым уже и не ведут учёт. Разбавляют это бесцветное безумие лишь несколько знакомых лиц — раньше их было больше. И на всех за редким исключением лишь одно выражение: усталости и пустоты, которая стремится подменить собою всё.

У всех зрачки сужены, — а у него расплылись они во весь глаз: какое море огня должен видеть он сквозь эти огромные черные окна!

И среди этих одинаково знакомых лиц попадались особенные. Не пустые — даже наоборот. Объемлющие слишком многое, знающие что-то такое, чего больше не знал никто. С блеском в глазах они из общей пустоты создавали что-то безупречное. От них хотелось бежать без оглядки, лишь бы на тебя не смотрели. Если бы не война, их назвали бы безумными. И их становилось всё больше, пусть они и не задерживались надолго.

Потом я встал, ходил, распорядился, глядел в лица, наводил прицел, а сам все думал: отчего не спит сын?

И как нечто неуместное в этой пустоте со временем возникали настоящие сны. Такие далёкие, словно из другой жизни, от которой давно уже ничего не осталось. Завораживающие, безмятежные, даже после пробуждения они стояли перед глазами. Казалось, от них зависел исход войны, в них был заключён весь смысл всего этого. Поразительно непохожие на всё окружающее, они приходили и оставались застывшими картинами.

Вместе со снами приходило непонимание всего, что ещё недавно казалось очевидным. Кто эти люди и чего они хотят? Зачем мы все здесь, когда так красивы сны? Зачем это небо? Такие вопросы блестели в глазах.

Где-то, над головою, с радостным, многоголосым визгом, криком и воем проносится граната.

И как ни странно, от мыслей спасал бой. Он вносил определённую, и все с радостью вспоминали, кто они и где, зачем собрались здесь. Сны отступали перед счастливым свистом пуль и осмысленным громом артиллерии. Вот они мы – бойцы! Безумной радостью светились глаза. Они были полной противоположностью страху, окутывающему вновь прибывших ребят.

Неожиданно война заканчивалась, а вместе с ней оканчивалась эта «новая» жизнь.

И всё же те, кто приходил с войны, не могли вернуться к прежней. Никогда не рассказывали о пережитом, не вели дневники. Словно видели её во всём, что их окружало, и боялись сказать об этом близким – а вдруг они тоже это увидят?

В лицах, тенях, улыбках, бликах...

И ещё долго терзали душу сны. О времени, когда небо было неподвижно, а смерть жила рядом в окопе. О времени, когда сны проникли в реальность. Словно осколки с той первой битвы долетели только сейчас. Словно война только началась, принеся с собой страх.

Звягина Алина Дмитриевна,
Школа № 5 г. Искитима, Новосибирская обл.,
7 класс

Воспоминания о войне

*Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.
Юлия Друнина*

Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.
И моя жизнь могла бы стать прекрасной,
Подобной распустившейся весне.
Вот мне тринадцать, я иду по полю –
Простор, и солнце светит мне в лицо.
За дальнею берёзкой, на опушке,
Родного дома мытое крыльцо.
Бегу, в руках душистая клубника,
Хочу скорее маме показать!
Вдруг слышу взрыв, и чьи-то крики.
«Случилось что-то...», – и скорей бежать.
Остались позади лесные блики,
И сердце бьётся так, что не унять.
На месте дома догорают книги,
Теперь мне больше некого обнять.
Остановилось время, боль невыносима:
Горит деревня, небо всё в дыму.
Угрюмые соседи смотрят молчаливо,
И что-то тихо шепчут про войну.
Куда идти? Теперь уже не важно.
И ноги бредут сами по себе.

Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.
Он ночь стонал и звал на помощь маму,
В кошмарном лихорадочном бреду.
И утирая пот, чтоб не попал он в рану,
Я думала: «Что снится там ему?»
Год не прошёл, он пролетел в работе.
Наша больница – госпиталь теперь.
Отныне – он мой дом, спасти – моя забота.
Ещё я заполняю документ потерь.
Сегодня днём к нам привезли мальчишку,
Лицо знакомое, а волосы в крови.
Я вдруг заметила в его кармане мишку,
И порванный платок. С сердечком. В знак любви.
Усталый врач мне крикнул: «Дочка, что так долго?
Вези скорее парня мне на стол!»
Я забрала игрушку и обрывок шёлка,
От сильной боли сделала укол.
Пока наш доктор спасал жизнь солдату,
Я подлатала старенький платок.
Зашила мишке ухо, сделала заплатку,
Отмыла грязный и помятый котелок.
Очнулся боец утром, спозаранку,
Открыл глаза и посмотрел вокруг.
Я в это время разносила манку,
И на его лице прочла испуг.
С тарелкой я присела к нему рядом:
– Не бойся, никому я не скажу.
Он улыбнулся благодарным взглядом:
– Спасибо, Вера. Я лишь год служу.

И он тихонько, еле слышно
Неспешно начал свой рассказ:
– Спустя два дня после бомбёжки,
Фашисты оккупировали нас.
Тебя уж тогда не было в деревне,
В концлагерь всех, и моих тоже увезли.
Я смог сбежать, и думал ежедневно
Как злобным фрицам отомстить.
Услышал, что на станции, за речкой
Стоят отряды наших партизан.
И я дошёл. Далече то местечко...
У них горел костёр, играл баян.
Старшему рассказал, как было дело,
Что дом сгорел, что наших увезли.
Он оценил мой рост, я выдержал взгляд смело,
Тогда меня в землянку повели.
Там командир спросил: – Чего ты хочешь?
Зачем пришёл, и сколько тебе лет?
Сказал: – Ты мне не ври, не то схлопочешь!
И чуть добавил в керосинке свет.
Мне страшно было лгать, но я промолвил,
Что мне семнадцать стукнуло весной.
Вновь оглядев меня, он будто что-то вспомнил:
«Для своих лет уж больно молодой».
Я продолжал, что шёл к ним почти сутки,
Что с их отрядом немцев хочу бить.
Он помолчал ещё с минутку,
И сообщил, что в пять утра в разведку выходить.
Так, Вера, оказался я в отряде.
Никто не знает малый возраст мой.

Сначала я пугался каждого снаряда,
В окопе прячась с головой.
Вчерашний бой был жестким и кровавым,
Я побывал в дожде фашистских пуль.
У смерти не бывает правых и неправых,
Подмогу ждал отряд, чуть-чуть не дотянул.
Меня спас мишка, упавший из кармана:
Напомнив, что борюсь я за семью.
Не умирать! Стоять! И позабыть о ранах!
Я сильный, я смогу, и я врага добью!
И меня снова будто подкосило:
Осколок мины жажнул по лицу.
В глазах темно, в ногах нет силы
И вот теперь я здесь, с тобой сижу».
Он замолчал. Я вместе с ним молчала.
Лишь стоны раненых врезались в тишину.
– Мне нужно отойти, сейчас приду – сказала, –
Я к тебе позже снова загляну.
Вернулась в комнату и подошла к комоду:
Достала мишку, стиранный платок.
В помятый котелок налила воду
И наспех сделала один глоток.
Вернулась в лазарет, присела рядом.
Поставила на тумбу флян с водой.
– Держи! – и вытянула из кармана
Игрушку и платок, зашитый мной.
Он вдруг заплакал, тихо, как ребёнок.
И к сердцу с теплотою их прижал.
– Благодарю тебя, они со мной с пелёнок.
Я уж подумал, что их потерял.

Мне вещи эти дороги, как память.
Платок – от мамы; мишка – от сестры.
Так удивительно, насколько дорог может быть кусочек ткани,
Как будто в них живёт частичка их души.
Как много жизней сгублено напрасно...
Мы будто все в кошмарном длинном сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

Зыкова Дарья Алексеевна,
Лицей № 22 «Надежда Сибири», г. Новосибирск,
8 класс

Герои Аджимушкая

*Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели,
Мы пред нашей Россией и в трудное время чисты.
Семен Гудзенко*

Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели,
Мы пред нашей Россией и в трудное время чисты.
Эти серые камни помнят,
Эти травы хранят дыханье
Тех, кто здесь умирал когда – то,
В катакомбах Аджимушкая.
Теплый ветер цветы ласкает,
Пахнет морем, нагретой галькой,
А они задыхались от газов,
И сгорали в дождях кислотных.
Под обрывом волна играет,
Над водою кружатся чайки,
А они умирали от жажды,
Собирая по капле влагу.
Продолжая сражаться насмерть,
Не сдаваясь врагу на милость,

Становились живой легендой,
Уходили навек в бессмертье.
В лабиринтах Аджимушкая
До сих пор нас встречают тени,
И стоит тишина такая,
Что слышны голоса погибших.
А у входа лежит, свернувшись
В беззащитный живой клубочек,
Полосатый серый котенок,
Сторожит тишину и память.
Постою рядом с ним минуту,
Пережду эти спазмы в горле
И спущусь по ступеням в вечность,
Чтобы к мужеству прикоснуться.
Здесь повсюду кричит страданье,
В белых гротах остались стоны
Умирающих от ранений,
Истекающих теплой кровью.
Я вернусь весной непременно
Вновь на керченский полуостров
Потому что болит ночами
И тревожит живая память,
Потому что здесь, у обрыва,
Мне навстречу идут рядами
Все герои Аджимушкая –
Монумент из любви и камня.
Значит, вечно встают в атаку
И готовы к последней битве
Батальоны Аджимушкая,
Если Родина вновь прикажет.

Иванова Мария Игоревна,
Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Ереване,
Республика Армения,
направление «Лингвистика», 1 курс

Хмель лета и порох на пальцах

*Долго будут в памяти слова
Цвета орудийного ствола.
Долго будут сосны над травой
Окисью синеть пороховой.
Давид Самойлов*

Хмельное лето, смех, жара, окончание школы. Трава от земли и до неба, а выше - бесконечный горизонт. В воздухе-пьянящая беззаботная молодость. Бесстрашные обещания друзьям остаться рядом и после долгих лет за партами. Сбивающееся дыхание от поцелуев со своей девочкой, пока вас не видят старшие, в каждый из которых вкладываешь всего себя, зарываясь пальцами в её мягкие волосы и всем естественным впитывая и запоминая запах этого шёлка. Такой неповторимый и необходимый. Быть влюбленным в её цветочное платье и звонкий голос, влюбленным до самовозгорания. Мокнуть под дождем с друзьями, хохоча с ними над глупыми шутками и приходиться после комендантского часа родителей, слушая крики матери и недовольство отца безалаберностью. Ну и пусть, пока ты молод и можешь быть немного грешным и немного святым в своей искренней жизни.

Посидев с ребятами на крыше и глотая выкраденный из отцовского домашнего бара алкоголь, решаем вместе уехать так далеко как только сможем. Зачем оставаться на месте, когда тебе открыты все дороги? Семья Кости переезжает, чтобы он поступил в институт получше. И он, понуришь рыжую косматую голову, рассказывает нам об этом, но слово за слово и... А почему мы должны расходиться? Мы вместе сдавали одни экзамены, вместе будет легче и готовиться. Счастье от гениальности решение перепрыгивает с одного лица на другое расцветающими улыбками. И мы расходимся радовать семьи.

Ссоры с матерью день за днём, её расстроенное лицо, ведь я хочу их, стариков, оставить. Но ведь не вечно мне сидеть в этих четырех стенах. Сестрёнке страшнее всего говорить об этом решении и потому просто занимаюсь с ней на гитаре как обычно, терпеливо ставя её ещё маленькие пальчики на аккорды. Она девочка умная и скоро будет играть в сто крат лучше меня. Но она чувствует, что вокруг неё происходит что-то и становится

настороженной. Спрашивает, не брошу ли её. Конечно, нет, глупенькая. Я вас никогда не брошу.

-Ради чего? Ради чего? Ты что, не понимаешь, что с тобой может случиться в большом городе? Да как ты можешь не понимать? Вот уедешь ты и...- разгорячившись, кричит мама на кухне и на этом моменте входит Катенька и так и застывает с открывающей дверь рукой. А после её слезы. Сначала избегает меня, ведь я не поговорил с ней. А потом застывшие в голубых глазах горячие капли, сколько бы украдкой она не бросала не меня взгляды, и сердце больно щемит от этого. Моя девочка тоже тяжело принимает эту информацию, хотя и старается держаться молодцом и обещает писать мне как она будет поживать в своём педагогическом. И я верю и обнимаю её, и только сейчас она начинает подрагивать от плача. Как же много слёз, а я всего лишь хочу чего-нибудь добиться.

А потом пришла война. Сначала о ней говорили как о далекой беде, которая уж нашего-то маленького городка ни за что не коснётся. Зачем он кому-то? Ради бурёнок, пары небольших школ и старых домов? А быть может ради соседа-Бори? Пьянчужки, любящего травить басни. Молодёжь отшучивалась, пока её не слышали родители, а те смурнели и смурнели с каждым днём, надеясь, что разгоревшийся пожар утихнет. И в войну не верили. До тех пор, пока она смрадной волной не омыла порог каждого дома, по живому вырвав у семей мужей и сыновей. Забирали всех, даже если они были совсем мальчишками. Матери висли на руках проходящих военных, стараясь заслонить от них своих детей и кричали, что их мальчики ещё слишком маленькие, но их не глядя отбрасывали на пол, будто отмахиваясь от насекомых. Не щадили и почти что стариков, если те хоть как-то стояли на ногах. Лились горькие-горькие слёзы в след увозящим близких уазикам, а из них махали руками на прощание парни, крича как любят сестер и матерей и что обязательно вернутся. И из далека не было видно, как у них дрожали руки и подступали слёзы и стекал холодный пот от страха. Мать с больным коленом бежит за машиной, захлёбываясь рыданиями и крича до хрипа в горле, пока не начинает отставать и не падает на колени рядом со взрытой большими колёсами землёй, а сестрёнка подбегает к ней и обнимает за плечи, чтобы успокоить, пряча в материнской шее зареванное лицо и шепча ласковые слова. А рядом со своей мамой стоит рыдающая Настя, скрыв лицо в вороте моего свитера. Машу им так сильно и обнадеживающе, как могу, пока они не исчезают из вида и только тогда роняю голову на сложенные руки. Хоть гитару дали взять.

Первые дни сливаются в один непрерывный кошмар. Не продохнуть в спешке. От кулаков старших спасает любовь к физкультуре и спорту. Не был

готов, что они пригодятся именно здесь. А вот очкастому щуплому парнише повезло меньше, и вскоре он ходил разукрашенный синяками от своих же. Так же учится быстрее. И на то, как боязливо он жмётся к костру больно смотреть. Нам сказали писать о том, как всё хорошо и близка победа. И мы пишем, а письма проверяют дотошнее, чем контрольные работы в школе.

“Здравствуй, мама,

Как вы поживаете? Не меняйте ничего в моей комнате. Я скоро вернусь, мы обязательно победим. Приеду и целыми днями буду носить на руках Катеньку, чтобы она громче хохотала своим чудным смехом. Пожалуйста, зови Настю в гости почаще и пеки ей свои пирожки, чтобы она не беспокоилась.

Люблю, скучаю,

Ваш Вася.”

Окрик о том, что забирают письма.

“Здравствуй, мама,

Так рад, что вы бываете вместе. Обнимай от меня девчонок почаще и пусть поцелуют тебя за меня. Холодает, берегите себя, пожалуйста, чтобы никто не поймал насморк пока я вернусь.

Всё также люблю, скучаю,

Ваш Вася.”

Дни проскакивают, выжигая на нас свои метки, но мы терпим. Многие заболели. Кто простудой, а кто посерьёзнее, застудившись на сырой земле. Кто бы мог подумать, что простуда и сопли будут мешать воевать? Куда отправили отца так и не знаю. Теперь же с гордостью пишем о том, как стойко мы держимся и как стремительно двигаемся к победе. Пусть так и будет и мама будет спокойна. Письмо за письмом. Я начинаю понимать, что не стоит привязываться к парням, хотя с каждым из них мы могли бы стать товарищами в другой жизни. Разве я сказал “в другой жизни”? Играю на гитаре, выводя песни, которые просят у костра, и гитара плачет, вторя их мыслям, ведь мужчины не должны плакать. Вроде бы помогает им отвлечься, хотя и прошли дни, когда всё больше просили весёлые песни. Старшие чрезмерное уныние относят к почти дезертирству, и потому всё приходится делать в меру. Да и на пару минут тихого брынчания струнами получается помочь забыть о том, чем мы теперь живём. Да и к чёрту всё, пока у костра не немеют пальцы и пока они есть. Правда спать теперь тяжеловато. Мелькают лица ушедших, особенно того очкарика. Надо же было так кинуть гранату, чтобы подорвать только себя..

Заболел, недавно вот пара капель крови добавилась, но я поправлюсь. Такая мелочь, пока мы живы. Только будь уверен прицел и не дрогни рука.

Всё также крепко держу автомат, а к крикам привык. Офицеры тоже боятся. Всё же подружился с одним парнем. Вспыльчивый и дикий как волчонок. Битый-перебитый уже старшими, а толку никакого. Может потому и поладили? С ним легче, он будто едва боится. Так много думаю о Настеньке... О её губах и тепле. Обнять бы так, чтобы почти хрустели под пальцами её ребра и слышать, как дрожит её дыхание от этих нежностей.

Такой красивый закат был. Самый красивый за все дни, что мы тут. Огненное бурлящее марево с белым диском солнца. Грудь сводит от такой дикой красоты, видеть бы его со старой обхоженной вдоль и поперек крыши и прижимать к боку свою девочку. И пальцы от этих чувств проворнее бегают по струнам, терзая душу и изливая всё в такой искренней мелодии без слов, что ребятам становится неловко слушать, а Волчок хитро поднимает уголок губы. Догадался, небось, откуда энтузиазм вдруг взялся. Откладываю гитару и чищу сапоги. Пусть эта ночь будет удачной. Так сладко похолодало - мороз как в детстве, когда на санках катались. Ещё бы одежду зимнюю и вообще бы была красота.

Ночью напали неожиданно, будто собирались по- тихому как спящих вырезать. Кое-как хватаем оружие - и кто в чём защищаемся. Стараюсь не считать, скольких задело, а скольких убило. Зарядить, досчитать до пяти, выглянуть из окопа, выстрелить, обратно. И так по- новой, но слишком близко подступают. Вижу, что одного нашего почти загнали в ловушку, а он в ключевой позиции. Перебегаю к нему на полусогнутых и встаю рядом, чтобы у него хоть было больше времени на перезарядку. Рядом с ухом что-то просвистело. Бросаю обоих в сторону на землю, но не успеваю. Парнишка отлетел целёхонький, а меня ослепило и оглушило. И только после начинаю орать от боли, не слыша себя. Не сразу понял, что раздавшийся шлепок-это мои кисти упали. Меня в полубреду оттаскивают в сторону и сквозь пелену на глазах замечаю Волчонка. Кто-то меня крутит, потом боль по открытым ранам. Такая нестерпимая, что мне зажимают язык, чтобы не откусил его. Вою, пока обрубки перетягивают и после забинтовывают.

После этой ночи нет возможности писать - нечем, да и отправлять некому. Учусь как-то жить с болью калекой, называя себя так только в мыслях. Переотправили в другой отряд, а от моего нет вестей. Страшно, но нужно поддерживать тех, кому тоже. Больше не могу играть и потому пою как могу, стараясь поменьше прерывать песню кашлем.

Сегодня такая красивая звенящая ночь. Будто силы вернулись. Так приятно впервые почувствовать, что победа на самом деле может быть близка. К рассвету небо вспороли новые вспышки. Изо всех сил переносу снаряды и помогаю другим чем могу культями. Наконец-то мы оттесняем врага! Победа

так близко, так близко. Меня задевает падающий солдат с простреленной головой, и я подскальзываюсь на мокрой земле, едва восстановив равновесие, но случайно выглянув из окопа. Напротив-испуганный взгляд чужого солдата, зажмурившийся прежде чем нажать на курок. Прошибает щёку и голову наискосок, но сознание на секунду задерживается. Мы победим, обязательно. Как же сладко пахнут сосны и прелая земля.

И для него война окончилась победой, ведь он не видел, как пали его товарищи.

Киреева Дарья Евгеньевна,
Центр дополнительного образования г. Искитима, Новосибирская обл.,
9 класс

«Что же такое – война...»

*Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

Юлия Друнина

«Что же такое – война...»
Пылью обсыпаны книжки,
Измята студента тетрадь.
Из миленького мальчишки -
В солдаты, ушел воевать.
В кармане фото любимой,
Рядом - от мамы письмо:
"Ах! Не задело бы миной!" -
Выглядывает из него.
"Только не в плен бы, не пулей,
Я сутками бога молю,
Пускай, Господь нас не балует,
Лишь вернулся б сынок в семью!"
Но не для писем время,
Затянут потуже мундир,
Наш парень в лучшее верит,
Три, два.. Команду дал командир!
А дальше всё, как в тумане...
Да и не только "как":
Дым из орудий валит,
Солнце садится - мрак.
У парня рука дрожала,

И вдруг.. его первый выстрел!
Пуля, говорят, не знала,
Пуля летела быстро.
Но по законам вселенной,
Справедливости мало вокруг:
Смерть настигла мгновенно
От немца жестоких рук.
Не дождалась мать ответа:
Мечтала от сына прочесть -
Пришла похоронка к лету,
И залпом почтили честь.
Не первый и не последний,
Жить мог ещё много лет,
Но ради страны, а не денег,
В руки брал пистолет.
Не жаждет душа воин, боли,
Не ради забавы бойцы,
И только о детях вторя,
Идут на войну отцы.
Рвутся студенты в бой,
Дети встают за станки,
Встаёт за страну любой:
Отвага у них в крови!
Что же такое - война?
Взрывы, мертвящий голод,
Переломанная судьба,
Опустевший, холодный город.

*Коломеец Анастасия Евгеньевна,
Школа № 1995, г. Москва,
9 класс*

Война и судьбы поколений

*Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах читаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папиросы.
Николай Майоров*

Утро. Я, гражданин Советского Союза, уверенно шагаю по проспекту. Майское солнце греет и без того раскаленный асфальт. Всюду я вижу счастливые лица москвичей. Я рад, что живу сегодня, здесь и сейчас; что вижу всех этих людей, беззаботно шагающих вместе со мной, потому что раньше было не так.

1960 год. 15 лет со дня Великой Победы. Я, Дмитрий Иванович Гордеев, гражданин Советского Союза, участник Великой Отечественной войны, вспоминаю те страшные военные годы, вспоминаю своих боевых товарищей, друзей, родных, которых уже нет в живых, которых забрала война.

Ваня, Настя и я служили в 28 стрелковой дивизии. Мы были лучшими друзьями еще со школьной скамьи, всегда держались вместе. Иван - мой ровесник. Мы учились в одном классе, жили в одном дворе. Он догнал в росте своего отца уже в восьмом классе, а поскольку его отец был кадровым командиром Красной армии, то его старая форма перешла к Ивану. Гимнастерка и галифе, сапоги и командирский ремень, буденовка из темно-серого сукна... Ему завидовали все ребята. Больше всех, конечно, им восхищалась Настенька Синицина, маленькая девушка с круглыми от преступного любопытства, блестящими глазами. От неё не пахло французскими духами, от нее веяло чистотой. Свежим яблоком, которое только что разрезали.

Она училась на класс младше, была влюблена в своего «Ванечку», который сам при виде нее неловко убирал свои русые волосы назад, от чего принимал совершенно нелепый, смешной вид.

Несколько месяцев мы несли службу в своей части, когда к нам перевели Настеньку в 134-й медико-санитарный батальон. Так нас снова свела судьба. В наших районах часто случались бомбардировки. Когда немецкие войска подошли

ближе, нам приходилось воевать в лесах. Часто в разведку приходилось отправляться темной ночью.

В одной из таких вылазок мы шли, утопая в жесткой траве. Сапоги хлюпали. Где-то и Ваня, и я успели набрать в них воды. Ступни липли к влажной подошве, и Иван думал, о том, что нужно бы снять их вообще и дальше идти босиком. Но снимать сапоги мы не стали. Трава была острой, в ней попадались колючки и осколки, что если на них наступишь, то уж потом не отмоешься от крови.

Под ногами было что-то, похожее на мокрую вату, и еще что-то, принесенное недавними дождями, - все это обитало в дурманной траве, ело ее, хмелело от ее запаха, превращалось в грязь, и все это была просто трава. Трава и ничего больше.

Ваня запрокинул голову. Луна выбелила лицо. Лес был совсем близко. Лес был капризен и пуглив, к нему вело множество дорог, и все они были долгими. Лес всегда хватал людей сам, подцеплял косматыми ветками-лапами и затягивал вглубь хуже болота, в душную часть своей сырой души. Она была таинственна и лохмата, лес не знал солнца и не пропускал ветер, после многочисленных бомбежек здесь больше никто не жил, лишь изредка над головами его посетителей пролетала птица. Ковалев замедлил шаг, подал мне знак, чтобы остановился и я. Мы услышали шаги. Кто-то шуршал травой далеко впереди. Шаги приближались, мы увидели несколько немецких солдат, они, как собаки, плелись в ночном сумраке в нескольких метрах от нас. Мы затаились, легли в траву, закрылись ветвями. Казалось, что горячий пар из их ноздрей ударил нам в лица, но я знал, что это от волнения кровь прилила мне к лицу. Они шли, не замечая нас, мы переглянулись с Ковалевым, мысленно выстроив их маршрут по известному нам лесу. Мы подождали, когда все смолкнет, и на нас навалится лес, задышит в уши. Нам срочно нужно было возвращаться назад, доложить о гостях леса. Вернувшись в расположение нашей роты, мы доложили об увиденном своему командиру - старшему лейтенанту Орлову. Он разложил перед нами карту, указал на них несколько точек, куда завтра утром должна будет выдвинуться наша рота. Мы снова переглянулись с Иваном. Ковалев сделал шаг в сторону Орлова, обратился к нему, доложил о немецкой группе, замеченной в лесу. Старшина, погладив подбородок, подошел к своему столу, взял в руки карандаш и по сообщенным нами местам отметил на карте координаты, где, по нашему предположению, сейчас находится немецкий лагерь. В моей голове промелькнула мысль, что командир может и забыть о своих пометках, но это была уже не моя забота, мы с Ковалёвым валились с ног от усталости.

Наутро нам приказали выдвигаться к линии фронта. Дорога туда мне показалась долгой, хотя, судя по картам, линия фронта была от нас в считанных километрах. Мы шли молча. Мы не знали, что нас ждет, мы не боялись, но знали, что многие из нас не вернуться. Мы шли молча, прощались.

Я сидел на скирде из соломы, пропахшей глиной, положив рядом винтовку. Эскадрильи немецких бомбардировщиков, в нескольких километрах от меня возвращались на свои аэродромы. Утро было солнечное, безветренное, наш батальон занимал оборону, где-то справа вдалеке слышался грохот. Временное затишье, установившееся на нашем участке после попыток немцев прорвать оборону, предвещало скорую атаку.

Ночью в карауле, я не спал, тишина убивала меня. Я слушал шорох травы, тихий свист реки и, подняв голову, заметил на горизонте копны сена. Раньше их не было. Протер глаза, пригляделся, действительно, копны двигались.

-Танки!

Сосчитав их, я позвонил в штаб. Наша артиллерия открыла по ним огонь из всех видов оружия. Несколько машин были сразу же уничтожены. Остальные танки двигались к хутору, где располагался штаб нашего батальона. Нам пришлось отступить к хутору, и комбат Орлов приказал всем, способным держать оружие в руках, держать оборону.

Я закинул винтовку на плечо и побежал к нашим позициям. Я бросился в ближайший окоп, где обнаружил своих сослуживцев, среди них был и Ваня. Танки двигались, окружая хутор. За ними наступала вражеская пехота, стреляя из автоматов. Нам были уже хорошо видны белые кресты на броне танков и даже лица автоматчиков.

Я выбрал позицию и стал стрелять по немцам. Увидел, как Ковалев высунулся из окопа, стреляя по пехотинцам, и тут же нырнул обратно. К нам прибыла санитарная помощь, среди них - Настя. Снова свела нас троих судьба. Я видел краем глаза, как Иван сразу воспрял. Такой уж он человек, всегда ему нужно показать себя. Настя и остальные санитарки занимались своим делом: перевязывали раненных. Синицина - умная девушка, умеет взять себя в руки. Ковалев снова высунулся из окопа, что-то прокричал, как вдруг резкий удар в грудь отбросил его от бруствера к противоположной стенке окопа. Настя рванулась за ним:

- Ванечка! - успела крикнуть Настя, схватила Ваню за руку, но споткнулась, закричала снова и упала. Зина, пригнувшись, кинулась к ним. Стреляя по врагу, я молился за себя, за Ваню с Настей, за Зину, за всех нас, за весь русский народ.

- Вот и отвоевались, - пронеслась мысль, и мне стало до боли обидно, что так и уйдешь из жизни в 19 лет.

Между тем стрельба становилась все ожесточеннее. Гул танков нарастал с каждой минутой. Напряжение росло. Уже слышались яростные крики на чужом языке.

Внезапно гул сменился лязгом гусениц, над нами показалось брюхо танка. На меня посыпались густые комья земли. И на какое-то время все затихло и исчезло.

На секунду мне показалось, что я слышал, как билось мое сердце, затем я услышал еле уловимый свист, оглушающий грохот, а потом - темнота и тишина...

Через несколько дней я очнулся в госпитале: то ли успели санитары добежать до меня, то ли после разгрома немцев меня нашли полуживого, я не успел уточнить. Распахнулась дверь в палату, ввалился мой сослуживец Гришка, который увидел, что я очнулся. Он вручил мне конверт. Вскрыв который, я обнаружил бумагу, сложенную и согнутую по краям, пропахшую то ли табаком, то ли еловым лесом и дымом. Это было письмо от командира роты: это наш полк отвели в тыл, потом он коротко желал скорейшего выздоровления, ниже приписал, что ночью продолжились обстрелы и что в скором времени, если к ним не перекинут подкрепление, то придется отступить через лес на северо-восток. Я долго читал, перечитывал, каждое слово казалось каким-то протяжным, в них не было уверенности, какая жила и наполняла Орлова, сколько я его знал. Затем я перечитал приписку. Лес... Я вспоминал наши разведывательные операции в том самом лесу, я вспоминал грязную, размытую дождями дорогу, лес, Ваню... Гришка стоял рядом со мной, ждал, пока я не дам команду выйти. Когда же я смог оторваться от письма и воспоминаний, я посмотрел на него: парень был совсем измотан, худощав, еще совсем мальчишка, кажется, ему не было и шестнадцати. Я оценивающе поглядел на него, он ожидающе смотрел на меня. Подумав, я сказал:

- Вот что, Гришка, - сказал я и достал из прикроватной тумбы клочок бумаги, карандаш, стал быстро писать ответ командиру. Неизвестно, сколько бы шло мое письмо - вся надежда была на этого Григория. Закончив писать, я поднялся, сложил бумагу пополам и сунул ее Грише в нагрудный карман: «Вот эта бумага, - я похлопал его по этому самому карману, - может спасти нас всех».

Гриша кивнул, я разрешил ему идти. Я решил подняться, вышел из общей палаты. В конце плохо освещенного коридора виднелся стол дежурной сестрички. Я подошел к ней. Она тревожно поглядела на меня. Я не знал, с чего мне начать: стоит ли мне представиться или сразу начать расспрашивать о том, что произошло. Я не знал ее имени, не знал, как к ней обратиться, но она опередила меня:

- Дмитрий Иванович, вам нехорошо?

- Я хотел спросить... Тогда со мной были люди, когда произошел взрыв, я не помню, что случилось с ними... Ковалев Иван Данилович и Синицина Анастасия Владимировна! - выпалил я. Сестра смотрела на меня испуганно, затем ее выражение лица поменялось, она опустила глаза, достала из стола бумаги.

- Понимаешь, мы неразлучны, мы все время вместе, втроем, они так любят друг друга, они же вместе, что с ними? - я скороговоркой называл названия их батальонов, даты рождения, повторял их имена, а сестра продолжала листать журнал. Ее глаза остановились. Она тревожно взглянула на меня.

- Ну что же ты молчишь? - нетерпеливо прошептал я.

- Ковалев Иван и Синицина Анастасия... - начала она протяжно, прикрывая лицо, - были найдены убитыми...

Она что-то говорила дальше, кажется, сообщала место, где их похоронили. Ее слова гудели в моей голове, она кричала мне, спрашивала все ли со мной хорошо, но хорошо мне не было. Как будто пропала какая-то часть меня, как будто в животе или в груди стало совсем пусто, как будто в мире ничего не осталось, кроме меня одного.

Не помню, как я оказался на улице, я шел и вспоминал. Этот взрыв оставил за собой последствия - провалы в памяти стали моими спутниками. Я долго вспоминал. Они отдали жизнь за Родину. Надо уметь помнить. Помнить все – каждое слово, движение. Они отдали жизни вот этой земле, всем нам. У них могла быть долгая счастливая жизнь. Они ушли, не долюбив.

Вскоре я подлатал свое здоровье и снова попал на фронт. Орлов забрал меня в мою родную роту. Благодаря моему письму нашим удалось ночью истребить немецкий батальон. Однако здесь уже не было ничего такого родного, не было частицы меня, даже старая размытая дорога обрела какой-то вовсе не свойственный ей серый цвет. По приезде только лес успокаивающе махал мне своими колючими лапами. Я также ходил на разведки, как когда-то с Ваней, я также сидел вечером у окна, как когда-то сидел с Настей. Но служба моя здесь продолжилась не долго. Скоро меня перевели в Москву, здесь мне довелось обучать юных красноармейцев. Через несколько лет, после окончания войны, я сменил профессию.

Утро. Я, гражданин Советского Союза, уверенно шагаю по проспекту. Майское солнце греет и без того раскаленный асфальт. Всюду я вижу счастливые лица москвичей. Я рад, что живу сегодня, здесь и сейчас; что вижу всех этих людей, беззаботно шагающих вместе со мной, потому что это значит, что мы воевали не зря. В Великой Отечественной войне погибли почти 30 миллионов людей. Среди них мои друзья. Среди них мои родные и близкие. Я не забываю об этом, каждый месяц я иду на могилу Неизвестного Солдата, кладу рядом 2 гвоздики, стою рядом, вспоминаю о Ване, о Насте, мне грустно, но я счастлив. Я думаю о том, что они вместе.

Сегодня, 10 мая 1960 года, я иду в этот день по улице, потому что моя жена родила двойню: девочку и мальчика. И сейчас я самый счастливый человек, потому что я отец. Отец Гордеева Ивана Дмитриевича и Гордеевой Анастасии Дмитриевны.

Котенко Анастасия Павловна,
Лицей № 22 «Надежда Сибири», г. Новосибирск,
9 класс

Подвиг разведчика

*Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах читаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папиросы.
Николай Майоров*

I

Вся моя новая жизнь представляет борьбу за выживание. Наша разведгруппа побывала в тылу более десяти раз. Её состав не меняется, значит, мы хорошо обучены. Молодые, неопытные, умеющие только хорошо маскироваться и быстро передвигаться. Старшина Корбут всегда говорит: «Ваше главное оружие – страх, вы станете лучшими, если будете бояться каждого шороха». Не знаю, зачем он нами это говорит, если мы и так не опытные вояки, которых он рассчитывал получить в качестве пополнения, а обычные трусы, действующие в ночи. На самом деле, если говорить честно, мы не так сильно боялись попасть в засаду, ведь нас достаточное количество, чтобы дать отпор. Мы всегда полагаемся друг на друга, потому что знаем: никто не предаст. Это проверено. Больше всего я доверяю моему другу Кириллу Марту.

Мы познакомились с ним еще до войны и оказались в одной части. Парнишка 20 лет, невысокого роста, но достаточно крепкого телосложения, он никогда не унывает. Он лучший из нас. Его «чуйка», как он сам шутит, позволяет опередить противника на доли секунды, а его маленький рост помогает проникнуть в самые труднодоступные места. Он так искусно скрывается, что никогда не знаешь, на каком расстоянии от тебя находится.

- Ваше задание на очередной выход. Вам понятна-а?! – прерывает мои мысли грубый голос нашего старшины. Меня бесит его привычка добавлять в конце каждого предложения протяжное «а». хотя я знаю: до госпиталя он командовал орудийным расчетом, и это «а – а - а» - оттуда.

- Для особо внимательных, - он зыркнул в мою сторону, но я даже не повел глазом - повторяю, это задание крайне важно, никаких оплошностей, сынки, а иначе я лично отправлю под трибунал. Всем ясна-а?

- Так точно!

- Тогда немедленно приступить к подготовке, все должно пройти гладко и без потерь. Я уже собрался уходить, как меня окликнул Корбут.

- Нидеееев, - протянул он мою фамилию, - подойди-ка сюда-а.

Я подошел быстрым шагом, будто пытаюсь перепрыгнуть большую лужу.

- На этом задании ты будешь в паре с Мартом, салага-а? Это «а» прозвучало однозначно: «У тебя все равно ничего не получится, испортишь все, как всегда».

- Есть - тихо произнес я.

- Тогда чего ты здесь стоишь? Шагом марш готовиться-а, вояка!

Я развернулся и быстро зашагал к казарме. - Да не переживай ты, - час спустя говорил Кирилл, - это хорошо, что тебя поставили ко мне. С нами в этот раз Ленька, который Вётров, и Сергей, из недавно прибывших. Не заводись, прорвемся, - сказал мой друг и засмеялся, как умеет только он.

День уже подходит к концу, остались только последние приготовления. Мы в сотый раз повторяем план выхода.

- Двигаемся на северо-запад до большого оврага. Будьте крайне осторожны: они не оставят такой объект без охраны. Это ловушка. Нам нужно как можно больше информации. В случае провала действуем по ситуации.

Все кивнули. Нам всегда нравилось, как Кирилл объясняет. Может быть, это оттого, что он открыт.

- Так... есть вопросы? - прервал мои мысли мягкий голос Кирилла.

- Да! У меня! - выкрикнул Ленька. Он самый младшим среди нас. Ему только 17, а война настигла и его. Мальчишка чуть ниже меня. С русыми убранными назад волосами. Он всегда слушает внимательно, но задает много вопросов: школьная привычка. Хорошая черта, даже полезная. Он немного взбалмошный, но, когда дело доходит до выполнения приказа, он сразу взрослеет. Ленька хорош в стрельбе, его и взяли как снайпера, чтобы он мог прикрывать нас.

Ленька внимательно слушает, оценивает ситуацию и возможность завершить задание с наилучшими результатами. Я знаю, что всё будет в порядке, мы давно сработались и понимаем друг друга с полувзгляда.

II

Тихо. Настолько тихо, что слышно каждый лесной звук. Сердце у меня уже готово вылететь из грудной клетки. Кажется, ребята могут его услышать. Светает.

- Парни, есть закурить? Это Ленька.

- А не рано тебе? - поинтересовался Сергей.

- Нет, да и думать об этом как-то нелогично.

- Ладно, на, держи, - протянул ему самокрутку Сергей, - докури.

Ленька втянул в себя, а после осторожно выдохнул серый дым, поднявшийся на несколько сантиметров вверх, а после и вовсе исчез. Так умеют курить те, кто бывал в разведке.

- Я полюбил это, когда мы выполняли задание в тылу врага. Помогает залатать дыры в душе, - словно извинился Ленька. - Дым пробирает до дрожи. Вот теперь не могу избавиться от этой привычки курить, когда боязно.

На Ленькином счету было уже двенадцать фашистов. Двенадцать насечек видны на прикладе винтовки.

Наше наблюдение продолжается четвертую ночь. Припасы почти на исходе. Но есть, по правде говоря, не хочется: слишком велико напряжение. В планшете Кирилла ценные данные. Мы хорошо поработали. Главное, не обнаружили себя. Под самым носом охраны объекта. Скоро назад. Домой.

III

- Вон они! - я услышал приглушенный крик сзади, успел навалиться на ребят, и мы упали на землю, когда на нас посыпался град залпов.

- Не может быть, - не мог поверить в происходящее Кирилл, - попробуем уйти!

Мы слышим, как редко щелкают выстрелы Ленькиной винтовки. Он делает свою работу. Небольшая пауза. Значит, сменил позицию. Мы понимаем и продолжаем углубляться в лес.

Снова выстрелы. Первый...Второй...Третий. Ему нельзя помочь: нет приказа. Просто отходим, извиваясь на влажной утренней траве, как ползучие существа, и слушаем. Такова война. У неё свои правила. Здесь иначе дружат и живут. В траве сзади – движение. Ленька ушёл из-под обстрела. Пока они бьют наугад. Но скоро начнется погоня и облава. Это ясно.

Я обмираю: Кирилл отдал приказ. Он и Сергей прикроют, отвлекут, примут удар на себя. Взрыв. Всех завалило землёй. Меня отбросило метров на двести. За дымом ничего не разглядеть. Всматриваюсь, надеясь прояснить обстановку. Кириллу оторвало ноги. Сергея разнесло в клочья.

Я сдерживаю позывы рвоты. Из меня выходит все, что только есть. Никогда не забуду этого ощущения. По серым губам Кирилла понимаю слово: «У-у-ходите».

Я смотрю на него. Он улыбается. Я не могу поверить: мои друзья, жизнь которых была еще впереди, сейчас лежат, истерзанные, передо мной...Вижу, как фашисты добивают Кирилла. Я благодарен им сейчас: оказывается, смерть бывает милосердной. Никогда не думал об этом. И вообще много о чем не думал. Жизнь катила чистой рекой, широкая, сильная, яркая. Дали виделись синие, светлые, милые сердцу. А беды казались мелкими, незначительными. И счастье обещало скорую встречу. Товарищи были верны, подруги прекрасны. А война, подлая и коварная, стояла, оказывается, у дверей. Она учит жестоко и просто. И двоек не ставит.

Есть приказ Кирилла, и Ленька тащит меня что было сил в сторону от места гибели наших товарищей, в чашу. И хорошо делает, потому что я готов ринуться на врагов. И мстить за свой страх, за Сергея, у которого первый выход в разведку, за улыбку Кирилла, что не увижу больше никогда.

Ленька дышит трудно. Шепчет горячим ртом: «Не кричи...только...Хочешь отомстить – делай...что-нибудь. Слова...ничего не значат. Ползи...Доставь планшет...»

Они рвутся за нами, как изголодавшие волки, заметившие дичь. Мысли ясные, короткие. Я пришел в себя. Я отомщу, но не сейчас. Если из-за моей глупости погибнет Ленька, я не смогу этого простить себе.

Мы выбегаем к полю ржи и ныряем в густые колосья. Они бьют по лицу, больно рассекая его. Кажется, ушли. Лежим, опрокинувшись на спины, глубоко вдыхаем синеву. Прислушиваемся к каждому звуку. Запах дыма и горячего хлеба настораживает. Нарастает какой – то гул. Приподнимаюсь и понимаю: идёт шквал огня. Фашисты подожгли рожь. Загнали нас, как осенних зайцев.

Перехватывает дыхание, в глазах блики, все стало темнеть. Ленька тянет меня вниз, к земле. От дыма не разобрать, куда ползём. Вдруг в памяти всплыло: за школой, в старом парке, играли в войну. Физрук учил окапываться. Подумалось: спас, дорогой Иван Николаевич.

- Доставай лопату, сделаем большой круг, чтобы остановить надвигающийся огонь, - командую я. Мы заканчиваем быстро. Я закапываю планшет с документами. Мы ложимся посередине круга и ждём огонь. Легкие болят. Кажется, что вот – вот всё закончится, я очнусь дома и увижу маму. Потом выйду на улицу и пошагаю по Невскому...

Огонь настиг нас. Главное не потерять сознание. Главное не...

IV

- Успокойтесь, просто выпейте это, - прозвучал ласковый голос.

Я медленно открываю глаза, яркий свет слепит, но вскоре я привыкаю.

- Вы проснулись? - надо мной склоненное лицо медсестры. Её белый халат забрызган кровью.

- Как... – она дала мне попить, - как я сюда попал?

- Вас нашли около деревни.

- А документы? Где планшет? - я вскакиваю, но девушка удерживает меня. Такая хрупкая на вид, но очень сильная.

-Лежите, - она погладила меня по руке и улыбнулась, - планшет доставили в штаб. Вас уже не ждали. Считали без вести пропавшими. Десять дней ничего не знали.

Всё тело моё в бинтах. Руки культепками.

- Да не буду я это пить! – слышу голос Леньки.

- У меня нет времени с вами возиться. Либо вы лечитесь, либо я сообщаю главврачу об этом инциденте, и он проведет беседу лично. Рядом с Ленькой строгая медсестра. На громкие голоса оборачивается врач, проходящий в ординаторскую.

- Что тут у вас?

- Мальчик отказывается пить лекарство.

- Какой я вам мальчик?

Ленька хватает стакан и залпом выпивает лекарство.

Я улыбаюсь с облегчением: жив, жив мой Ленька!

Мы говорили до глубокой ночи.

Впереди была большая жизнь и большая война.

Ксенофонтова Галина Викторовна,
Школа-интернат № 17, г. Москва,
6 класс

Высота «Настоящего человека»

Литературное исследование

*У каждого есть в жизни высота,
Которую он должен взять когда-то.
И если по дороге мы умрем,
Своею смертью разрывая доты, —
То пусть нас похоронят па высотах,
Которые мы все-таки берем.*

Михаил Львов

Все меньше остается свидетелей Великой Отечественной войны. О тех роковых для нашей страны событиях мы чаще узнаем не из рассказов их участников, а из книг и кинофильмов. Мое литературное исследование обращено к героической биографии героя Великой Отечественной войны, к описанию его подвига в литературной прозе и посредством кинематографа. Кроме того, подвиг этого сильного и отважного человека долгое время был и является сегодня непосредственным примером для учеников моей школы. Свое исследование я посвящаю Герою Советского Союза, военному летчику-истребителю Алексею Петровичу Маресьеву.

В нашей школе учатся ребята с ограниченными физическими возможностями. Поэтому еще в 80-х годах возникла идея создания школьного

музея, деятельность и экспонаты которого могли бы помочь ребятам нашей школы, ориентируясь на примеры судеб духовно сильных людей, поверить в себя и найти свой достойный путь в жизни. Учителя и учащиеся школы начали собирать материалы, знакомиться с мужественными людьми, победившими недуги, которые могли бы стать примерами для ребят. Потому на открытие музея в 1986 году был приглашен человек с непростой судьбой, пример огромной воли к жизни и невероятного желания продолжить свое дело – летчик-ас Герой Советского Союза Алексей Петрович Маресьев. До сих пор в музее хранится его автограф и напутственные слова ребятам. Летчик-герой был «уверен, что каждый человек, если он этого захочет, если проявит упорство, настойчивость, то обязательно найдет свое место в жизни, станет полезным человеком для нашей Родины». Алексей Маресьев желал ребятам «воспитать в себе качества, необходимые для преодоления трудностей на пути в большую жизнь». Судьба и подвиг Алексея Маресьева доказали, что сам он обладает такими качествами.

С детства Алексей мечтал быть летчиком. Два раза он подавал документы в летное училище и два раза ему отказывали в приеме из-за его слабого здоровья. Но настойчивость и упорство проявились еще в молодости – Алексей все же поступил в аэроклуб, а затем окончил Читинскую школу военных пилотов. Война застала Алексея Петровича инструктором этой школы. Он был направлен на Юго-Западный фронт в состав 296-го истребительного полка. К началу 1942 года на боевом счету Алексея Маресьева было уже 4 сбитых вражеских самолета. В этом же году летчик был направлен на Северо-Западный фронт.

Весной 1942 года в районе озер Ильмень и Селигер у города Демянска советские войска окружили большую группировку немецких войск, оказывающую очень сильное сопротивление. Во время воздушного боя в районе Демянской операции 4 апреля самолет Алексея Маресьева Як-1 был подбит. Сбитый самолет врезался в лес, а раненый летчик упал на ель, по веткам которой сполз на снег. По морозу, без еды раненому летчику почти 18 суток пришлось ползком добираться до своих, пока его не нашли местные крестьяне.

Лишь через месяц летчик был доставлен в госпиталь. Алексей прошел длительное лечение, ему пришлось ампутировать обе ноги, так как началась гангрена. Врачи уверяли, что Алексей не сможет больше летать. Но благодаря своим силе духа и упорству Алексей доказал докторам и командованию, что сможет управлять самолетом и продолжить борьбу с немецкими захватчиками. Упорно тренируясь и преодолевая боль, он в короткие сроки

научился пользоваться протезами. Уже в начале 1943 года Алексей научился пользоваться протезами во время управления самолетом и вернулся на фронт.

На боевом счету Алексея Петровича Маресьева 86 боевых вылетов и 11 сбитых немецких самолетов, 7 из которых он сбил будучи на протезах.

О подвиге Алексея Петровича Маресьева военный корреспондент газеты «Правда» Борис Николаевич Полевой написал книгу «Повесть о настоящем человеке», которая была опубликована в 1946 году. Борис Полевой познакомился с летчиком-истребителем на фронте. Корреспондент случайно узнал, что находящийся рядом с ним и только что вернувшийся с боевого задания, летчик-истребитель не имеет ног. История Алексея Маресьева «своей простотой и величием» потрясла писателя.

В 1948 году на экранах страны был показан фильм о безногом героеле-летчике. О подвиге Алексея Маресьева узнала вся страна. Подвиг Алексея Маресьева стал олицетворением стойкости и мужества всего народа.

Совсем недавно на портале История. РФ было опубликовано интервью Федора Мамаева с руководителем НООО «Поисковый отряд «Находка» Александром Марзуновым, в котором было доказано, что некоторые моменты в описании подвига летчика Борисом Полевым не совсем соответствуют действительности, а являются художественным вымыслом писателя. Новгородские поисковики проследили 18-суточный путь, который прополз раненый летчик до того времени, когда его нашли жители деревни Плав. Поисковики выяснили, что самолет Алексея упал в тылу, а потому летчику не пришлось, как в повести Б. Полевого, пересекать линию фронта. Неподалеку находилось несколько селений, но оглушенный падением с 30-ти метровой высоты летчик, выбрал путь через Лютицкое болото, на котором не было ни жителей, ни военных. Поисковики предполагают, что на пути летчика попала одна из находящихся в этой местности охотничьих сторожек, где он мог отлежаться, собраться с силами. По мнению искателей, «не было известных из повести сгоревших деревень, обозов, немцев на дороге, тем более партизан с последней курицей – это всё писательский вымысел». В начале апреля 1942 года толщина снега была не меньше метра, потому не мог раненый летчик найти себе пищу в лесу, тем более, как описано в повести, найти ежа.

Но самое главное, новгородские поисковики отыскивали точное место падения самолета легендарного летчика и проследили его путь к спасению. Теперь в их планах отыскать самолет и останки еще одного Героя Советского Союза, погибшего в районе Демянска через несколько месяцев после доставки Алексея Маресьева в Москву. Это товарищ Алексея Петровича Маресьева, организовавший его доставку в Москву – Андрей Николаевич Дегтяренко.

«Подвиг Маресьева – это подвиг всей нашей страны, победившей в Великой Отечественной войне. Алексей Петрович был живым примером, на котором воспиталось множество поколений» - утверждают поисковики. По определению Бориса Полевого, это подвиг «настоящего человека». Вероятно, потому автор сменил в фамилии Маресьева только одну букву – фамилия героя повести - Мересьев, тем самым показывая, что в роковые для страны годы многие превозмогали себя и совершали подвиги.

Алексей Петрович Маресьев с юности покорял высоты – закалил свой организм и добился поступления в летное училище, преодолел тяжелейший и опасный путь к своему спасению после падения самолета, не покорился тяжелому ранению и ампутации ног – научился «работать» на протезах и вернулся в небо, чтобы прогнать ненавистного врага с родной земли. Потому Алексей Петрович был и остается живым примером, на котором воспитывается множество поколений.

Кузнецов Степан Михайлович,
Школа п. Радовицкий, г.о.Шатура, Московская обл.,
8 класс

*Мы были всякими. Но, мучась,
Мы понимали: в наши дни
Нам выпала такая участь,
Что пусть завидуют они...*

Павел Коган

Отрывок где-то мне попался,
Что за слова? И чем важны?
Признаться, я засомневался,
Чему завидовать должны?

И кто они? Ведь мы, конечно, -
Все те, кто вырос без войны.
Мы так же учимся успешно,
Мы молоды, сильны, стройны...

Бывает мне порой не спится,
Мерцают звёзды в вышине,
Но что же в тех словах таится?
Понять пытался в тишине...

Однажды, в стареньком альбоме,
Обшитом бархатной тесьмой,
Давно лежавшем в нашем доме,
Нашёл отцовское письмо.

Отец писал его для деда,
Мой прадед, значит, - дед отца.
А скоро снова День Победы,
Уж снег растаял у крыльца.

Он пишет, будто вспоминает,
Рассказы деда о войне.
Он книги о войне читает,
И предлагал прочесть и мне.

Я не хотел, но он ругаться
Не начинал, не будет впрок...
Но от письма я оторваться
Уже, по-честному, не мог.

И вот, письмо взяв в руки, читая,
Немного голову склоня,
Теперь уже я понимаю,
Что он старался для меня:

«Ты помнишь, дед, глаза сияли?
Ты помнишь, ликовал народ?
Ты помнишь, как все это ждали? –
Победа! Сорок пятый год...

Тогда все плакали от счастья
И сердце рвалось из груди!
А позади – волна ненастья, -
Четыре года позади...

Ты помнишь, дед, войны начало?
И грохот взрывов, как набат?
Ты помнишь, как Москва встречала
На Красной площади парад?

Пройдя по площади, колонны
Ушли на фронт, был близок враг, -
Он пёр, удачей опьянённый,
Врагу казалось, только шаг

И склонит голову столица,
Вот-вот закончится «Блицкриг».
...Мороз крепчает, ветер злится,
Вдруг, слышит враг победный крик:

«Ура!» взметнулось над снегами,
Вскипает ярость, как волна, -
Волна, вскормлённая веками,
Чем Русь всегда была сильна!

Не может быть! Поверить сложно, -
Бежит фашист, сдаётся в плен.
Они не верят, - невозможно!
Россия встала, вдруг, с колен.

Ты помнишь, дед, вы устояли!
Вы устояли... вы смогли!
Бессмертный памятник ваяли
Всем, кто на фронте полегли...

Война. Война на истощенье.
«Всё для Победы!» и «Ленд-лиз».
И сердце требует отмщенья -
«Назад ни шагу!» - наш девиз!

Ты помнишь, дед, под Сталинградом
Хотел фашист вас одолеть?
Под градом бомб, снарядов градом
Стояли насмерть, словно твердь!

Был каждый дом, как будто крепость.
Боялся рукопашной враг, -
Боялся русскую свирепость,
Не взять им Сталинград никак!

Вдруг, в предрассветной тишине,
Земля как будто содрогнулась,
Ревут "Катюши" - всё в огне,
В атаку наша рать рванулась!

Грохочут танки, лязг металла,
Берём противника "в кольцо".

Душа горела и пылала,
Холодный ветер дул в лицо...

Ты помнишь, дед, февраль, метели?
Освободили Сталинград!
Вы победили! Одолели!
Был каждый несказанно рад!

В образовавшемся прорыве
Вы наступали... на фронтах
В едином пламенном порыве
Врага теснили на местах.

Ты помнишь, дед, освобождали
Деревни, сёла, города?
Как вас картошкой угощали, -
На четверых сковорода?

Ты помнишь, дед, рассказ старушки?
Ты помнишь, боль в её глазах?
Как фриц по ним стрелял из пушки?
И вопли матери в слезах

Над телом мёртвого ребёнка
Лет четырёх? Он будто спит.
Ещё немало киноплёнка
Таких смертей запечатлит...

Ты помнишь, как рука дрожала,
Когда вы слушали рассказ?
Как дрожь по телу пробежала?
И ощутил ты в первый раз

Внутри невиданную ярость?
Ты стиснул зубы, сжал кулак
И, как рукой, сняло усталость...
И снова ужасы атак...

...В пылу атаки беспыльной
Исчезнет страх... Вперёд! Быстрей!

Схлестнувшись в схватке рукопашной
Вы рвали в клочья тех зверей...

...Ты помнишь, дед, наш Курский выступ?
Ночные трели соловьёв?
Когда враги пошли на приступ,
Чтоб выбить вас из тех краёв?

Ползёт железная лавина,
Теряя танки на пути...
Уже подбита половина,
А далеко ещё идти.

Ты помнишь "Тигры" и "Пантеры"?
Их не возьмёшь снарядом в лоб...
Как вам кричали офицеры
Их подпустили ближе чтоб?

Они ползут и метров триста
Всего до наших батарей...
Стреляй в проклятого фашиста!
В их бронированных зверей!

Огонь! Огонь! Борта в прицеле -
Стреляют пушки из засад.
Не все "Пантеры" уцелели
И "Тигры" пятятся назад...

Из двадцати, штук пять подбиты,
И два как факелы горят...
Но наши пушки все разбиты,
Солдаты мёртвые лежат...

Рассвет... Над Прохоровским полем
К полудню – солнца не видать.
Сошлись лавины... Бога молим,
Чтоб он помог нам устоять...

Трещит металл... из перепонок
Сочится кровь – кромешный ад...

Бойцы в могилах из воронок
Все попеременно там лежат...

Впервые бой настолько страшен!
И перетянута струна.
Горят... взрываются... без башен...
За вами смотрит вся страна.

Сильней огня и крепче стали
Сражались насмерть все бойцы!
Все, как один, такими стали!
Да, - все – герои-храбрецы!

Умом Россию не постигнуть!
Солдат немецкий отмечал:
«Такой готовности погибнуть
Ещё нигде я не встречал»!

Ночь опустилась. До рассвета
Всего лишь несколько часов.
Взлетает красная ракета,
И вновь не слышно голосов.

И снова день чернее ночи
От взрывов, танков, что горят,
Всё к Курску враг прорваться хочет,
Найти лазейку норовят.

Но тщетно... Правда вместе с нами!
Господь на нашей стороне!
Сильны бессмертными словами:
«Чья правда, - тот сильнее в войне»!

И вы хребет врагу сломали,
Да так, что до конца войны
Они уже не наступали,
А наступали только мы!

Ты помнишь, дед, салют московский
Во славу наших храбрецов!
Ватутин, Жуков, Рокоссовский
И сотни, тысячи бойцов!

Потом бои за Украину.
Уже отброшены к Днепру.
Вы вышли ночью на равнину.
Пошли в атаку поутру.

Бои за Днепр. Штыком, прикладом...
Вы с боем заняли плацдарм.
А после вам, простым солдатам
Жал руки лично командарм!

Ещё чуть-чуть... уже Карпаты,
На марше горный батальон.
Потом привал, сидят солдаты,
Хлебают ложками бульон.

Ты помнишь, первые зарницы?
Открылась взору красота!
Уже видна, видна граница!
Отбита ночью высота.

Ты помнишь, дед, сорок четвёртый?
Лесные топи? Партизан?
А враг, по-прежнему, упёртый!
Осел к утру густой туман...

Не думал враг, что по болотам
На танках мы на них попрём!
Под гусеницы – брёвна... Что там!
Смекалкой русской их берём!

...На белорусском полустанке
Звучит солдатская гармонь,
Мальчишки лезут к вам на танки, -
Глаза горят, дрожит ладонь...

Ты помнишь, дед, от пота липкой
Пилоткой вытер пыль со лба?
И фотографию с улыбкой
У пограничного столба?

К Берлину путь. Усталость больше.
Не отвернуть, не обойти...
А вам ещё пройти по Польше,
И пол-Германии пройти...

Ты помнишь улицы Варшавы?
Летят букеты на броню...
С лихвой увенчанные славой
Вы дальше шли. Навстречу дню,

В котором, как в победном кубке
Сольётся слава прошлых дней,
Всех тех, кто выжил в «мясорубке»,
И вечных памятных огней

По тем, кто головы сложили
В борьбе с фашистским вороньём,
Кто верно Родине служили
И жизнь отдали за неё.

От наступленья передышка.
От Вислы к Одру дошли.
Ещё бросок и «фрицам» крышка!
Уже резервы подошли.

Весна. Апрель. Большим охватом
Берлин отрезан. И без сна
Штурмуем город. С русским матом...
Таков солдат! Прости, весна!

Второе мая. Бой стихает.
От непривычной тишины
Солдаты просто засыпают.
Всё! Дождались! Конец войны!

Семнадцать суток, днём и ночью
Почти без сна и без еды,
Вели бои... Бои грохочут.
За счастье был глоток воды...

Идут бойцы, идут к Рейхстагу,
И сердце бьётся всё сильнее!
Возьмём мы Будапешт и Прагу,
Чуть позже, - через десять дней...

Ура!!! Победа!!! Эти чувства
Словами и не передать!
Весна! В природе красок буйство...
В душе и сердце – благодать!

Ты помнишь, дед, как вы мечтали
О доме, мире, о семье?
Домой вас эшелоны мчали,
К родной стране, к своей земле.

В глазах - потрёпанное знамя,
Как символ павших на войне.
А ночью, раненная память
Давила сердце в тишине.

Ты помнишь, дед, друзей погибших, -
Таких же молодых ребят?
Почти не живших, не любивших,
На взлёте сбитых ястребят...

Парад Победы! Слов не надо...
Да их и трудно подобрать!
Победа! – общая награда!
Не приукрасить, не соврать.

Парад Победы. Год за годом,
Как наша память, мощь и гордость!
Не пресекаясь, род за родом,
Мы сохраняем нашу твёрдость.

Уходят прадеды и деды...
Уходят... время быстротечно.
Но снова с нами в День Победы, -
«Бессмертный полк»... уже навечно!

Ты помнишь, дед, скупые слёзы,
Когда в Москве идёт парад?
Зазеленевшие берёзы
О многом сердцу говорят...

Стоим, молчим. Одна минута.
В ней невместимое вместилось!
Почти до вечности раздута!
В ней всё что было отразилось:

Четыре года, долгих года,
Миллионы жизней и смертей,
И все страдания народа,
Боль матерей и плач детей...»

Конец письма... Текут слезами
Глаза мои... Сбит счёт часам...
Куда-то вдаль смотрю глазами...
Но что со мной, не знаю сам?

Как будто заново родился,
Когда письмо я прочитал.
По-настоящему гордился
И подвиг предков почитал!

И совесть больше не позволит
Забывать о том, какой ценой
Далась Победа! Сколько боли
В сердцах осталось с той войной!

...Москва. Весна. Парад Победы!
Вновь победителям - салют!
Пусть видят прадеды и деды -
Их подвиг люди берегут!

...Несу портрет и в сердце гордость! –
Накатят слёзы – я сдержусь...
В моей душе такая ж твёрдость!
Я тоже помню! Я горжусь!!!

Лазарев Петр Владимирович,
Викуловская СОШ № 2, г. Тюмень,
10 класс

О той войне написано не все

«Мы были высоки, русоволосы. /Вы в книгах прочитаете, как миф/ О людях, что ушли не долюбив, / Не докурив последней папиросы», - читаю вслух строки Николая Майорова, держа в руках старую, выцветшую фотографию своего деда. На ней он совсем маленький, в потрепанной рубашонке, рядом со своими сестрами, матерью и старшим братом Володькой. Представляю их суровую, пахнущую хлебом, счастьем домашнего уюта, трудовым потом и порохом жизнь.

Крепкая изба на краю сибирской деревни Веретье, уютно закутавшись в пуховое одеяло сугробов, живет какой-то своей особенной жизнью. Плачет

вьюга, скулит и прячется от холода дворовая собака, только мальчишке в старом отцовском тулупе нипочем. Вдоволь накатавшись на горке, широко распахнув дверь, он вбегает в избу. Причудливые клубы белого пара, растекаясь по полу, наполняют ее чистым морозным воздухом. В избе вкусно пахнет только что выпеченным свежим хлебом. Схватив горячий кусок, торопливо прожевав корочку, мальчишка незаметно хочет выскользнуть обратно на улицу. «Вовка, отогрелся бы, с отцом в лес ехать надо», - забеспокоилась мать. Ее серые глаза выражают всегда одинаковую доброту, любовь и внутреннюю силу. Вовка знает, что перечить матери лучше не стоит. Он – правая рука отца, значит надо ехать в лес пилить дрова, а потом помогать ему в плотницком деле и по хозяйству. А так хочется на горку!

«С ремеслом весь свет пройдешь - не пропадешь», - часто говорил сыну отец, когда в руки брал рубанок. Витиеватые колечки золотых стружек медленно падают к ногам мальчика. Вовка берет их в руки и выкладывает узоры на снегу. А топор в руках отца подобен иголке с ниткой. Легко орудуя им, он мастерит деревянную лошадку. «Лошадку сделаем Фадейке, а Тонечке и Лидочке что?» - беспокоится Володя. «А руки твои на что?» - спокойно отвечает отец. Петушок и курочка – первые игрушки, сделанные старшим братом, понравились малышам. А потом из обыкновенной чурки Володя смастерит стульчик, и на ставнях появятся первые узоры. «С ремеслом весь свет пройдешь - не пропадешь», - повторял он слова отца.

Отец умер рано, не пережил коллективизацию. Дом как-то вмиг осиротел. А бремя взрослых забот легло на плечи повзрослевшего Володи. Ему бы бегать на посиделки, ведь поет он так, что свечи гаснут, а у деревенских девушек аж дух захватывает. Они смущенно посматривают на ладного, с вьющимися русыми волосами юношу. Да и ремеслу он обучен, и в поле работает наравне с мужиками, и слов на ветер не бросает.

Ему заглядеться бы на соседскую девушку Нюрку. Голубые глаза ее весело сияют при встрече с Володей. «Глупости это. До гуляний ли? Работы больно много!» - говорит он сам себе. Знает, что мать плачет тайком, вытирая чистым передником слезы, тоскует.

В июне 41-го неожиданно в дом залетела птица и начала судорожно биться в окна. Мать всплеснула руками: «Плохая примета, не к добру это..., тревожно мне что-то». На следующий день, когда земля еще нежилась в прохладе утра, вся украшенная цветами и колосьями, председатель собрал всех жителей возле сельского совета. Осунувшись и постарев за одну ночь, еле подбирая слова, он объявил о начале войны. В деревне нависла зловещая тишина. Достав, спрятанную на чердаке почерневшую икону, мать долго молилась. Она уже не плакала, а только вздрагивала, как после тяжелого удара.

Серые глаза как-то потускнели, но выражали ту же доброту, любовь и внутреннюю силу.

Война постучалась в дом ко всем в деревне: к русоволосой Нюрке, к соседке, и к Аксинье... Прощаясь с сыном, она жадно ловила каждое его слово, а он в душе успокаивал себя: «Ничего, Фадейка уже подрос, поможет матери, да и сестренки смиренные».

Сидя в теплушке вагона, глядя на искорёженные войной села и города, он думал: «Война, когда же ты насытишь свой звериный голод? Ты хочешь царствовать всегда? Теперь твой друг – фашист? Но ничего, мы тебе вставим палки в колеса, прикончим как бешеного зверя! Не таких усмиряли! Ты дотянись только до меня своей костлявой рукой – просто так не повалишь! Зубами буду грызть тебе горло, если кончатся патроны!» В эти минуты он видел отчий дом на окраине деревни у чистой речки, мать в белом переднике перед старой иконкой, сестер и брата, отца с рубанком в руках и узоры на снегу из золотых колец стружки...

Володя погиб в Рождество 1942 года под Ленинградом. Свинцовая метель засыпала в тот страшный день землю. Он защищал не только город, в котором жил великий Пушкин, гордую красавицу-Неву, он защищал все то, что мог любить простой деревенский парень: дом, свою деревню, мать, сестер и брата. «Любовь к Родине сильнее смерти», - так учил его отец. Сжал он в последний раз горсть родной земли и навечно устремил свои голубые глаза в кровавое небо. А там звезды, как часовые, как будто ждут его. Своим трепетным

Владимир Лазарев - старший брат моего деда Фадея. Я долго рисую его образ в своем воображении, представляю его детство, юность и его бессмертный подвиг.

Лебедева Мария Александровна,
Гимназия № 6, г. Нижний Новгород,
6 класс

Взгляд из окон старого дома

Эссе

*Долго будут в памяти слова
Цвета орудийного ствола.
Долго будут сосны над травой
Окисью синеть пороховой.
Давид Самойлов*

Я старый дом. Много повидал на своём веку. Меня построили в 1938 году в Автозаводском районе города Горького. Настоящей достопримечательностью я стал благодаря своей необычной форме – радиусной. Да, меня так и называют – радиусный дом.



Помню, меня только построили. Я пах свежей краской и деревом. Мои маленькие балкончики, расположенные в шахматном порядке, были своеобразным архитектурным украшением. Тогда я видел много счастливых лиц детей и взрослых – моих жильцов. Но недолго длилась мирная жизнь врачей, учителей, заводских работников. В 1941 году я впервые услышал такие слова, как «война», «фронт», «фашисты». Мои стены всё чаще содрогались от женского и детского плача. Сначала я не совсем понимал, что происходит. Почему семьи стали покидать мужчины - мужья, сыновья, братья? Почему женщины стали носить чёрную одежду и возвращаться домой с работы усталыми и изможденными? На моей стене был прикреплен листок со словами: «Мы объявляем себя мобилизованными на защиту нашей любимой Родины и готовы трудиться и бороться, не щадя сил, до полной победы над врагом!» Так написали горьковчане. Я видел слёзы и голод, чувствовал

человеческую боль. С удивлением смотрел я сначала на подростков и детей, спешащих рано утром на Автозавод, где не прекращалось производство. Здесь изготавливали бронебойные снаряды и легкие танки. Чуть позже я понял, что дети заменили у станков ушедших на фронт отцов. Как же я переживал, что их детство оказалось таким коротким!

Мои окна заколачивали, видимо, для того, чтобы стёкла не разбились во время авианалетов. На моей крыше были установлены зенитные установки, которые защищали Автозавод от немецкой авиации. Я слышал взрывы снарядов. 4 – 5 ноября 1941 года на Автозавод был совершен массированный налет фашистской авиации, который не смогли остановить даже зенитные орудия. Мне было страшно, очень страшно. За себя, за людей, за Автозавод, за город, за всю страну, которая называлась тогда Советским Союзом.



Прошло время. Мне 82 года. Я встречаю свой зрелый возраст и чувствую теплоту семейных вечеров, наблюдаю за жизнью нижегородцев. Мне нравится мирная жизнь городского населения. Я вижу, как строятся новые дома, растут деревья, цветут цветы. Я слушаю пение птиц, детский смех. А картины военной жизни в прошлом, далёком прошлом. Но

Долго будут в памяти слова
Цвета орудийного ствола.
Долго будут сосны над травой
Окисью синеть пороховой.

Давид Самойлов

Лекарева Алёна Артёмовна,
Школа № 1561, г. Москва,
8 класс

*Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

Юлия Друнина

1941 г. Осадная Москва, Воронеж, Куйбышев. Тихое пасмурное осеннее утро. Торжественный марш войск. Тысячи и тысячи солдат уходят на войну. Я иду вместе с ними в далекую неизвестность, туда, откуда мне, возможно, и не суждено вернуться... Я вижу пилотки, надетые на солдат от мала до велика: на юношах, недавних мальчиках, и на суровых мужчинах. Где-то впереди взгляд выхватил развевающиеся знамена. Рокот безжалостных машин, грохот марширующих ног прорезал тревожную тишину. Я посмотрела наверх, я увидела расчехленные и зажженные кремлевские звезды, давно я не видела их блеска... Я вижу свой могучий народ, собравшийся здесь, в едином порыве, собравшийся и восставший! Я предстаю перед жестоким ликом войны. Резкий звук разрезал реальность. Пропал строгий строй солдат, гул двигателей и гром чеканящего шага. Но что-то осталось неизменно: та же площадь, те же люди, тот же единый порыв. Многомиллионная волна с табличками в руках, с историями простых людей-героев идёт по улицам. Мы помним! Мы не забыли! И я плыву в людском потоке памяти, и я чувствую, как это было...

Мой прадед, Григорьев Александр, курсант, недоучившийся даже до звания офицера, брошенный в бой еще мальчишкой, – какова его история? Он поведал ее в своей семейной автобиографии, он рассказал ее своим детям, внукам. Его история до сих пор жива на страницах книг и в нашей памяти.

1943 г. Шелестели листья на деревьях, некоторые из них, рано пожелтевшие, срывались от легкого дуновения ветра и, медленно кружась, опускались на землю. Сквозь шелест листьев и грохот снарядов доносилось ржание лошадей. Юноша еще никак не мог убедить себя в том, что уже находится на фронте, причем совсем недалеко от той линии огня, которая называется “передовая”, и что удары и раскаты, раздающиеся в глубине леса, есть не что иное, как разрывы снарядов, посылаемых противником. Каждому солдату вручали черную пластмассовую коробочку, в которую нужно было вложить клочок бумаги с фамилией, именем, отчеством и домашним адресом. «Так, на всякий случай...» - небрежно, как бы мимоходом, проронил командир. Все прекрасно понимали, что это - смертный “медальон”. Значит, скоро в бой... Но мальчик остается мальчиком, и так хочется домой. Мысли

уплывают вдаль от стрекота пулеметной очереди, треска автоматов, винтовок и грохота разрыва снарядов: что делают родители дома? И стадо, наверное, уже пригнали с поля. И представляется, как мать встречает корову и овец у калитки двора... Но тут мысли рядового прервало грозное урчание. Справа, по пологому склону, ломая деревья и кустарники, покачиваясь на рытвинах и настороженно двигая стволами своих пушек, медленно прошли наши танки Т-34. Раздалась команда: «Вперед! За танками!» И солдаты пошли... справа и слева, растянувшись в редкую цепь, бежали курсанты. Со свистом, поднимая фонтанчики пыли, пули веером втыкались в землю прямо под ногами. «Я уже видел что-то подобное раньше. В деревне! Так в сухую, жаркую погоду швыряют землю воробьи, когда купаются в пыли», – совсем некстати пронеслось в голове юноши нелепое сравнение. Раздался лающий скрежет металла с завыванием, который, нарастая, с устрашающей силой несся сзади солдат, из леса, откуда те недавно выбежали вслед за танками. И в одно мгновение небо над ними прочертили длинные огненные хвосты. “Катюши”, – Александр сразу догадался, что по противнику дали залп наши минометы, и на душе сразу посветлело. «В атак-у-у!... Вперё-ё-ёд!... Бего-о-ом!... Ого-о-онь!...» - раздалась команда по цепи. Мальчишка рывком сорвался с места и с хода сделал выстрел в сторону противника, затем второй, третий... Солдаты бежали вперед по вспаханному полю навстречу противнику, засевавшему в траншее. Со всех сторон с зловещим багрово-красным отблеском огня, поднимая комья черной земли, рвались снаряды. Было жутко. В ушах стоял звон. Зажав в правой руке гранату, а левой схватив винтовку, с отчаянной решимостью солдат побежал к темнеющим траншеям. Все вокруг ревело. Перед глазами мелькнули обрывки проводов, колья, торчавшие вкривь и вкось. Но Александр отчетливо увидел длинный узкий черный провал. Доля секунды - и из черного провала выплеснуло ярко-оранжевое пламя. Не видя ничего, кроме этого провала и огня, как в кошмарном сне, Григорьев рванул чеку, швырнул туда гранату и скатился вниз, в яму. Это была траншея противника. Справа и слева грохотали разрывы гранат. Сквозь треск автоматных очередей доносились хриплые голоса, брань.

Стало быстро темнеть. Надвигалась ночь. Только теперь, сидя в траншее, мальчишка почувствовал усталость. Тело вдруг обмякло и ослабело. В голове постепенно стало проясняться, и в памяти начали оживать подробности этой первой в его жизни атаки. Слева от юноши, в углу траншеи, валялся труп немецкого солдата. Это был пулеметчик, который принял смерть от гранаты Григорьева. Вопросов в голове было много, ответа - ни одного. Все молчали. Их тоже, наверное, одолевали те же мысли, что и курсанта. Глаза слипались – хотелось спать. Как - никак, они не спали уже двое суток, но при

малейшем шорохе солдат хватался за винтовку. Впереди, в безмолвии ночи, нагоняя гнетущее чувство неопределенности и тревоги, холодным светом вспыхивали ракеты противника. «Не спит фриц-то... - справа от Александра раздался знакомый голос. - Тоже, небось, боится, сукин сын!...» И он выругался. «Боишься, сынок? – вполголоса обратился он к мальчишке и, не дожидаясь ответа, посоветовал: - Ты покури тихонько, и страх-то пройдет немного...» Кругом стояла напряженная, звенящая тишина.

Страшно было тогда. Страшно за землю, за Родину, за весь русский народ. Поэтому несем мы сейчас красной нитью фотографии и эпизоды войны в руках, в сердцах как связь поколений, как благодарность за безымянный подвиг.

“Скажи мне, мать земля, скажи правду: могут ли люди жить без войны? - Это не от меня – это от вас, от людей, зависит, от вашей воли и разума” (“Материнское поле” Ч.Айтматов) Нам есть о чем задуматься...

Лэ Ван Хоанг,
Волгоградский государственный технический университет,
факультет технологии конструкционных материалов
1 курс

12 ДНЕЙ И НОЧЕЙ

*У каждого есть в жизни высота,
Которую он должен взять когда-то.
И если по дороге мы умрем,
Своею смертью разрывая доты, —
То пусть нас похоронят па высотах,
Которые мы все-таки берем.*

Михаил Львов

Я учусь в Волгограде второй год, до этого никогда не был в России, но, конечно, много слышал о России и о главной высоте – Мамаевом кургане. В октябре, в начале семестра, все наши студенты, магистранты и аспиранты были на экскурсии в Музее-панораме «Сталинградская битва», стояли на площадке грандиозной экспозиции, а потом спустились в залы музея: 1942, 1943 ... Экскурсовод рассказала нам о 23 августа 1942 года, о том, как за день Сталинград превратился в руины. Фашистские самолёты совершили до 2000 вылетов. Зелёный город на макете покрывался чёрной краской ... И вдруг я

понял: это ковровая бомбардировка. Первая ковровая бомбардировка. А потом через десятки лет американцы повторили это на моей родине.

200 дней и ночей. Все, кто учится в Волгограде, знают эту цифру. А я хочу написать про 12 дней и ночей битвы «Дьенбьенфу в воздухе». Я расскажу, как знаю, как читал на родном языке.

В декабре 1972 года американские бомбардировщики Б-52 (В-52) нанесли авиаудары по Ханюю, Хайфону, Тхайнгуену, по аэродрому Нойбай, по другим «целям». США хотели превратить Северный Вьетнам в руины. Они думали, что ПВО Вьетнама не сможет ответить. Но ожесточённый ответ сил ПВО защитников Ханоя открыл 12 дней эпической битвы в воздухе.

Её началом считается 18 декабря, когда в небе над Ханоем был сбит первый американский бомбардировщик Б-52. В течение этой ночи американцы подняли в воздух 90 самолётов Б-52 и 8 – Ф-111(F-111), три раза бомбили город. На столицу и пригороды было сброшено около 6600 бомб, было разрушено 85 жилых районов и погибло 300 человек.

12 дней и ночей армия и народ Ханоя мужественно сопротивлялись бомбардировкам противника. До 29 декабря было совершено 663 вылета стратегических самолётов, более 3800 – тактических. Вьетнамские силы ПВО сбили более 80 самолётов, захватили в плен более 100 американских пилотов.

30 декабря президент США Никсон прекратил бомбардировки и начал переговоры в Париже. Как известно, было подписано Парижское соглашение. Основной причиной, которая заставила Американскую империю подписать «Соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме» 27 января 1973 года, стало мужество нашей армии, наших людей.

Город Дьенбьенфу был знаменит битвой 1954 года с французами, поэтому победу в двенадцатидневной воздушной битве назвали «Дьенбьенфу в воздухе».

Один из советских военных специалистов назвал эту битву вторым Сталинградом. Я знал это раньше, но почувствовал и понял до конца только в октябре 2019 года, когда побывал на экскурсии в Музее-панораме «Сталинградская битва».

В этом году Россия и весь мир отмечают 75-летие окончания Великой Отечественной войны. Скоро исполнится 50 лет битве «Дьенбьенфу в воздухе». Все должны помнить об этом, чтобы войны не повторились.

Лю Сюелянь,
МГУ-ППИ, филологический факультет,
1 курс

*Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне».*

Юлия Друнина

Юлия Друнина сказала: Кто говорит, что на войне не страшно, Тот ничего не знает о войне. Ужас войны невообразим: она может отобрать у вас самые драгоценные вещи за мгновение, такие как жизнь, близких, имущество, дом. Когда война врывается в мирную жизнь людей, она всегда приносит горе, страдания и несчастье людям, будь то мужчинам, женщинам, детям или старым людям.

«*А зори здесь тихие...*» — произведение, написанное Борисом Васильевым, повествующее о судьбах пяти девушек-зенитчиц и их командира во время Великой Отечественной войны. В повести Б. Васильева показана героическая борьба девушек-женщин с врагами, борьба за свободу страны. Для меня самая впечатляющая девушка—Галя Четвертак, она самая молодая из пяти девушек, невысокая и мечтательная, и ее жизнь несчастна, она сирота и живет в детском доме. До войны она часто занималась в библиотеке, читала много романтических книг и рассматривала войну как место, где можно совершать подвиги. К сожалению, она погибает в первом бою, по глупости выбежав к немцам. По мнению автора, множество таких неопытных людей как Галя Четвертак, тот ничего не знает о войне. к сожалению, по своей беспечности потеряли жизнь, но это не их вина...

Многие, читая эту повесть Васильева, будут вспоминать героическую борьбу русских женщин в этой войне. Девушки того времени были самостоятельными, и они всеми силами показывали свою способность влиять на развитие общественных процессов.

Многие авторы подчеркивают, что война - отвратительное явление, настоящий ад на земле. Война является источником многих страданий, и она приносит все больше и больше невинных жертв. Цель всех военных писателей и поэтов - заставить будущие поколения лучше думать о себе и о том, как это избежать в будущем. Воспоминания об этих днях всегда будут существовать в наших воспоминаниях. Может быть, однажды мир действительно станет мирным, войны не будет.

Малахова Анна Илгизовна,
Школа № 30, г. Ижевск, Удмуртская Республика,
8 класс

Два сердца
Судьбы эпохи

*Мы были всякими. Но, мучась,
Мы понимали: в наши дни
Нам выпала такая участь,
Что пусть завидуют они.
Павел Коган*

В последние полгода с уст людей не сходило одно слово: «Война». Дина быстрым шагом шла по торговой улице, чувствуя, как тряпичная сумка с продуктами оттягивает плечо. Рядом с перекрестком парень раздавал газеты, на первых страницах которых были свежие новости о последних боях. Дина отрицательно покачала головой, когда продавец протянул ей газету.

Девушка перешла на медленный шаг, лишь достигнув малолюдного двора. В последнее время на детских площадках и стадионах перестали играть дети, а старушки на лавочках больше не обсуждали шумных соседей. В негромких перешептываниях слышалось лишь одно слово: «Война».

Щелкнув входным замком, Дина вошла в квартиру. Навстречу ей выскочил лохматый пес, следом за которым выбежал маленький мальчик с копной рыжих волос.

— Купила? Купила, купила? — выкрикнул он, стараясь разглядеть продукты в сумке сестры. — Ты ведь купила?

— Конечно, держи, — девушка протянула ему золотистого петушка на палочке, потрепав Митю по непослушным волосам.

Мальчик радостно хихикнул и скрылся за косяком. Дина легко улыбнулась и, подхватив сумку, направилась на кухню.

Тихо тикали часы, желтый свет заходящего солнца пробивался сквозь легкий тюль на окнах, освещая комнату. Предметы отбрасывали длинные тени. Бабушка и мама сидели за круглым обеденным столом. Обе женщины молчали, тяжелую тишину прерывало лишь копошение Мити в соседней комнате.

— А ведь и месяца не прошло, и письма не доставляли, — пробормотала в пустоту бабушка, не отрывая взгляда от тонких кистей своих рук.

Только сейчас Дина заметила чуть скомканный лист бумаги, зажатый в руке матери. В комнате вдруг резко похолодало, а губы девушки предательски дрогнули.

— И месяца не минуло, — уже тише повторила бабушка, таким растерянным тоном, что Дине вдруг захотелось выбежать вон из квартиры.

Однако девушка не двигалась с места. Мария Андреевна — мать Дины — подняла на дочь покрасневшие глаза и кивнула на стоящий рядом стул.

— Присядь, милая, надо поговорить, — мягкий голос матери вывел девушку из оцепенения, и она молча послушалась. Скрип сиденья в воцарившейся тишине казался оглушающим. — Сегодня заходил Григорий, он занес... — голос дрогнул, когда серая бумага попала на глаза.

— Письма вечность несли, а как похоронку притащить, так и недели не понадобилось, — продолжала бормотать бабушка, не поднимая взгляда.

Дина притянула к себе карточку и уставилась на нее через мутную пелену слез.

В училище любили повторять, что на поле боя должно быть так: один выстрел - один убитый немец. Те, кто не усвоил, учились заново, пока не поступал приказ о срочном зачислении в какую-либо роту или дивизию. Исполнять правило удавалось лишь немногим, и Денис Изюмов смог попасть в их число. Денису на тренировках удавалось «убить» и двоих разом.

Солнце пробивалось сквозь тяжелые облака, повисшие над кадетским корпусом. На крыльце чистил сапоги одногодка Дениса — Максим, который с первого же дня обучения пристал к нему, как банный лист.

— Вот, готово, — довольно объявил он, ставя один блестящий сапог рядом с другим. — Как говорится, получите, распишитесь.

— Автограф нужен? — усмехнулся Денис, оценивая работу парня. — Ладно, хорошо вычистил. Спасибо.

Максим хмыкнул и развалился на лестнице на манер друга.

— А ты слыхал о том, что, мол, любой снайпер рано или поздно встречает тень, за которой сколь ни гоняйся — все равно не подстрелишь? — спросил Максим, закидывая ногу на ногу. — А если не уйдешь вовремя, то и вовсе убьет раньше, чем ты заметишь приближение врага.

— Что-то с трудом верится, — покачал головой Денис, как вдруг вскочил на ноги. — Чем могу быть полезен, товарищ капитан?

Подошедший командир со скрытой усмешкой окинул взглядом запыленную форму курсантов и с осуждением покосился на Максима, который, развалившись, сидел на ступеньках, но тут же исправил свою оплошность и струной вытянулся перед капитаном.

— Приказ ваш, голубчики, пришел, — мужчина все же позволил себе улыбнуться, заметив, как загорелись решимостью глаза обеих парней.

— Пора, ребяташки. Потери несем неслыханные, сейчас и вовсе зеленых призывают. Грех вам не пострелять.

— Служу Советскому Союзу! — одновременно отозвались солдаты.

Первая неделя на заводе «Звезда» пронеслась незаметно. Дина то и дело бегала из цеха в цех, внимательно слушала инструктаж или наблюдала за работой опытных мастеров. Металлическая пыль и тяжелый прелый запах закрытого помещения завода пропитали всю ее одежду, вытеснив приятный аромат «Красной Москвы».

Мастер ходил между рядами и без устали твердил: «Немцы на подходе, поможем фронту!» Девушка и сама знала это, а от слов другого человека становилось только страшней.

Несколько месяцев назад начался голод. Средств не хватало. Город в тылу. Город, охваченный войной. Дина терпела ноющую боль в пояснице, которая стала ее верным спутником со второй недели работы за станком. Волосы пришлось обрезать, чтобы не мешали, и продать. На удивление, покупатели нашлись.

Школы закрывались, мама пробовала давать уроки на дому, но почти никто не приходил. Дина работала одна.

— А ты, Динка, лучше сначала на одной ноге постой, а потом поменяй, — советовала пожилая женщина Людмила Семеновна, работающая за соседним станком. — И обувь растяни, легче будет.

Дина лишь кивает, смотрит благодарно и вновь принимается за работу. Из-за нехватки света ей приходилось наклоняться к станку, чтобы разглядеть детали. Вскоре раздается протяжный звонок — время обеда. Слабое освещение цеха сменяется полумраком столовой. Негнущиеся ноги идут к столу, дрожащие пальцы берутся за ложку. «А ты оберни ладони платочком, мозолей меньше будет», — звучит в голове голос Людмилы Семеновны. Дина поворачивает голову в сторону соседки, но замечает лишь пустующий стул рядом.

Девушка удивленно моргает, а потом вспоминает, что ее не стало пару дней назад. Смерть сына слишком сильно ударила по старому любящему сердцу.

Денис вместе с Максимом сидели в окопе, спиной прислонившись к мешкам с песком. Руку привычно оттягивала винтовка, а голова прела под каской.

— Подходят с востока! — донесся до них крик помощника командира взвода. — Приготовить противотанковые!

Денис тут же приходит в движение и выглядывает из-за мешков, замечая приближающуюся пехоту противника, за которой не спеша, на манер уродливый жуков, ползут танки.

— Посередине поля идут, как на параде, — процедил кто-то, щелкая предохранителем.

Атаку начинают сразу же. Танки неумолимо двигались вперед, подминая под себя укрепления, которые солдаты успели сделать в последний момент.

— Давай противотанковые! — кричит командир, подбегая к ним.

— Разрешите мне! — отвечает Денис, почти не глядя на мужчину.

— Давай, — командир оказывается рядом и кивает на приближающуюся машину. — Два выстрела в одну и ту же точку, стекло треснет, машинист убит.

— Сделаю, — кивает Денис, чувствуя, как сердце ускоряет свой бег, а время, наоборот, будто останавливается.

Первый выстрел успешно дал трещину на лобовом стекле танка. Тот замедлил свой ход, но все равно продолжал ползти вперед, как огромный жук. Денис позволил себе выдохнуть и вдохнуть. Палец надавил на курок, в плечо тут же пошла отдача, а пуля вылетела из ствола. Стекло треснуло и его осколки окрасились в алый цвет.

— Хорошо, Изюмин, — кивнул командир, похлопав по плечу младшего по званию. — Продолжай стрелять.

Денис криво усмехнулся, повернув голову к стоящему рядом Максиму, как вдруг оглушительный вой накрыл обоих. Земля с небом поменялись местами. Когда Денис очнулся, то увидел рядом с собой лежащего Максима. Крови почти не было, осколок снаряда угодил прямо в висок. На ладони, протянутой Денису, поблескивала сталь противотанкового патрона.

Командир выкрикивал приказ об отступлении, солдаты, пригнувшись, бежали. Еще один разорвавшийся снаряд прогремел на соседних позициях. Все это доносилось до него, как через картонную перегородку. Негнувшимися пальцами Денис взял пулю и быстро убрал ее в карман гимнастерки, когда командир подхватил его под плечо и потянул вверх.

На заводе, в коротких перерывах между работой, любили рассказывать истории. Те, у которых оставались силы — говорили, остальные же отвлекались от мрачных мыслей за слушанием. Иногда зачитывали свежие новости с фронта.

Дина слушала в пол-уха. Полночи она не спала — ухаживала за заболевшим Митей. От дремоты ее отвлек протяжный звонок, велящий продолжать работу.

— Ничего, прорвемся, — подбадривал ее мужчина средних лет, имя которого она постоянно забывала. Сложное, нерусское.

Девушку недавно перевели в другой корпус, теперь она работала на производстве снарядов. Завод «Звезда» всегда делал свою гравировку на изготовленном оружии, и Дина только недавно узнала, что звезду гравировать вручную.

Из-за кропотливой работы в полумраке, по утрам глаза отказывались восстанавливать четкость и ясность зрения. Однажды проснувшись, Дина увидела перед собой лишь белизну, через которую просачивались туманные очертания предметов, приглушенные краски и чья-то неясная фигура.

Дениса перевели в другую воинскую часть. Теперь его задача заключалась в выжидании и истреблении врага. На задания выходили по двое, но он так и не смог привыкнуть к низкому голосу своего нового напарника, его манере речи и боевым повадкам.

Парень уже двадцать часов не двигался. Предположительно в десяти метрах от него, за камнем в кустарнике, выжидал немец. Уже стемнело, но в весенние ночи ярко светила луна. Ее света достаточно, чтобы попасть в цель. Горло пересохло, лицо, покрытое грязью, не выражало никаких эмоций.

Зардел рассвет, когда Денис услышал едва различимый хруст травы позади себя. Оборачиваться было рискованно. Покосившись, он не заметил никакого движения. Сердце пропустило удар, когда парень понял, что исчезла травяная кочка под ветвями кустарника.

Шорох повторился, и Денис резко, но тихо обернулся. В следующее мгновение в районе груди расцвела жуткая боль, а перед глазами потемнело.

Очнулся он все там же, рядом с камнем. Солнце стояло высоко в небе, нагревая темную форму и лицо Дениса. Пролежав еще пару минут, он медленно сел, держась за грудь. Крови не было. Поморщившись от боли, он расстегнул форму. Из нагрудного кармана гимнастерки торчал кончик пули. Расстегнув клапан, Денис непослушными пальцами достал противотанковый патрон, сохранившийся с первого боя. Он смялся под давлением пули, попавшей в него, но так и не был пробит ею насквозь.

Денис некоторое время молча смотрел на предмет в своей руке, вертя его на солнце. Странное жгучее чувство узлом стянуло его сердце, когда он изучал неровные края звезды, переливавшейся светлыми бликами на солнце.

— Верно говорят, что война не щадит никого. Мы боролись, отдавали все до последнего, чтобы освободить нашу Родину! — торжественный голос диктора разносился по площади. — Мы победили! Много еще предстоит восстановить и воссоздать. Но сегодня давайте отдадим честь тем, кто боролся, работал и жертвовал ради Родины! Спасибо!

На трибунах, скамьях и даже ступеньках сидели люди, толпились вокруг фонтанов и перед сценой. Оркестр начал играть, внося в тишину мелодичные, торжественные ноты.

На небе не было ни облачка. На площади никто не смел нарушить священный марш перешептыванием. На краю брусчатки, под березой, стояла молодая девушка. Рядом с ней сидела лохматая собака, а деревянная трость была наклонена на ствол дерева.

В строю победителей стоял молодой парень. Его взгляд был устремлен в чистое небо, а на груди, на цепочке, переливалась на солнце помятая сталь с гравировкой звезды на нетронутой стороне.

Два сердца бились в такт гимна Победы.

Марангоз Валерия Романовна,
Школа № 9 имени С.А. Кручко, г. Тирасполь,
Приднестровская Молдавская Республика,
8 класс

Живая память сердца

*А в Вечном огне – видишь вспыхнувший танк,
Горящие русские хаты,
Горящий Смоленск и горящий рейхстаг,
Горящее сердце солдата.
Владимир Высоцкий*

*Они завещали – воспой эту землю,
Когда отгремит, отгрохочет война.
Шумящие волны, шумящую зелень
И ветер... В нём наши шумят имена.
Сеитумер Эмин*

*Долго будут в памяти слова
Цвета орудийного ствола.
Долго будут сосны над травой
Окисью синеть пороховой...
Давид Самойлов*

Словно звуки метронома, звучат в душе скромные строчки русского поэта Давида Самойлова, который о беде знает не понаслышке. Война без спроса, стремительно ворвалась в его судьбу и жизнь миллионов его соотечественников. В 1941 году поэт добровольцем ушёл на фронт, был разведчиком, получил серьёзное ранение... Как же давно это было!

Весна... Нежная, юная, словно девочка в бело-розовом пышном платье.

Невозможно глаз отвести! Словно невестушки, принарядились яблоньки, абрикосы, груши. Их бархатные кроны будто пышные облака. Пьянит своим ароматом сирень. Чаруют дивной красотой грациозные тюльпаны. Невозможно

пройти мимо нежных цветов, похожих на жемчужные бусинки. Это в тенёчке изумрудной листвы скромно приютились ландыши. Их белоснежные головки-колокольчики ласкают вор. На тоненьких стебельках блестят

капельки серебристой росы, переливающейся радужными цветами. Кажется, будто рассыпалась разноцветная стеклянная крошка и переливается в нежных весенних лучах. Природа пробуждается, оживает...

Но лёгкая грусть в сердце не даёт покоя. Мы вспоминаем о Великой Отечественной войне. Она пришла тихо, беззвучно, как обычно приходит осень... А ушла громко, как бушует морская стихия.

Для меня война, о которой я знаю из книг, фильмов, рассказов ветеранов, родителей, учителей, – ненасытное чудовище, убивающее всё живое. Люди, прошедшие суровые тропы войны, навсегда запомнят его глаза, полные слёз, страха, горя, перед которым «гнутся горы». Война страшна не только тем, что унесла жизни миллионов людей. Она покалечила души, поломала психику выживших. Убила детство, сожгла юность, развеяла в дым... Поломанные кости долго, но срастаются, застуженные суставы болят в непогоду, но залечиваются и поддерживаются лекарствами... Как вылечить искалеченные души, успокоить людские сердца, наполненные ужасом и болью. Кто ответит?

Я благодарна судьбе за то, что родилась в мирное время. Золотые лучи солнца, цветочные поля, росистые виноградники, робкий дымчато-алый рассвет, голубая дымка над извилистой рекой, жемчужный снег, лазоревое небо – красоты на холстах современных художников. Сколько боли и ужаса было пережито для того, чтобы сейчас мы могли просыпаться в свободном государстве, любоваться дивными пейзажами!

Как и все мои ровесники, я не знаю и не хочу войны. Но ведь её не хотели и те, кто сражался на передовой, трудился в тылу, переживал мучительную блокаду, не думая о том, что не увидит больше ни ясного солнца, ни ярких звёзд, ни широких зеленых полей, ни родных и близких. Все они хотели жить, любить! Надеялись! Представьте, как им было страшно?!

Наверное, нет ни одной семьи, которой бы не коснулась, не обожгла война. В каждой есть дети войны, ветераны-герои, самоотверженные труженики тыла, партизаны, медсёстры, врачи. На их долю выпали тяжелейшие испытания и лишения. По крупицам, как мозаику, они собирали Победу, пока, наконец, не запылало красное Знамя над Рейхстагом. Они - герои!

И нашу семью не обошла стороной война, и в нашей семье есть свои герои. Долго будут в памяти их дела, продиктованные совестью, человечностью, правдой, и слова, сказанные сердцем... Для меня их святые, великие дела и скромные слова – символ Великой Победы, мира. Это вечно живая, священная память моего сердца, открывающая портал прошлого... Голос моей души...

Листая семейный альбом, в котором бережно хранится фотокопия нашей судьбы, внимательно рассматривая и читая фронтовые письма, понимаю: когда началась Великая Отечественная война, меня не было на свете, не было моих родителей. Мама рассказывала о том, что её папа, Славинский Виктор Владимирович, родился в суровые послевоенные годы в украинском живописном селе с красивым названием - Трудомировка, находящемся в Одесской области. Моя прабабушка Мария Родионовна, на тот момент воспитывающая первенца, назвала дедулю в честь Великой Победы.

Дедушка много рассказывал о голодном детстве, о своём отце - Славинском Владимире Алексеевиче. Он появился на свет 23 августа 1923 года на Украине. В апреле 1944 года был призван в Советскую армию Велико-Михайловским РВК. Прошёл войну гвардии младшим сержантом в должности авиационного моториста 62 Гвардейского Бомбардировочного полка 1 Гвардейской Бомбардировочной дивизии. Участвовал на 3-м Украинском фронте в защите Молдавии, Украины, Австрии, Венгрии. Был контужен и дважды ранен. Наша семья дорожит именем моего героического прадедушки. В его копилке – не один боевой подвиг.

20 марта 1945 года при наступлении на венгерский город Секешфехервар в составе взвода ПТР он выполнял задачу по уничтожению танков противника на фланговом участке 107 Стрелкового полка. Боевые машины были пущены для срыва наступления части. Выбрав удобную позицию для ведения огня из ПТР и стреляя по атакующим танкам противника, зажёг с 150 метров самоходное орудие типа «Фердинанд». При последующих атаках был контужен. В результате боя позиция была удержана. Его расчётом было уничтожено пять солдат противника. Настоящий богатырь мой прадед!

11 апреля 1945 года, штурмуя Вену, благодаря героизму и личной отваге, первый ворвался в окоп противника, в рукопашном бою уничтожил троих солдат и взял в плен двоих. Враг предпринял контратаку по наступающим нашим войскам при помощи самоходных орудий. Не покидая своей позиции, мой прадедушка вёл огонь по наступающим орудиям и с дистанции 75-100 метров зажёг танк типа «Пантера». В этом бою была одержана победа.

В мирное время славный предок являлся передовиком в учебно-боевой и политической подготовке. Отечество высоко оценило ратный труд моего прадеда. Сегодня мы с гордостью разглядываем его заслуженные медали: «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.».

Словно кадры документальной кинохроники, передо мной мелькают фрагменты уроков истории. С октября 1944 года по февраль 1945 года 3-й Украинский фронт участвовал в Будапештской стратегической операции. Его войска форсировали Дунай и захватили плацдарм на правом берегу. В январе 1945 года были отражены контрудары противника, пытавшегося деблокировать окружённую в Будапеште группировку. В марте во время Балатонской операции было сорвано контрнаступление немецких войск в районе озера Балатон. Успешное завершение этой операции позволило стремительно начать 16 марта во взаимодействии с левым крылом 2-го Украинского фронта Венскую стратегическую операцию, завершить освобождение Венгрии, изгнать врага из восточной части Австрии и освободить Вену.

Оказывается, мой прадед, как и сотни русских воинов-богатырей, поставил точку в огненной эпопее войны. Чувство гордости переполняет меня!

В Наградном листе говорится: «За проявленное мужество и отвагу в боях за Родину против немецких захватчиков и полученные два ранения достоин награждения Правительственной наградой - орденом «Красная Звезда».

После войны вернулся в родную Украину. Вскоре семья переехала в Тирасполь. По словам родственников, война не сломила прадеда, наоборот, закалила его характер, научила радоваться любой мелочи: звёздному небу, улыбкам детей, шороху осенних листьев, закату... Несмотря ни на что, он сохранил в себе умение сочувствовать чужой боли, сострадать, оставаться человеком даже в самых нечеловеческих условиях. Но о военных подвигах вспоминать не любил...

Слушаю рассказы мамы и её отца о прадедушке, затаив дыхание. Каждый рассказ – священный урок Мужества. Славинский Владимир Алексеевич для меня, как и миллионы других солдат-защитников, – пример мужества и стойкости, выносливости и взаимопомощи, ответственности и оптимизма. Все они - звёзды Победы, приближавшие её ценой своих жизней. Каждый из них осветил наше мирное настоящее тёплым светом добра и правды. И, может быть, о них, русских солдатах, мой любимый поэт Эдуард Асадов написал проникновенные строчки, уходящие в бесконечную вечность:

*И, став на краю могилы,
К живым пролагая мост,
Вдруг вспыхнет с гигантской силой,
Как тысяча тысяч звёзд...
И всё! И светила нет...
Но вспышки того сияния*

Сквозь дальние расстояния

Горят ещё сотни лет...

Мы помним о них. Мы гордимся!..

Сегодня в Приднестровье бушует мирная благоухающая весна. Мы всем народом дружно готовимся к великому празднику - 9 Мая. Посещаем ветеранов, помогаем им, записываем их жизненные истории. Летопись времен не прервётся! Священная, живая память наших горячих сердец бережно передаётся из поколения в поколение.

Недавно я участвовала в акции «Письмо Победы». Моё послание – лишь малая благодарность людям, завоевавшим мир. Надеюсь, эти слова, словно голуби мира, найдут своего адресата: *«Дорогой прадедушка! Уважаемый ветеран! В Вашем лице хочу обратиться ко всем ветеранам Великой Отечественной войны. Чем дальше от нас война, тем ярче и значимее Ваш жизненный подвиг. Вы – представители великого русского народа - сдали свой главный жизненный экзамен. Экзамен на мужество. Было трудно, но вы победили! Вы защитили свободу, добро, любовь, русскую речь, Великое русское слово... Преклоняюсь перед Вами и Вашим святым подвигом. Низкий поклон Вам за великий урок любви и преданности Отечеству. Наше поколение будет помнить Вас вечно...*

Всем, всем, кто вынес ту войну –

В тылу иль на полях сражений, –

Принёс победную весну –

Поклон и память поколений!

Понимаю: чтобы продолжить традиции отцов и дедов, нужно быть грамотным, знать свою историю, культуру, язык. Желаю Вам сибирского здоровья и долголетия. С любовью, Ваша внучка».

Поклонимся великим тем годам! Поклонимся героям войны!

Мартыненко Юрий Антонович,
Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко,
филологический факультет,
2 курс

*Мы были всякими. Но, мучась,
Мы понимали: в наши дни
Нам выпала такая участь,
Что пусть завидуют они.*

Павел Коган

«Наше детство...»

В сонном воздухе плавно кружился первый, с едва заметной осенней желтизной, опавший листок. Уже отключилась летняя «духовка» и улица с упоением млела. Среди этой гармонии первого сентября торопилась на урок десятого класса учительница Елена Владимировна. Она не опаздывала на занятие. Просто ей хотелось поскорее увидеть своих ребят, с которыми она разлучилась на все лето. Свою встречу с классом учительница собиралась провести в школьном музее, где темой урока будет рассказ о молодогвардейцах.

И вот перед её веселыми голубыми глазами предстали любимые ученики. Они радостно встретили свою наставницу. Теперь счастливая учительница аккуратно выводила на новой доске слова «Молодая гвардия» с готовностью начать урок, но её опередил класс: «Елена Владимировна, вы для всех нас очень много сделали. Мы очень хорошо знаем эту тему. Пожалуйста, позвольте нам провести этот урок». За пятнадцать лет работы в школе педагог никогда не слышала такого предложения, и это очень удивило её. «Можно, ребята», – произнесла она. И один за другим стали выступать подготовленные дети. Они поднимались и после уже не садились. А учительница с большим вниманием слушала каждого, представляя, будто ей рассказывают сами молодогвардейцы – Сережа Тюленин, Олег Кошевой, Ульяна Громова... С большим воодушевлением ученики рассказывали о героических сверстниках из Краснодона. После всех выступлений к Елене Владимировне обратился один из учеников с просьбой рассказать о неизвестных героях Родины. «Слушаем тебя, Андрей» – последовал ответ. Андрей начал свой рассказ:

«Под раскалённым солнцем изнывал июль 1942 года. Не предчувствуя, а постоянно слыша скрежет огневого потока врага, советская армия, оборонявшая Ворошиловград, готовилась к сражению. Была объявлена всеобщая мобилизация. В преддверии того рокового дня внезапно в дверь

учителя истории Ивана Сергеевича раздался звонок. Каково же было его удивление, когда на пороге он увидел весь свой девятый класс. Иван Сергеевич был уверен, что все они давно уехали из города, но ребята стояли перед ним и наперебой говорили, с чем пожаловали:

– Мы хотим записаться добровольцами в армию и отправиться защищать наш город от фашистов. Просим Вас помочь нам в этом, так как по возрасту нас ещё не берут в солдаты". Учитель подошел к окну и увидел играющих во дворе детей. В этот момент он задумался, понимая через свой взгляд на детей в песочнице, что ради них и стоит ходить по земле. Только сейчас есть та возможность защитить эти детские, безобидные жизни от смерти. Подумав некоторое время, он выразил свое согласие молчаливым кивком.

На стадионе «Авангард» собрались три тысячи добровольцев, чтобы направиться в сторону поселка им. Челюскинцев и попытаться разбить немецкие войска. По всему городу тонкими ручейками стекались желающие сражаться с врагом, превращаясь в широкий поток, несущий с собой последнюю надежду отстоять свой город. В колонне вместе со своими учениками шел Иван Сергеевич. В строю были только ребята, так как учитель запретил брать с собой в поход девочек. Они проходили по родным степям, мечтая поскорее вступить в бой и наголову разбить немцев. Лишь Иван Сергеевич не мог осознать, что взял с собой мальчишек на смерть. За городом, в районе шахты «Северная», колонна остановилась, и добровольцам начали выдавать оружие. На восемь человек приходилась одна винтовка-трехлинейка. Вооружившись, колонна двинулась в сторону поселка. У склона вражеских позиций добровольцы выстроились в ряды, готовясь к атаке. Для них не звучали высокие речи и оркестр. Они и без этого понимали, что либо жизнь, либо смерть. Внезапно немцы открыли беспощадный пулеметный огонь. Колонна начала редеть, появились первые убитые и раненые. Остальные рассредоточились и залегли за кустами и пригорками. А ребята решили атаковать немцев, обойдя их с левого фланга. Они обогнули холм и стали подниматься к его вершине. Все ближе и ближе подбирались они к вражескому укреплению. Каждый из них готов был драться штыком, камнями, руками, лишь бы вывести из своего Отечества врага. Вдруг неожиданно, как из-под земли, перед ними оказался вражеский пулемет и застрочил, поливая беззащитных детей огненным ливнем. Молча один за другим стали падать на родную землю хрупкие молодые тела. Четырнадцать лет она их бережно хранила, а теперь, задолго до срока, принимала в свои материнские объятия.

Когда Иван Сергеевич взобрался на холм, перед ним предстала ужасная картина: его ученики, его дети, лежали перед ним убитые нелюдями-варварами. Учитель с громким стоном, полным нечеловеческой муки, упал на

землю. И вдруг он увидел, как перед ним поднялся немец, злорадно пригрозил кулаком, повернулся и пошел к своему окопу. Будто машинально Иван Сергеевич, поднял с земли винтовку и выстрелил убийце в спину. Враг рухнул замертво. Учитель бросил винтовку и крепко прижал к себе своих ребят. У него судорожно потекли слезы и вскипела досада от того, что он остался жив, а они, дети, которых ждала целая жизнь, все погибли.

Сражение закончилось гибелью трехсот добровольцев – защитников Ворошиловграда. Учитель похоронил своих учеников с помощью местных жителей и после войны установил на холме, на их могиле, три небольших памятника – камня. Эти малыеobelisks стоят на том месте и сейчас, как память о героях, отдавших свои молодые жизни за Родину».

Андрей закончил рассказывать свою историю и посмотрел на класс. Все были так тронуты страшным эпизодом истории, что музей на несколько мгновений наполнился звуковым вакуумом.

Через некоторое время к Елене Владимировне обратилась ученица по имени Таня: «Я знаю случай, который произошел не очень давно. Когда в нашу жизнь неожиданно ворвалась война, поднялись люди, которым была безразлична судьба Родины. Среди них был казак Степан из села Каменка нашего района. С юности он служил в храме, а все свое свободное время проводил с восьмилетним сыном Сашей. Однажды мальчик игрался в своей келье, а отец проверял запасы, готовясь к очередному боевому выезду. Вся природная благодать лежала перед храмом, где жили отец и сын. Казалось, что под близкой защитой неба любая беда обойдет их стороной. Но вдруг затрещал воздух, пропуская сквозь себя истребители, которые разворачивались, чтобы сбросить бомбы на храм. Саша нечаянно вздрогнул, когда прибежал побледневший отец и приказал: «Прячься в подвал!» Сын послушно взял свои игрушки и спустился в подземелье. Там с дрожащим от ракетных взрывов огарком он одиноко сидел и вспоминал о том, как совсем недавно, когда он заканчивал первый класс, ему рассказали, что такое "война", а через два месяца мальчик испытал на себе это страшное слово.

Сидя в подвале, в бездонной темноте, он не мог плакать, потому что слишком резко и неосознанно война ворвалась в его жизнь. Он в исступлении молился под звуки сирен за своего отца, который был наверху. Но взрывы мин всё нарастали и нарастали. Казалось, будто именно к Саше они прорывались. Он испугался и посмотрел на раскрывшуюся ладонь с игрушками. После недолгого размышления вылез наружу и под канонаду взрывов побежал к окопу, спрыгнул и крепко-крепко прижался к казаку. В неравном бою с одним пулеметом против стаи железных коршунов Степан был одновременно испуган и зол, когда увидел рядом с собой единственного сына. Но деваться

было некуда. Вокруг них густо взрывались бомбы. Обойма заканчивалась, а самолеты уже разворачивались, чтобы уничтожить нестигаемых. Степан достреливал последние патроны. Но Саша заметил в пятнадцати метрах от них ещё один комплект и, выпрыгнув из окопа, помчался к нему. Отец не успел его остановить и отчаянно кричал: «Вернись!». На этом слове в Сашу полетели ракеты. Жгучим воем выплеснулись осколки и шрапнель в образовавшееся кольцо. Мальчик убежал от смерти. Он схватил патронташ и упал, пытаясь руками закопаться как можно глубже в землю. Над ним стугулся дым от снарядов и мир застыл. Когда прошёл залп в пороховом заслоне, показалось его хрупкое тонкое тело с пулеметной лентой, бегущие к отцу. Он отдал патроны, Степан зарядил пулемет и выстрелил в пикирующий на них самолет. Самолёт загорелся и, рухнувши на землю, взорвался. Так детские игрушки в руках ребенка были заменены на оружие. За участие в этом сражении Сашу удостоили медалью «За боевые заслуги». Сейчас он, единственный ребенок, участвовавший в войне, живет со своим отцом, помогая ему сохранять мир".

Таня закончила свой рассказ, а класс сидел в задумчивом молчании. После этих героических историй о самых простых детей каждый ученик думал о себе. Даже серьезные и горделивые не могли удержать слезы. Они начинали понимать главную ценность жизни - Мир! Теперь каждый видел ничтожность своих вопросов о новых телефонах, одежде, престиже и богатстве. Все эти задачи перешли в одну единственную - Мир! Только "Мир". Потому что Он смысл нашей жизни. Разве не благодаря Нему нас окружает все самое лучшее, вообще все вокруг?! Разве не ради него жили и даже погибали наши предки? Самое важное слово во всех словарях - Мир! Нельзя по нему, как по доске, бесцеремонно ходить и воспринимать как должное. Ведь в любой момент Он может сломаться и разрушить нас. А потом будет невозможно все вернуть.

Земля и переулки пожелтели в закатной горячке. К вечеру все свернулось в усталость и почивало в своем жилище. Только одна Елена Владимировна, бодрая и загадочная, прогуливалась по улице. Она знала, что дома ее ждут родные. Но для нее день продолжался. Она взглянула на свет окон, посмотрела на звездное небо и сказала: «Нет. Напрасно наговаривают на молодежь – она достойна наследия прошлого, и в ней есть надежное будущее!»

Павлишин Мария Леонидовна,
Школа № 19, г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл,
10 класс

Ножницы

*Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

Юлия Друнина

*Как будто бы вся бабья боль России
В девчонках этих вдруг отозвалась...*

Роберт Рождественский

«Лёгкий школьный вааальс... -оже –ыл – наас...» Да что такое... Опять наушники полетели! А нет, нет, кажется, вот так хорошо. Сначала. «Лёгкий школьный вааальс...» Где поворот на рынок? Ай, наверное, я его пропустила. Пойду дальше по Ленинскому проспекту.

Это я шла вдоль торговых палаток, разбросанных по тротуару в канун Нового года, разбросанных ровно и правильно, как по линейке. Это на меня при пасмурном дневном освещении падал снег, которого ждали все. И только перед моими глазами капельки снега кружились именно под тот самый вальс из моего телефона. Красивый вальс, тревожный.

«Фронтовооой санбааат

Ууу лесных дорооог...»

«Новогодние игрушки, ёлки! Ёлочки хорошие, пушистые, от восьмисот рублей!»

Правда, ёлкой запахло.

«Быыл прокууурен и убиит тоскоо-о-оюю...»

«Нет, четыреста дорого, давайте за триста?»

«Маам, маам, ну купи пряник!!!»

«Ноо сказаал солдааат, чтоо лежаал без ноооог...»

«Борька – дурак. Не догонишь, не догонишь!»

Меня чуть не сбили с ног два маленьких мальчика, змейкой петлявших между прохожими.

«Ну, хорошо. Дайте мне два таких полотенца, красных с мышью и сыром.»

«Это очень хороший крем.»

«Куда ты на красный?! Тормози!»

«Муужество солдааткоее и воо-о-о-люю»

Ну вот. Снова я всё пропустила. Так. Воспроизвести заново.

«Лёгкий шкоольный вааальс...»

Ой, забыла. Забыла. Где тут набор номера? Таак, пятьдесят четыре, сорок восемь. Ага.

«Тооже быыыл у нааас.

Ууу негоо судьбааа былааа такааа-а-а-я...»

«Вас приветствует автоответчик. Оставьте сообщение после зв...» - я сбросила вызов.

Да что же это такое? Ой, холодно. Хо-лод-но. Пятьдесят четыре, сорок восемь. Вызов.

«Помнюю, как сейчааас, нааш десятыый клааааас

Заааакружилааа вьюююгаа фронтовааа-а-а-я...»

«Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети.»

«Заааакружилааа вьюююгаа фронтовааа-а-а-я...»

«Абонент недоступен.»

Не отвечает.

- Ну, отвечайте! Кто староста группы?

- Федорина Анна Николаевна. Куда Вы её хотите? Я думаю, что она же ещё совсем...

- Отставить думать. Ваше дело – провести военную подготовку. Дальше разберутся без вас. Сорок второй через месяц, и, поверьте мне, он будет многим хуже даже этого года.

- Ведь совсем ещё девочки, только первый курс начали, полгода назад – вообще в школе учились.

- Вы, пожалуйста, прекратите эти разговоры, и лучше быстрее вызовите её сюда.

- Да вызвал я уже, вызвал.

Через пять минут вошла она. С бойкой, но почти детской улыбкой.

-А, Анечка! Заходи, заходи. Держи, тебе чай. Будешь?

-Буду, буду, спасибо, – а стеснительная была эта Аня. Ещё минуты две к чашке так и не притронулась. Потом схватила и обожгла ею свои покрасневшие после мороза руки, причём так сильно, что даже вскрикнула. Зато чай был отменный. Чёрный, терпкий, даже с сахаром.

- Значит так, - начал майор, - идёт всеобщая мобилизация. Вы, Анна Николаевна, должны оповестить всю свою группу, проинформировать, и все явится на военную подготовку. Понятно?

- Ясно.

- Тогда – выполнять. Немедленно.

И Анечка убежала из этого кабинета чуть не в слезах, оставила и чай, который был ей очень приятен. Она сама-то не знала, что такое эта «военная подготовка», но должна была ещё как-то объяснить это всем своим подругам.

Группа полным составом прибыла на обучение.

-Федоринина.

-Я.

-Оскольская.

-Я.

-Васнецова.

-Я.

-Новикова.

-Я.

-Шаг вперёд из шеренги.

И они сделали шаг вперёд, все четверо.

-Отправитесь на передовую.

Потом было несколько недель занятий, долгих и выматывающих, а товарищ майор каждый день грозился отправить девочек на фронт, прямо на передовую, и отправил. И как же так случилось, что никто из них не произнёс ни слова? Просто тишина. Они и не понимали ещё, куда уходят, а, может, и, наоборот, предчувствовали, и поэтому занемели.

Двадцать седьмого декабря сорок первого года девушки уже дотрясывались в битком набитом вагоне, который подвозил их всё ближе к полевому госпиталю. Они теперь были военнообязанные, опрошенные и обмерянные со всех сторон, напуганные этим. У каждой в кармане было по военному билету:

«Фамилия: Федоринина

Имя и отчество: Анна Николаевна

Число, месяц и год рождения: 4 марта 1923 года

Национальность: русская

Образование: 1 курс медицинского училища

Воинское звание: младший лейтенант медиц. службы

Рост: 156

Окружность головы: 56

Размер противогаза: 2

Размер обмундирования: 50/2

Размер обуви: 37»

В помещении (если можно это назвать помещением) утром двадцать восьмого декабря было жутко холодно и неуютно. Они даже не успели ещё до конца опомниться и освоиться, приехав, никуда ещё не выходили, а тут:

- Младший лейтенант Федорина.

-Я.

-Приготовится к обнаружению и оказанию помощи раненым после и во время боя. Через два часа.

-Есть,- ответила младший лейтенант Анна Федорина.

«Да нет, нет. Ничего ни «есть»! Куда? Господи, да мы же не вернёмся.»

- подумала Анечка Федорина. Подумала, и веки сомкнулись сами собой, напряжённо и очень тихо. Остывающие на лету слёзы капали прямо в сумку полевой медсестры, которую она собирала.

- Отставить портить перевязочный материал.

Её заметили.

- Есть. – сказала Аня почти шёпотом, и вздохнула.

- Собирайся быстрее. Три минуты, и чтоб была готова.

-Угу, - с трудом выдавила из себя Анечка из-за удушающей почти истерики, будто ребёнок, напуганный, находящийся в ступоре и не осознающий жизни вокруг.

- Не понял!?

- Есть быть готовой ч-через три м-минуты. – исправилась младший лейтенант.

А что там было собирать? Тут и в одну минуту можно было уложиться. Бинты, мягкие складные носилки, вата, жгут и ножницы. Может, это и доводило её до полуотчаяния... Анечка даже за свои полгода в училище уже успела увидеть, сколько нужно разных препаратов и средств, чтобы предоставить хоть даже и самую скудную помощь. А тут... Только бинты и вата. И больше ничего.

На время боя они были расселены из своего госпиталя в землянки, и обязательно все в разные, чтоб побольше был охват территории. Аня была в землянке одна. Там было сыро. Выдали одежду, обмундирование. Была лютая зима, поэтому всех девушек одели кого в телогрейки, кого – в большие безразмерные фуфайки, издали похожие на одеяла, плотно чем-то набитые (такая и досталась Анне), но зато какие тёплые. Поверх этой фуфайки была та самая бедно оснащённая сумка с бинтами. А младшему лейтенанту Федориной достался ещё и автомат. И вот Анечка трясётся и стучит зубами в тёмной землянке, трясётся вместе с автоматом и знает, что скоро надо будет наверх. И трясётся не от холода, а просто трясётся. И дышит так глубоко на морозе, что стынет даже где-то у бронхов, рядом с лёгкими, дышит так часто,

что, в конце концов, закашливается, сильно и долго, уже болит и печёт в груди, а молодое бледное личико её стягивается морщинистой судорогой. Она всё крепче сжимает в руках автомат и почти уже на него опирается.

Что-то прогремело снаружи, потом ещё раз и ещё раз. Видимо, пора идти. Аня выбралась из землянки, не успев отдышаться, а дальше всё понеслось со скоростью света. Сначала она бежала мимо огромных елей, довольно много, проваливаясь в сугробы и утопая в них. Наконец, всё стало кружиться перед ней, и совершенно непонятно, куда ставить ноги, они уже заплетались, а на ёлках стали видеться развешанные игрушки, свечи и конфеты. Потом она пробиралась ползком, как учили, скрываясь от выстрелов. И остановилась, увидев, что снег стал розовым. Да, всё так. Вот же он, раненный. Лежит в полтора метра от неё, но, скорее всего, ещё жив и даже в сознании. Анечка уже порывалась броситься к нему, но девушку опередили. Ей тогда повезло, что она не успела выйти из-за дерева именно в эту секунду, потому как итог был бы печальный. Аня застыла в стоп-кадре, когда увидела, как добывает, душит голыми руками какой-то высокий и худой мужчина её раненного. Уже полминуты сквозь снег она впивалась взглядом в немецкую форму. Нужно на что-то решаться, хоть на что-то. Иначе – конец. Она сняла с плеча автомат, и в ту же секунду её чуть не схватил инфаркт. Он же не заряжен! И тут вспомнила, как в землянке в припадке панической атаки, вылезая наверх, бросила магазин внутри. Хорошо, хорошо. Но есть ведь и запасной. Выдали. Вот он, родной, лежит в сумке, среди бинтов. Она его достает и... «Ну давай же, давай. Как учили!!» - руки ходуном ходят, и глаза бегают и ежесекундно меняют положение, обращаясь то к сцене убийства, то к проклятому промёрзшему железу, которое никак не хочет стать боевым оружием. «Ну, давай, давай!» Ещё пара секунд промедления и спасать уже будет некого. «Да гори оно всё огнём!!!» - и она бросила автомат в снег, даже не бросила, а выбросила, а сама рванула вперёд. Было минус двадцать пять, а Ане было жарко и душно, когда бежала она. А больше ничего она и вспомнить не может. Как по дороге выхватила из сумки ножницы, это не помнит, это почти галлюцинация. А потом кровь хлынула прямо в голову, и лицо её стало по-большому румяным. Она со всей силы всадила эти ножницы прямо в висок немецкому офицеру, душившему солдата, и тот повалился назад и залил кровью ближайшие три метра, а Аня едва не упала на землю вместе с ним.

Она уже больше почти не дышала, только горячие, горячие слёзы падали вниз, там и замораживались. Она не кричала, только смотрела на остывающий труп и тихо сквозь эти слёзы, заикаясь, шептала: «И-и-з-з-вините. И-и-з-з-вините. И-и-з-з-вините.» Я не стану говорить слово «опомнилась», потому что Аня не опомнилась, а просто начала бинтовать. Молча. Достать ножницы она

не решилась, да было уже и некогда возиться с этим, поэтому бинты перекусывала зубами. Одна пачка, вторая, третья. Голова, рука, нога. «Больно.» - говорил он до тех пор, пока не отключился. И так спокойно говорил, будто просто констатировал факт. Больно, правда, больно. Только что дальше? У Федориной в сумке по-прежнему только бинты и вата. Анечка сунула ему в рот свою фляжку, но солдат не успел отхлебнуть из неё. А у девушки всё валялось из рук, всё тряслось: дрожали руки, голова, и бинты тоже дрожали.

То, как она попала обратно в госпиталь вместе с солдатом, выскользнуло из памяти Ани. По возвращении ей влетело и за брошенный автомат, и за забытый магазин, и за оставленные ножницы.

- Младший лейтенант Федорина, внеочередное дежурство. Идите стирать простыни, бинтов не хватает.

-Есть.

И больше она ничего не говорила. Все следующие два дня - только «есть», «есть», а других слов будто и нет вовсе. Между этими «есть» Аня только плакала. И целыми вечерами она стирала красные липкие простыни с приторным запахом крови. На второй день её нашли лежащей на столе возле таза с бельём.

- Анютка, вставай, ты чего спишь? Тебя сейчас кто-нибудь увидит. – шептала ей Оскольская.

Анютка не отвечает.

- Слышишь, Аня?

Снова не отвечает. Оскольская потрепала её за плечо, и всё равно тишина. Вот после уже была холодная вода, окно.

За одну эту ночь она теряла сознание шесть раз. Пять раз девушки приводили её в чувство сами, на шестой позвали врача, дежурного хирурга. После чего был и нашатырный спирт, и камфорное масло. А утром снова была работа.

Ночью тридцать первого декабря Анна вернулась после очередной вылазки и заступила на дежурство. Только с мороза, потирая руки, она села за стол разбирать накопившиеся бумаги. Оскольская принесла ей чашку и поставила на стол. Это была металлическая кружка с прогнутым дном, из-за чего она и шаталась на любой, даже самой ровной поверхности. А внутри был кипяток. Просто кипяток. Федорина схватилась за эту чашку и снова обожгла обмороженные руки, но теперь вскрикнуть было нельзя: кругом спят пациенты, да и, почему-то, не хотелось больше. И в этом кипятке всё ещё чувствовался бумажный вкус холодных бинтов, а из стен палаты до сих пор не

выветрился нашатырь и камфора. И всё было такое бумажно-безвкусное: и кипяток, и воздух, и время.

«Я так хочу чай, хоть бы и без сахара, просто обычный чай. И ничего больше мне не нужно.» - и из глаз опять полились слёзы, они были солёные и падали прямо в чашку, придавая кипятку хоть какой-то вкус.

Приближалась полночь, начало нового года. Что-то громко хлопнуло сначала справа, потом слева, затем что-то большое бахнуло где-то совсем рядом. И это не был праздничный салют, и не были куранты, а был это очередной артобстрел, который сегодня закончился быстро, видимо, в честь праздника. Точно так же она встретит и следующий Новый год, потом – ещё один, потом – третий.

«Как же я хочу чай...» - ком в горле уже не даёт допить и этот слабосолёный кипяток.

-Добрый вечер. Мне, пожалуйста, один чай.

-Чёрный, зелёный, фруктовый, сахар, мята, имбирь, корица?

-Чёрный, мм, и сахар тоже давайте.

-Да, сейчас. Вот Ваш чай, сейчас добавлю сахар.

-Подождите, подождите, девушка. По-моему, это соль.

-Ой, точно, спасибо. Вот. Теперь ваш напиток готов. С Вас сто двадцать восемь рублей.

-Картой, - я достала из кошелька банковскую карту.

Обработка данных. Выполнение запроса. Операция выполнена успешно.

-Спасибо за покупку. С наступающим 2020 годом.

Спускаюсь по уложенным плиткой ступенькам. Пятьдесят четыре, сорок восемь. Вызов.

Мы встретились с Сашкой у огня. У Вечного огня. Стояли друг напротив друга.

- Ну, где? Будет или нет? – нетерпеливый он был.

-Да, сейчас, сейчас должно быть.

Пятьдесят четыре, сорок восемь. Вызов. «Вас приветствует автоответчик.» А я его совсем не приветствую и уже начинаю нервничать.

- Ну, чего? Где твой капитан?

Я и не знаю вовсе, что ответить на это и думаю уже, что бы сказать в оправдание, как вдруг замечаю. И улыбаюсь.

- Да как хоть его зовут-то? – не унимался Александр.

- Не его, а её – говорю, - оглянись, Сашка. – он посмотрел назад. – Вот, пожалуйста. Федорина Анна Николаевна. Капитан медицинской службы.

А ей было девяносто шесть лет. На лице её осталось застывшее детство, разрезанное медицинскими ножницами. И та же живая улыбка, только немного беззубая. И те же блестящие глаза, только в два слоя. Снаружи, в первом, икрятся забетонированные слёзы, а внутри петляет надежда.

- С Новым годом, Анна Николаевна, - Сашка протянул ей большой шоколадно-банановый торт, а я подала стакан чая в 300 миллилитров. Ну точно та улыбка, а может уже и слёзы!

Мимо нас стрелой пронёсся автобус.

- Так это ж наш, - закричал Сашка.

- Ну, беги, беги, останавливай. – говорю я ему.

И он побежал, да и мы побежали за ним, как могли, стараясь не перевернуть стакан с чаем. В конце концов, наш транспорт был успешно отловлен, мы забрались внутрь.

Автобус был полностью пустой. Кроме нас троих и водителя, там не было ни души. Все окна заледенели и обрисовались природными узорами. Сашка дыхнул на стекло со всей мощи и рукавом куртки протёр нам поле для обзора.

«Лёгкий школьный вааальс

Тоже быыл у наас.

Ууу негоо судьбааа былааа такааа-а-а-я...» - это уже пел не мой телефон, а сама Анна Николаевна. И голос сохранился, ну надо же! А почему бы и нет? Всё равно всё пусто, а хоть бы и не было пусто, так и пускай.

«Помною, как сейчааас, нааш десятыый клааааас

Зааакружилааа вьюююгаа фронтовааа-а-а-я...» - это пели мы вместе, то есть я и Федорина. А Сашка смотрел на нас и качал головой в ритм вальса.

- Подождите, - что-то вдруг выскочило в моей памяти, - чего Вы не брали трубку?

Она не ответила. Только кивнула мне на окно и улыбнулась. Просвет, сделанный Сашей, уже успел снова порядочно затуманиться, да ещё был вечер, темно. Это затрудняло видимость. И всё же удалось мне разглядеть, как мы промчались (впрочем, может, и не совсем промчались, мне даже показалось, что автобус слегка затормозил) мимо памятника. Памятник девушке совсем молодой, военной медсестре был памятник. Удивительно аккуратно он был вылеплен. И была на ней военная форма по фигуре, и пилотка, и даже какие-то награды и причёска, а поверх была телогреечка, слегка накинутая, которую она придерживала на себе только одной рукой. Холодно, наверное, ей так стоять декабрьским вечером. И вся она была изящно сделана: и нос, и руки, и губы, и всё, всё, всё. И Анна Николаевна смеялась,

вспоминая себя в этой безразмерной фуфайке, в которой ни то, что талии не было видно, а еле руки выглядывали из рукавов.

Было много людей вокруг скульптурной леди. И все были женщины. «Так вот оно что. Сегодня, значит, памятная встреча была». Мне не разглядеть уже их лиц. Всё стекло занавесилось новой ледяной коркой, но вижу, что много, и нет этой реки конца, и неизвестно, где обретает исток свой. А в ногах медсестры, вместо цветов, лежали бинты. Десятки бинтов.

«Помнюю, как сейчаааас, нааш десятыый клааааасс

Заааакружилааа вьюююгаа фронтовааа-а-а-я...» - ещё раз протянула капитан медицинской службы. Уже для них, для всех, кто когда-то кружился с ней в этом бешеном изнурительном вальсе, кто сейчас носил бинты к памятнику. С неба во всю сыпал снег, забирая себе всё пространство. Снег был белый-белый, а самое главное – бинты тоже были белоснежные. А разве такое бывает?

И кто мне скажет, сколько их было таких? С автоматом наперевес и с переброшенной через плечо сумкой, на которой последней каплей надежды был изображён красный крест. Молодых и бушующих, которые в считанные дни старели на десятилетия, которые умели подбадривать, сами пребывая в отчаянии и панической атаке. Тех, которые улыбались сквозь слёзы и синяки под глазами, ночами дежуря в палатах. Тех самых, которые умудрялись как-то вытаскивать полумёртвых солдат с того света с помощью восьми пачек бинтов, одной упаковки ваты и ножниц и доставлять их живыми в госпиталь. И Бог знает, как они это делали, и только лишь они сами ведают и могут понять, почему.

Пересыпкина Ксения Андреевна,
Гимназия № 3, г. Белгород,
10 класс

Мы в битвах решали судьбу поколений

*Мы были всякими. Но, мучась,
Мы понимали: в наши дни
Нам выпала такая участь,
Что пусть завидуют они.*
Павел Коган

Если бы солнце стало цветком сирени с пятью лепесточками, если бы облака «оландышевели», а каждый миллиметр земли был бы усыпан упругими языкастыми головками тюльпанов, кажется, и тогда бы мир слабее источал запахи любви и жизни, чем в мае 1945 года.

Любовь и жизнь – две главные, сплетенные, часто метафизически синонимичные, движущие силы. Они растворены в небе, в созревшей сливе, в степном ветре, в бурном море, они сконцентрированы в человеке.

Эти стихии, искушенные пулями, осколками, комьями земли и снега, подавляемые похоронками и недошедшими письмами, целенаправленно уничтожаемые фашистами, все же разгорались в душах сильнее и ярче, освещая бункеры, окопы, «безымянные высоты».

Но даже самые чистые чувства мутит «осадок», к великой любви примешиваются субъективные ощущения. Строки Павла Когана «Нам выпала такая участь, /Что пусть завидуют они» наполнены не пафосом, а болью и отчаянием. Автор говорит о той скрытой, «донной» зависти к возможности изменить судьбу народа и вписать свое имя в историю, стать частью вечного. О зависти к апогею чувств при достижении единой на всех мечты. Ощущать ничтожность текущего момента по сравнению с прошедшими эпохами, выплескивать недовольство и бесплотно мечтать о роли в состоявшихся событиях, завидовать и критиковать настоящее – относительно просто. В этом деле каждый участник – сам себе соперник и победитель, а преобразовывать реальность – было, есть и будет трудно.

Даже если легкий оттенок соперничества присутствует в умах людей, все же мне кажется, что именно с военной эпохой нас связывают более серьезные, сложные и глубокие чувства, чем зависть. Они превращаются в противоречивый комок, в котором соседствуют нежность, гордость, сострадание и почтение. Комок проливается слезами и орошает понимание Великой Отечественной войны через десятки лет, тысячи недель и десятки

тысяч дней. Застывший в горле комок из миллионов историй, жизней, героических поступков невозможно сглотнуть, потому что с каждым годом он только расширяется новыми именами, фактами и подробностями. «Бессмертный полк» идет не столько по улицам, сколько по душам. Великая Отечественная война – страшная трагедия и великий подвиг, «мост через вечность». И жившие, и живущие – полноправные участники невыразимых словами отношений, в которых мы бережем память, а память бережет нас: «Я вам жить завещаю – Что я больше могу?».

А. С. Пушкин назвал зависть «сестрой соревнования». Но при растяжении полотна истории, при разложении трагических процессов на события и причинно-следственные связи невозможно забыть о человеческом факторе, о спрессованных судьбах, о невозвратности произошедшего. Мы не должны быть *завистливы* и стараться выиграть гонку, ведь мы *зависимы* от прошлого, мы сцеплены неудачами и сопряжены победами.

Несоответствие поколений позволяет идти вперед. Зависть – чувство грызущее, тормозящее собственный путь развития, а оживляющая, очеловечивающая память и гордость вдохновляют и формируют дорогу в будущее.

Петухова Анастасия Валерьевна,
Гимназия № 7, г. Лыткарино, Московская обл.,
10 класс

Чтобы помнили...

*Я только раз видала рукопашный.
Раз - наяву. И тысячу раз - во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

Юлия Друнина, 1943

Седой старик с уставшими глазами,
Держа в руках тюльпаны и медаль,
Забыв про пожилые годы и про раны,
По красной площади прошел, как будто встарь...

Парад Победы! Музыка. Веселье.
Ревут машины, радостно гудя
И новое младое поколеньё
Цветы кладет у Вечного огня.

Минута тишины. Как это много!
Чтоб вспомнить не вернувшихся с войны.
Минута в памяти российского народа,
Как это много! В мире без войны...

Седой старик с веселыми глазами,
Держа в руках тюльпаны и медаль,
Смотрел на молодое поколение,
Да, за таких и жизнь отдать не жаль!

Бежали внуки: «Деда, поздравляем!
С Победой поздравляем мы тебя!
Здоровья и подольше жить желаем», -
Кричали правнуки у древнего Кремля.

«Когда мы вырастим, мы тоже, как ты, деда,
Пойдем в атаку и фашистов бить.
Ведь на войне не страшно. Правда, деда?
Ведь, главное фашистов победить».

Седой старик со строгими глазами,
Держа в руках тюльпаны и медаль,
Смотрел на проезжающие танки,
И память унеслась куда-то в даль...
Свистели всюду пули, пули ...
Снаряды рвались рядом и вдали...
Стояли насмерть, но не повернули,
Не отступили и не отошли...

Снег засыпало пеплом. Багровые тучи
Тихо падали и накрывали солдат
Тех, которые больше не встанут в атаку,
Тех, которые в Братских могилах лежат.

Впереди - только смерть, только рваные раны,
Голод, холод, сто грамм фронтовых...
Мы кричали «Ура!» Мы шли на тараны,
Думая только о наших родных...

Там осталась трава от росы и от крови сырая.
Там в окопах остались твои фронтовые друзья.
Бой за Родину на перекрестке переднего края.
Бой за Родину, чтобы помнили нас сыновья!

Седой старик с мечтавшими глазами,
Держа в руках тюльпаны и медаль,
Позвал к себе внучка, шепнул на ушко:
«Я так скажу, мой правнучек, тебе:
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне».

Плотникова Ольга Сергеевна,
Магнитогорский Государственный Технический университет
имени Г. И. Носова, факультет лингвистики и перевода,
5 курс

Друг

*Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но все же, все же, все же...
Александр Твардовский*

Последнее лето юности опаляло своим дыханием. От жары не спасали даже густые тени, в которые так любили нырять вчерашние старшеклассники. Саша лежал под раскидистыми ветвями школьной яблони и смотрел вверх. Длинные переплетения устремлялись вширь, готовые обнять и защитить. Саша чувствовал себя в безопасности, но знал, что это ненадолго. Он закончил школу, получил право называться «взрослым», но таковым себя не считал. Пока. Ему казалось, нужно непременно кого-то защитить, спасти и «стать героем». Мать говорила, что именно так и поступают настоящие *взрослые* мужчины.

Гулкие шаги приблизились слишком быстро, Саша едва успел подняться:

— Сашка, нас не берут, — выкрикнул Гена.

— Что? Почему? — Саша беспокойно ходил вокруг друга, пока тот восстанавливал дыхание.

— Добровольцами... на фронт... по восемнадцатый год рождения, — выговорил Гена с паузами.

— Зачем ты без меня? Мы же договорились вместе идти... — Саша раздосадовано уткнулся в ствол дерева.

— Всё равно теперь ждать, — Гена выпрямился и подошёл к однокласснику, — Мы ещё повоюем, — похлопал он товарища по плечу, — *Не бойсь!*

Фраза звучала ударно, как начало простой песни... Саша был уверен, Гена ничего не боялся. Не боялся читать похоронку Отца, что не вернулся с Финской; не боялся быть единственным мужчиной в семье, оберегать мать и троих сестричек; не боялся смерти, и уж совершенно точно — войны.

Саша как-то спросил друга, в ответ на его наставление:

— Ген, ты совсем-совсем ничего не боишься?

Гена лишь коротко улыбнулся.

— Я боюсь быть в стороне, когда во мне нуждаются.

Саша во многом старался походить на своего храброго друга. Гена был крепким парнем с багажом простых истин: жить чисто, думать чисто, поступать чисто. Рядом с Геной Саша чувствовал силу: напарнику было не жалко ей поделиться. И когда объявление войны прогремело громче, чем последний школьный звонок, Саша точно понял, что пойдёт на фронт — ведь Гена учил «не быть в стороне». «Только бы получилось служить вместе. С другом — не страшно», — думал Саша, засыпая, мыслью ощущая холодные окопы.

Так оно и случилось. Зима сорок второго оказалась на редкость суровой. Природа протестовала ... Люди — сражались. По обе стороны линии фронта велась борьба за жизнь. Пока Сашин отец принимал на себя вражеские пули, его семья пустила голод на порог. Самым тяжёлым был февраль. Мать с трудом делила осенние припасы на восьмерых. Так что к весне у них не осталось и крошки. Весной Сашу и Гену забрали на фронт. Сашины братья и сестры долго плакали, а самая младшая — Рита, села к брату на колени, тонко обняла его за шею и сказала:

— *Сась*, — брат никогда раньше не замечал этой детской мягкости, когда согласные таяли прямо на языке, но сейчас вдруг широко улыбнулся мягкому знаку, — *Сась*, ну ты возвращайся.

— Я вернусь.

Саша и Гена держались вместе. Вместе прибыли в призывной пункт. Вместе же были отправлены на Калининский фронт в пешую разведку.

— Не бойсь, — Гена хлопал Сашу по плечу, — и друг друга вытащим, и Родину спасём.

Свою первую наступательную операцию Саша выстоял: забросал гранатами огневую точку противника, уничтожил троих немцев. Потом он долго гордился, наедине с собой, пока не узнал об опасном захвате пленных, в котором участвовал Гена. Говаривали, один немец напал на него со спины, едва не полоснув по горлу. Сам Гена этого никому не рассказывал, он лишь широко улыбался и всегда заводил в отряде громкие песни — они вместе с его главной мелодией служили оберегом. Саша это знал наверняка и был внутренне спокоен за жизнь друга. Но не за свою...

На очередную разведку Саша заступил тяжело, будто в последний раз. К тому моменту он воевал уже год и каждый день ему снилась удача: у неё был материн пуховый платок и тёплый взгляд, она обнимала Сашу, прижимала к себе мягко-мягко, как сестричка Рита. Напоследок она всегда дарила улыбку, чем-то похожую на ту, что изредка промелькала у Гены. Только изредка. Гена теперь стал серьёзен и почти не смеялся, а Сашина удача, растворившись в сновидении того утра, вдруг заплакала.

— Берегись!

Саша ещё долго слышал эхо Генкиного крика, что так иронично рифмовался с его любимой фразой. Саша не мог понять: в тот день он потерял страх или же приобрёл... Но секундный щелчок оказался для него слишком коротким. Гене же этого хватило. В тот день Саша подорвался на противопехотной mine. Гена позволил себе потерять сознание, только тогда, когда медсестры переложили обездвиженного и окровавленного Сашу с рук друга на носилки. Вскоре Гена продолжил воевать. Он знал, кто-то, как когда-то и Саша, теперь в нём нуждается.

Больше они не виделись.

Саша с год провёл в медсанбате, затем в госпитале... Сны виделись ему редко, иногда он отчётливо понимал, что удача теперь не только улыбалась, но и выглядела, как Гена. «Только бегай осторожнее», — слышалось ему сквозь сон. И тогда он, наконец, ясно понял, что бегать уже не сможет. Равно, как и служить.

— *Сася*, вернулся! — сёстры и братья бежали навстречу, раскинув руки. Мать прикрыла лицо платком. Саша не досчитался среднего — Мити.

Митя уже несколько месяцев не мог ходить: отказали ноги. Это была расплата за ловкость и сноровку, с которой девятилетний мальчишка доставал ракушки в ледяной мартовской воде, чтобы семья пережила ещё одну голодную военную весну. Мать уходила на работу, косить хлеба, дети — вязали снопы. Саша был бы рад помочь, да теперь мало что мог на своих

«двоих» — слабой левой и деревянной правой. Передвигаться с костылём было непросто, но Саша не терял времени дома — он ухаживал за братом: делал массажи, подсмотренные в госпитале у медсестёр.

Сны преследовали Сашу и наяву. Посреди дня вдруг пролетело Генкино «Не бойсь», с ощутимой силой невидимой руки на плече. Саша корил себя за вынужденное бездействие, уносился мыслями на фронт, а перед сном тихонько просил, чтобы ему приснились друзья: мальчишки-герои, что так отважно сражаются за свою страну, что продолжают верить в победу. Саша помнил каждого в лицо, под утро же лики сливались воедино, превращались в знакомую улыбку — Генкину.

— Ты живой? — спрашивал Саша у пустоты.

— Не бойсь, живой! — отвечала пустота, разливаясь по комнате.

Весна сорок пятого обещала свободу. Природа удивительным образом приобрела цвет. В лесу только появились первые проталинки, а на них уже кипела жизнь. Брат Витя, семи лет, принёс матери букет первых подснежников, которые раньше всегда дарил отец. Цветы были наполнены жизнью и будто бы означали присутствие отца...

Война закончилась, когда зацвела сирень.

— Живой! Живой! Живой! — мать целовала поседевшего мужчину, в котором Ритка не сразу признала отца.

Тот май был преисполнен любовью. Митя заново научился ходить, Саша приноровился «бегать» на одной ноге, сестрички выросли, мать посветлела лицом, — и всё стало налаживаться, все были дома, кроме...

Саша ходил к дому Гены каждый день. Он знал, что друг находится в пути. Знал, потому что иначе не могло быть. Вернулся же тот, кто дал ему жизнь. Вернётся и тот, кто эту жизнь спас. Генка. Настоящий, простой и добрый — «Его пуля не возьмёт», — Саша сам был уверен и убеждал в этом мать Гены — Марию Тимофевну.

Июльское утро заволокло дождём. Не было видно солнца: как будто и не утро было вовсе, как будто и вовсе не было того утра... Почтальонша резвым движением открыла хлипкую калитку, постучала в дверь два раза, оставила у порога фронтовой треугольник и скрылась в серой пелене.

Буквы плакали. Извещали о смерти и плакали, растекаясь по краям жёлтой бумаги, ощущали вину. За то, что не вернулся и не вернётся. За то, что «погиб, при выполнении спецоперации». За то, что некому больше будет сказать: «Не бойсь!». За то, что век героя — Генки Смирнова был короток. За то, что его друг — Саша Степанов — никогда не простит себе его смерти.

Полякова Юлия Андреевна,
Гимназия № 2, г. Клин, Московская обл.,
8 класс

По кому деревья на ветру качаются

*Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но все же, все же, все же...
Александр Твардовский*

Звать меня Пётр Семёнович Сотников, родился я в селе П***, Курского уезда. Отец мой, Семён Петрович Сотников, был староста наш, человек большой души. Матушка моя, Мавра Гавриловна по отцу Королёва, красавица, с косой крепкой, работающая была, строгая. Сестер у меня было две, Анна с Ольгой, да братьев трое, Иван, Владимир и Алексей. Лето сорок первого года разлучило нас и поставило братский крест на семье моей. Много у меня война отняла...

В сорок первом мне 16 лет исполнилось, забирали нас с братьями из села рано утром, день этот хорошо мне запомнился. Конец августа это был, воздух уже по-осеннему затхлый, вечером дождь прошёл, дороги размыло. Братья мои день этот ждали, страшные письма приходили нашим товарищам с фронта, и с момента объявления войны они грезили о мести фашистам.

В то утро мы с Лешей раньше всех проснулись, нам на войну идти было страшно. Лежали мы с ним на старой тахте, думали: вместе воевать будем, или разлучат нас? Лешка, хоть и старше меня, но у нас в семье самый нежный был. Боялся он страшно за нас, за мать с отцом и за сестёр наших, кулаки его сжались, слеза скатилась со щеки, когда сказал он, что, если случится что с нами, мстить будет до последнего. Это был не тот брат, которого я знал. Наш Лешка букеты из полевых цветов домой приносил, любил гулять подолгу на закате, стихи, бывало, писал. Но в то утро от его нежности не осталось и следа. Это был солдат, готовый мстить за свою Родину и семью, за каждый кусок земли, по которой ступали фашисты. Лешка попросил меня никому из домашних не говорить о разговоре том, чтоб не сглазить. Не сказал я никому, да разве помогло это сестрам нашим, убитым во время бомбежки? Отцу с матерью, голодом изморенных? Да и самому Лешке это не помогло, когда

немецкий снайпер подстрелил его под Москвой? Когда лежал он на промерзлой сырой земле и смотрел в небо серое, в вышине которого вороны вились? Брат мой родной, все бы я отдал, чтоб еще раз свидеться с тобой, но теперь уж недолго мне осталось, авось не далеко до встречи нашей...

После нас проснулась Анечка, пошла за водой свежей. Когда уже весь дом проснулся, вбежала она в избу, ведра опрокинула и сказала: «Пришли». Зашли в избу двое крепких солдат, мать вскочила, заскулила страшно, бросилась к нам на шею, Оля с Анечкой с нею, и давай целовать и шептать: «Куда ж вас, родненькие, куда ж, родимые вы наши». Отец хмур был, обнял по-отцовски и отпустил с Богом.

Вышли мы из избёнки нашей, нас там ждал воронок военный, а в нём все наши сельские сидели уже. Сёмка песню завёл, как сейчас помню слова её, по радио её еще тогда играли, да и сами вы её слышали: «До свиданья, города и хаты». Сёмка тот, главный балагур был у нас на селе, глаза были у него необыкновенно большие и по-детски наивные. Пастухом он у нас заделался, на балалайке душевно так играл. Хороший он парень был. Поднял тогда песней той Сёмка дух наш, щёлкнуло что-то внутри. Выезжали уж когда, не удержался Сёмка, выпрыгнул из кузова, бросился еще раз мамку с сёстрами поцеловать, в глаза родные заглянуть. Поймали его, увели с собой люди какие-то. Узнал я потом, что в штрафбат попал он, да оттуда уж, как известно, не возвращаются.

Помотала меня война по стране нашей огромной. Много в то время мне пришлось перенести. Я чист перед своей Родиной, но кое-что до сих пор возвращается ко мне, когда по одиноким вечерам я сижу у окна.

С братьями нас разделили, и я поначалу нелюдим был, потому что ровесников моих в первые месяцы войны не так много было, а старшие ребята со мной не водились. Неделю к нам свозили таких же новобранцев, как и я, и казалось мне, что так и провоюю один, но в один из дней приехали ребята из украинской деревни. Когда выгружались они, я не смог не заметить огромного парня: был он просто исполинских размеров. Ростом он вышел, что надо, волосы, как солома жёсткие, улыбка добрая. Звали его Чубенко Степан, «человечище», как прозвали его мы. Там, на фронте, Стёпка стал мне братом, и, если б не он, может, и не осталось бы меня на белом свете.

Наш батальон был уже сформирован, но во время бомбёжки один из наших, Лёнька Самойленко, был контужен, потому к нам и перевели Стёпку. Познакомились мы просто, во время фронтового обеда он решил подсесть ко мне. Так и мучает меня вопрос, почему тогда из всех солдат он выбрал меня, самого маленького в полку. Стёпка сразу стал рассказывать о себе. Как его

зовут, из какой деревни он приехал, и как хорошо ему там жилось. Вырос он с мамкой и с дедом своим, отца не видел ни разу. С детства «татко», как он говорил, учил его рыбной ловле, охоте. К животным относился с невероятным трепетом, так уж его «татко» воспитал. Говорил Стёпка с сильным украинским акцентом, голос у него был низкий, и, когда нужно было запевать песню, всегда это делал он. Пел он необыкновенно, меня частенько пробирало до дрожи. Хороший он парень был, сердце у него в шёлк было завёрнуто, а война таких людей быстро забирала...

Воспоминания о первых днях на фронте никогда не исчезнут из головы моей. Холод, смерть, страх, и ни шагу назад. Лучами света были те добрые люди, которых встретил я в то время. Офицер наш, уроженец Брянска, Александр Юрьевич Титов, хоть и суровый был, солдат своих любил, и для любого из нас готов был рубашку последнюю отдать. Плотников Артемий Филиппович, врач наш был, старичок, но с совершенно молодым сердцем. Глаша Агапова, корреспондентка военная, одна из самых храбрых людей, которых я знал. И Стёпка Чубенко, человек железного характера, со стальной выдержкой и чистейшей душой.

Мы со Стёпкой через многое прошли, всегда старались держаться друг за друга. В батальоне, как только нас видели, кричали: «О, гляньте, идут! Мы с Тamarой ходим парой, санитары мы с Тamarой, да?». Мы с ним не обижались, смеялись. Спустя всего месяц совместной службы я сильно к нему привязался.

Наш батальон продвигался на северо-запад, и ряды наши редели. Мы решили сделать привал у местечка Карачиж, деревушка с небольшим поселением, затерянная в лесу. Разбили лагерь, остались на ночёвку. Мы со Стёпкой легли спать рядом с полем, под раскидистым голым клёном. Тогда уже ночи становились длинней, и холодней, и единственное, чем мы согревались, были солдатская шинель, крутой кипяток, с размоченной в нём травой, а если повезёт, с ягодами, и доброе слово товарища. После вечернего костра, мы со Стёпкой пошли к нашему месту. Каждый укутался в шинель, я под голову подложил солдатскую сумку, Стёпка опёрся на ствол клёна.

Это была первая светлая ноябрьская ночь, и нам открылся вид на чистое ночное звёздное небо. Ветер был порывистый и холодный, такой, что, казалось, мог унести с собой меня, и мою сумку в придачу. Угрюмые стволы лохматых елей и тоненьких осин качались на ветру, убаюкиваемые затяжной песней ветра, и я вместе с ними потихоньку засыпал...

- Петь, а как, по-твоему, отчего деревья качаются?

-А?

Я поднял на него взгляд. Стёпка спать не собирался. Он сидел у ствола клёна, руки его лежали на согнутых коленях, головой он опирался на ствол и смотрел он в небо с тоской в глазах.

-Я говорю, ты, как думаешь, деревья, отчего качаются?

-От ветра небось.

-А, не, Петя, не оттого они качаются, совсем не оттого.

-А почему тогда ж?

Он взглянул на меня, грустно улыбнулся, а затем вновь устремил взгляд к звёздам.

-Деревья ведь - наши главные заступники, плакальщики наши. Татко рассказывал мне в детстве, что они оттого и качаются - тоску по кому-то справляют. Вот и сейчас мне кажется, что они будто по мне плачут.

Я замялся, не зная, что сказать, а потом с улыбкой ответил:

-Ну, ты, Стёпка, сказанёшь, ну выдумаешь. Ты же тут, живёхонький сидишь.

Тут я встретился с взглядом Стёпки, и увидел в них страшное беспокойство. Тогда я стушевался и сказал уже совершенно серьёзно:

-Разве так мы должны сейчас думать? Нам верить в победу надо, а не соснам с берёзами.

Он снова посмотрел на меня, теперь только по-другому, немного веселее. Успокоил, теперь, думаю, можно и спать ложиться, но Стёпка сказал:

-Ты прав, Петя, чертовски прав. Ну её, тоску эту! Но есть у меня к тебе просьба. Ты только выполни её хорошенько, ладно?

Он начал рыться в карманах формы и вытащил бумажный треугольник-письмо и протянул его мне.

-Я тут написал его мамке, а отправить никак нельзя, и не знаю я, свидимся ли мы с ней вновь, а вот ты... Сколько ни наблюдаю я за тобой, мне всё кажется, что ты в рубашке родился. Будто за тобой кто-то присматривает. А за мной присматривать некому...

Как страшно я разозлился, услышав эти слова. Ведь он, Стёпка, был, в отличие от меня, сильный, огромный, будто из книжки. А я, метр с кепкой, да тоненькими руками и ногами ему даже в подмётки не годился.

-Стёп, ты подумай, что говоришь, ты же больше меня, выше меня, сильнее меня, тебе никто не нужен. Так что не выдумывай и оставляй письмо у себя, когда домой возвращаться будем, сам его матери отдашь.

Тогда Стёпка улыбнулся мне и сказал:

-Хорошо, тогда будет мне это серьёзным напоминанием, для чего и за кого я воюю.

И в тот вечер он заснул, мечтая о том, как вернётся к матери, обнимет её, подойдет к татко, встанет перед ним на колени, тот его прижмёт к себе, поцелует в щеки, грязные от копоты и дорожной пыли, и потом пойдёт гулять босиком по полю и уснёт в стогу тёплого сена.

С того дня прошло около месяца. От нашего батальона оставалось меньше половины первоначального состава. Мы подходили к Москве. Нас со Стёпой и ещё тремя ребятами, Яриком Плотовым, Гришей Кузьминым и Мишей Давыдовым, отправили на опережение основного состава. У каждого из нас была ракетница, которую мы должны были использовать только в крайнем случае, потому что по её сигналу от батальона отделялась группа, которая шла к нам на подмогу, пока остальные отступали. Поэтому нас и отправили, чтобы сберечь, как можно больше солдат, хотя в то время мы все были попросту «пушечным мясом». Прямоком за нашим батальоном шло подкрепление, численностью четыреста тысяч человек. Медлить было нельзя. Четыре дня мы шли впятером. На пятый нас осталось двое.

Это произошло очень скомканно. На пятый день мы передвигались с самого утра, только изредка останавливаясь из-за Гриши Кузьмина, на второй день он угодил в неубранный волчий капкан, и мы останавливались, чтобы дать ему время на передышку и перебинтовку. В последний раз, это было поздним вечером, Гришка зарыдал от боли, еле сдерживая крики в груди. Тогда Миша предложил отправить его назад вместе со мной, потому что из всех них я был самый маленький и, по его мнению, для успеха операции можно было «пожертвовать» мной. Но я идти отказался, понимая, что не смогу дотащить Гришку, парня, в два раза больше меня. Тогда решили отправлять Ярика, он был самым маленьким из оставшихся трёх ребят. Сейчас я понимаю, что должен был идти я. Да, через пот, кровь и слёзы, но это должен был быть я, ведь всё могло закончиться иначе, и по ночам я спал бы спокойно, и не снился бы мне тот лес, и я, тащущий на спине Гришку. В таких снах я никогда не могу выйти из леса и просыпаюсь весь в слезах и поту, оставшуюся часть ночи я не сплю.

Отправив ребят назад, мы продолжили путь. Передвигаться в потёмках сложнее всего, но мы не могли терять время. Ночью каждый шорох, каждый звук отдаётся эхом по лесу, мы шли крадучись, чтобы избежать возможности рассекречивания. Грозные октябрьские тучи висели над нами, точно вымоченное тряпье. Вот-вот должен был пойти дождь. Решили: «Только начнёт крапать, можно будет перейти на бег». Тогда мы и допустили ошибку. Передвигаясь не спеша, мы видели заминированную территорию, проволоки, и после случая с Гришкой мы стали уделять этому особенное внимание. Но

сейчас, когда до конца осталось так мало, мы совершенно забыли об этом и, когда закапал дождь, побежали вперёд, не смотря под ноги. Дождь с каждой минутой усиливался, постепенно превращая землю в кашу из грязи и листьев. Наши гимнастёрки промокли насквозь, как и сапоги, в которых было полно воды. И тут я зацепился ногой об натянутую проволоку и упал.

Дальше все происходило будто в тумане: вот Стёпка поднимает меня, кричит мне, что здесь немцы, я киваю, и вот мы уже разворачиваемся, чтобы начать бежать, как вдруг я слышу выстрел. Всё внутри меня перевернулось. Как бы я хотел, чтобы это в меня выстрелили. Но я обернулся на Стёпку и увидел, что у него из живота сочится кровь. Я тут же вытащил ракетницу, выстрелил в небо и побежал к нему. Красная полоска прочертила дугу на фоне чёрных туч. В это время Мишка отстреливался с бегущими в нашу сторону двумя фашистами. Времени у нас было мало. Я опустился на колени перед Степаном. Над нами прогремел гром. Стёпка затрясся, по его большому тёмному лицу скатывались капли дождя.

-Говорил я тебе, - он начал кашлять кровью, - недолго мне осталось.

Мишка кричал мне, что нужно уходить. Из моих глаз текли слёзы. Я уже поднялся на ноги. Он ухватил меня за штанину.

-Письмо.... Письмо возьми...

Он протянул письмо, бережно свёрнутое в новую портянку. Я успел только кивнуть ему и побежал к Мише. Мы отстреливались, убегая от того места, где остался лежать Стёпка, с вздёрнутой вверх головой и стеклянными глазами. Его ноги были скрючены, руки лежали на земле. Он остался там, в лесу, омываемый дождевой водой. Я бежал сквозь ряды деревьев, понимая, что мой товарищ остался там навсегда... Теперь под моим сердцем теплилось письмо, единственное, что было от Стёпки.

Всю войну я терзал себя. В то время единственное, о чём я думал, было письмо, которое я должен был доставить. Матери и деду Степана я попросил не сообщать: когда кто-то из наших сослуживцев покидал нас, он всё приговаривал, что не представляет, как эту новость примут родители. Я решил, что сообщу сам.

Долго шёл я к тому дню. Думал, как мне встать перед его матерью, что сказать ей, ждущей сына четвёртый год. Как посмотреть ей в глаза.

К ним я приехал в начале июля, сразу после того, как схоронил отца с матерью, сестёр, получил письмо о том, что Алексей погиб в героическом сражении под Москвой. Мы с братьями, Володей и Ваней, решили уехать в Севастополь, к братьям матери, и я не знал, появится ли у меня возможность передать письмо после переезда.

До их деревни я добирался два дня, сначала на поезде доехал до Харькова, оттуда уже попутчиком на машинах. Я вышел на обочине дороги и пошёл пешком. Это был жаркий июньский день, чистое голубое небо, духота. Вокруг украинская степь. Пахло зеленью и полевыми цветами. Приятно жужжали пчёлы и шмели. Дул лёгкий ветерок. К их деревне вела жёлтая тропинка. По ней я и пошёл.

Его дом я узнал не сразу. Стёпка говорил, что их дом находится прямо на входе в село, забор у них плетеный, рядом огород, крыша в красный цвет выкрашена. Только по ней я понял, что домишко, с дырой в стене и выжженным палисадником, и есть дом Стёпки. Перед окнами стояла лавка, на которой сидела босая девочка в серой льняной рубашке. На вид ей было около трёх лет, светлые пушистые волосы торчали в разные стороны. Она играла с деревянными болванчиками, завёрнутыми в цветное тряпье, и тихонько приговаривала себе что-то под нос:

-Женечка, - из дома раздался певучий женский голос, - Иди в дом, а то головку напечёт.

Девочка подняла свои большие карие глаза и увидела меня. Я присел на корточки и подозвал её к себе. Она уронила болванчиков в траву и подошла ко мне.

-Женя, я тебе колечек напекла, беги кушать!

Я взял её к себе на руки, встал. Девочка улыбнулась мне и хлопнула в ладоши.

-Откуда же ты такая взялась? - я погладил её по голове, большим пальцем провёл по нежной детской щеке, - И чья ты будешь?

-Бабушкина я.

-Бабушкина? Вот как бабушке повезло.

Из дома вышла высокая женщина с тугой длинной косой. Это точно была мать Стёпки. Глаза точь-в-точь как у него. Увидев меня с Женей на руках, она удивилась. Я опустил девочку на землю. Она подбежала к бабушке и спряталась за ней. Тогда я подумал: «Чья же она дочь? Неужели у Степана братья с сёстрами были?»

-Здравствуйте!

-Здравствуй, милый, здравствуй! – она улыбнулась мне по-доброму - Ты как попал к нам?

-Из Курска я к вам приехал. Вас ведь Клавдия Семёновна Чубенко зовут?

-Зовут, милый, зовут. Ты давай-ка в дом заходи, в ногах, ведь, правды нет.

-Вы уж не обижайтесь, времени мало у меня, мне сегодня уехать уж нужно, а я вам передать кое-что должен.

Я достал из моей сумки кровавую портянку и протянул ей. Глаза у неё потухли, рот она прикрыла рукой, из глаз покатились первая слеза.

-Ай-ай-ай.... Ой, горе мне, ой, горе...

Мать Стёпки упала на лавку, я подсел к ней, положил руку на плечи. Женечка подбежала к нам, посмотрела на меня и будто всё поняла.

-Дядечка, а папа не придёт? Вы без него пришли?

Я грустно покачал головой. В меня её слова попали как пуля. Ветер пробежал по верхам деревьев. Правду Стёпка говорил, это по нему деревья качаются...

Попов Владислав Алексеевич,
Школа п. Солидарность, Елецкий р-н, Лпецкая обл.,
8 класс

Страх

Кто говорит, что на войне не страшно.

Тот ничего не знает о войне.

Именно этими строками проникновенного стихотворения Юлии Владимировны Друниной хотелось бы начать свое рассуждение.

Почему сейчас... Сегодня 31 марта 2020 года. Вследствие распространения коронавируса мы живем в режиме самоизоляции, а значит, времени на раздумья в разы больше. В течение последних дней события развивались очень стремительно, но, когда все только начиналось, я с интересом наблюдал за тем, как мама постоянно подбадривала нас рассказами о своих бабушке и дедушке. Прабабушку Шуру я еще помню, она умерла в 2015 году в возрасте 90 лет, а о прадедушке знаю только по рассказам мамы и бабушки. Александра Ивановна и Сергей Алексеевич родились в 1925 году (всего на год позже Юлии Друниной), учились в одном классе, пережили войну каждый на своем месте: он – артиллерист, она – почтовый агент на железной дороге. А после войны, в суровые сороковые, поженились, жили в нищете, родили и воспитали троих детей, одна из них – моя бабушка. В начале войны им было по 16, в конце - по 20 лет. Было ли им страшно все эти годы? Когда в полупустое село Архангельское, в которое вернулась прабабушка, вынужденная бросить медицинское училище, в 1941 году пришли немцы, идущие на Москву? Когда они зашли в избу и начали на чужом языке просить еду? Когда один из них стрелял в воздух в спину убегающей девчонке? Когда она шла по городскому мосту и в этот момент налетели немецкие самолеты?

Когда позднее, уже работая почтовым агентом, летом 1942 года сопровождала военную почту в Сталинград? И все это пережила девочка, девушка, которая совсем не к такой жизни готовилась в школе. Все это я знаю со слов мамы и обрывочных воспоминаний рассказов бабы Шуры, как ее называли в нашей семье. При этом сегодня мама всегда говорит, что благодарна за все эти рассказы, за то, что она находила в себе силы говорить об этом, о том, как боялась. Боялась показаться с печки вошедшим в дом немцам. Боялась попасть под бомбежку, потому что некуда было спрятаться. Боялась ехать на поезде через всю страну, потому что не знала сможет ли вернуться... Мама часто повторяет это мне, своим ученикам, чтобы мы знали и помнили. Прадед, как ни уговаривали, о войне рассказывать не любил, потому что было страшно. Им, как и многим другим, о ком пишет прошедшая все войну Ю. В. Друнина, было страшно. Но они выстояли, выжили, выдержали все. Вот это меня и поддерживает сейчас, если выжили они, значит, и мы сможем.

И опять вспоминается Друнина:

До сих пор не совсем понимаю,
Как же я, и худа, и мала,
Сквозь пожары к победному Маю
В кирзачах стопудовых дошла.

И откуда взялось столько силы
Даже в самых слабейших из нас?..
Что гадать! — Был и есть у России
Вечной прочности вечный запас.

Вот этот запас и спасал солдат под Москвой, Сталинградом, Курском, Ржевом и тысячами других мелких и крупных городов, деревень, сёл и селений.

Этим летом мы с мамой и папой были в Волгограде. Здесь выросла моя вторая прабабушка Мария Постнова, военная лётчица. Спустя десятилетия после окончания войны понимаешь, что в этом городе она не закончилась в 1945 году. Такое ощущение, что она там застыла, и немymi силуэтами военной русской и немецкой техники, разрушенной мельницы Гергардта, детского фонтана, стенами дома Павлова и могилами тысяч защитников города постоянно напоминает о себе. Я думаю, что ни один русский человек, в чьей семье были солдаты, прошедшие Великую Отечественную войну, не может спокойно, без кома в горле пройти к мемориалу «Родина-мать зовет!» по земле, в которой покоятся более 35 тысяч советских воинов, в том числе и героиня Друниной, та самая девочка в заштопанной шинели, что

... в степи, на волжском берегу, ...
Разбросала руки на снегу.

И сегодня, проходя там, испытываешь страх, наверное, тот самый, что испытывали перед смертью защитники Мамаева кургана, но и гордость, гордость от сопричастности к этим великим людям, победившим свой страх ради нас...

В январе в Липецкой области прошло торжественное открытие Года 75-летия Победы. Нам с мамой посчастливилось присутствовать на этом событии, слушать стихи поэтов-фронтовиков в исполнении Василия Ланового, военные песни, которые пробирают до мурашек. На экране были кадры известных всем военных кинохроник, фотографии солдат, которых уже нет в живых. Глядя им в глаза, понимаешь, что это были обычные люди, такие же, как мы, но оторванные от своих рабочих мест войной, чьи-то отцы, братья, мужья. И сегодня мы в неоплатном долгу перед ними. Это должно было вылиться в масштабные праздничные мероприятия по всей стране, но вирус, распространившийся по всему миру, вносит свои коррективы. Опять становится страшно... Страшно, не от того, что массовые мероприятия переносятся и в праздничное расписание могут быть внесены изменения. Мы, их потомки, все равно будем помнить великий подвиг, преклоняться перед ним, чтить его не важно где: в Бессмертном полку или дома перед экраном телевизора, настроенного на канал «Победа», экраном монитора, представляющим проект Мемориала Советскому солдату подо Ржевом или рассматривая фотографии своих прадедов в семейном альбоме. Страшно оттого, что своим малодушием, слабостью в сложившихся условиях вдруг в какой-то миг окажемся недостойными их великой жертвы, чтобы не получилось так, как в этих строчках стихотворения Юлии Владимировны:

Когда б сложилась жизнь моя иначе,
Как в День Победы стыдно было б мне!

Мы сейчас должны сплотиться и выстоять, выполняя все рекомендации и распоряжения, не поддаваясь панике и страху, чтобы нам не было стыдно перед предками.

Закончить свои рассуждения мне бы тоже хотелось словами хрестоматийного стихотворения Юлии Друниной «Зинка»:

Знаешь, Юлька, я — против грусти.

И в этом я полностью согласен с Юлией Владимировной. Если начать грустить сегодня, сидя в уютном доме, в тепле, в окружении близких людей, то, что должны были испытывать советские солдаты тогда: в 41-ом под Ельцом и Москвой, в 42-ом под Сталинградом, в 43-ем подо Ржевом, в 44-ом под Варшавой и в 45-ом под Берлином. Им было страшно, как пишет поэтесса, потому что они видели войну, знали о ней не по книгам и стихам, как мы, а по залпам орудий и разрывам снарядов, звукам летящих самолетов и стонам

раненых товарищей. Но их это не испугало и не остановило на пути к победе, потому что они сражались за свою Родину, не за страну под названием СССР или лозунги коммунистической партии, а именно за Родину, за Отчизну, которую защищали в свое время Суворов и Кутузов, за кусок земли, который был в сердце каждого, за свой дом и свою семью. И сегодня только от нас зависит, сможем ли мы сохранить все это. Именно в этом и заключается наш долг перед прадедами, и потому мы не можем поддаваться страху. И не поддадимся!

Проколопа Елена Алексеевна,
Курский государственньй медицинский университет

Письмо в прошлое

*У каждого есть в жизни высота,
Которую он должен взять когда-то.
И если по дороге мы умрем,
Своею смертью разрывая доты, —
То пусть нас похоронят па высотах,
Которые мы все-таки берем.*

Михаил Львов

Дорогая Валя, сегодня я опять плохо спал, мне снова снились боевые действия под Курском. Я и Пётр Данилыч укрылись в окопе, как только началась перестрелка, и рядом с нами внезапно возникла бомба, упавшая из пролетавшего в небе самолета... Пётр падает на меня, и кричит: «Тебе жить! Жена, дети!...», слышен взрыв... и я проснулся, как всегда, в холодном поту. Развернул сбившееся одеяло и старался не подавать виду, что меня что-то напугало. Только ты меня бы поняла, больше никто не сможет.

А помнишь, ты мне писала письма, когда я был под Москвой? Одно из них однажды не дошло до меня, а ты так страдала. Написала в следующем письме, что ждешь меня даже после смерти, что мы все равно будем вместе. И вся бумага была закапана слезами... Такими родными, твоими слезами, Валюша. Вот сколько лет уже я без тебя? Да, наверное, пятый пошёл. Считать не хочется, да и незачем. На дворе 2015 год, я уже давно пережил ту смерть, в руки которой ты меня не отпускала весной 42-го.

Знаешь, а я сейчас неплохо живу. Витька, внук наш, такой бойкий паренек, и его жена ему под стать: кормят меня, одевают, даже комнату выделили отдельную. И Надя его всё мне: «Иван Анатольевич, а так удобно

вам будет? Или подушку сменить?»), смешная. И невдомёк ей, что, когда я пережил всю войну, мне и без кровати удобно будет, лишь бы на улицу не выгнали. Но они добрые, любят меня, и я их тоже. Всё стараются угодить. Валенька, я так благодарен им и тебе за внуков, а иначе кто бы мне помогал сейчас, без тебя?

А помнишь, когда я вернулся, какая ты была красивая? Там, на вокзале. На тебе было платье в горошек и яркая лента. И ты вся светилась изнутри, как лампочка. Я любовался тобой и не мог глаз отвести, а ты подбежала ко мне, обняла, крепко-крепко! Даже удивился, сколько в тебе, маленькой, силы... Ты заплакала, да и я, честно сказать, не удержался от слёз, только тебе не хотел показывать. Но ты же всё знала, всё видела и меня расстраивать не хотела – будто не заметила. И тогда мы пошли домой, а потом – всё как в тумане. Что было, уже не помню. Ты бы помнила, если сейчас бы могла со мной быть... Я это точно знаю.

Каждую ночь мне снится бой, я не знаю, что делать с моими снами, как бы они не напророчили беды. Но Витька успокаивает меня, говорит, что сейчас лучше стало с ситуацией в мире, да и молодежь проводит разные собрания за мир, против войны. Знаешь, мне такие рассказы греют душу: я хочу, чтобы никому не были известны страдания, которые перенёс я и мои товарищи. Ни единому человеку, ни одной живой душе! Пусть проводят митинги за мир, пишут в газеты, говорят по радио, чтобы все могли жить счастливо и без войны. Надя работает в детском саду и рассказывает, что даже маленькие дети в преддверии великого Дня Победы готовятся к нему, проводят праздники, рисуют плакаты за мир. Из уст ребенка этот призыв должен звучать более искренно! Я верю, что люди придут к объединению и взаимопониманию. Мне слишком много пришлось пережить, чтобы познать, что такое добро и зло, мир и война...

Дорогая Валюша, много пишу, но поделиться-то не с кем, только как с тобой. Ты всю войну верила, что я вернусь, и мы будем вместе. Может быть, ты видишь меня сейчас? И знаешь все мои мысли заранее... Каждый день пишу тебе короткие строчки, а сегодня захотелось рассказать всё, что накопилось за долгие для меня полгода, да и за всю жизнь.

Что бы я делал без тебя тогда? Только ты меня вдохновляла на подвиги, на то чтобы выжить любой ценой. Я сражался только для того, чтобы ты была счастливой, чтобы наши дети и внуки жили спокойно и радостно в мире. Я так много думал всё время, когда тебя не стало, и мысли мои всё время возвращались к войне. Как будто я не могу вычеркнуть из своей жизни все чувства, связанные с теми злосчастными четырьмя годами. Они так глубоко засели в моей душе, что никакими средствами их не выкорчевать оттуда...

Валенька, ты меня всегда спасала от тяжелых воспоминаний, безумных мыслей, но сейчас некому меня выслушать, даже Вите. Ты не подумай, Валя, что я несчастен. Я живу и радуюсь мирному небу над головой! Только воспоминания всё больше и больше выходят из глубин моей памяти, принося с собой только боль... Такую нестерпимую боль, всего народа, всего человечества, Земли, которая всё помнит. Она всегда будет помнить все человеческие страдания, которые принесла с собой война! И мои старые раны навсегда останутся незажившими, но они мне будут напоминать о том, чего нельзя никому видеть, поэтому я счастлив. Валюша, счастлив, что даже если мне скоро уходить к тебе, то всё, что я мог сделать для Родины – уже сделал. И пусть всё, что мы пережили, никогда не повторится, а уж тем более, не придётся испытать подобное нашим потомкам.

Благодарю, Валенька! Ты снова оказалась самым лучшим слушателем для меня.

Если бы ты только могла ещё мне что-нибудь ответить, родная моя...

Твой муж, Иван.

P.S. Я уже сбился со счёта, сколько писем у меня к тебе написано, но я их все складываю в ту шкатулочку, которую ты хранила для нашей переписки военных лет. Она уже обветшала, листы писем пожелтели, но когда-нибудь я передам всё это Наде и Вите – пусть хранится в нашем роду память о былых временах...

А пока до скорой встречи, моя любимая Валенька.

Рабаданова Патимат Абакаровна,
Лицей №9, г. Махачкала, Республика Дагестан,
11 класс

Память и правда о войне
в диалоге с писателем Василем Быковым
Эссе

*Долго будут в памяти слова
Цвета орудийного ствола.
Долго будут сосны над травой
Окисью синеть пороховой.
Давид Самойлов*

Я принадлежу к поколению, которое знает о войне из учебников истории, телепередач, фильмов и книг. И чем дальше отходят от нас события Великой Отечественной войны, тем больше мы ощущаем, что сохранение

памяти о войне связано с потребностью знать правду о ней, какой бы тяжелой она ни была.

Нас интересует всё: победы и поражения, сражения и потери, но больше всего—человек на войне, сохранивший наперекор тяжёлым жизненным обстоятельствам высокие нравственные качества. Этот интерес привёл меня к книгам Василя Быкова, художника яркого и мужественного таланта, которого не случайно называли «совестью нации», потому что всё, что написано им, участником войны, пронизано правдой памяти.

Моё общение с автором постараюсь представить, используя форму диалога, в котором будут поставлены нелегкие вопросы не только читателя к автору, но и писатель задаст вопросы нам, моим современникам. Скажу сразу, что разговор будет касаться двух очень важных понятий: правды войны и памяти о ней.

Вступая в диалог, вспоминаю биографию писателя, которая захватывает сразу: в семнадцать лет ушел добровольцем на фронт, был дважды ранен, считался погибшим, выжил (успел вылезти из хаты, которую раздавили танки). На братской могиле под Кировоградом и сегодня стоит обелиск, на котором высечено имя Василя Быкова. Счастливые стечение обстоятельств? Или знак свыше?

Ответ – в книгах: война оставила писателя в живых, чтобы он передал суровую правду памяти о тех трагических событиях.

Я читала несколько повестей Быкова «Альпийская баллада», «Сотников», «Дожить до рассвета», «Обелиск», «Пойти и не вернуться», «Карьер», «В тумане», и меня всегда удивляло, что наряду с беспримерным героизмом в них описываются такие проявления человеческой природы, как малодушие, предательство, измена. Постепенно открывалось «быковское» понимание того, что правда о войне не в том, «как свистят пули, как погибают люди, а в том, что они думают, чувствуют, воюя, умирая, убивая».

Первая встреча с изображением человека на войне произошла ещё в восьмом классе, когда я прочитала повесть «Сотников» (1970).

Главные герои – разведчики Рыбак и Сотников. Кажется, что крепкий, сметливый Рыбак более подготовлен к подвигу, чем слабый, нездоровый Сотников. Но это не так. Спасая свою жизнь, Рыбак становится на путь предательства. Эпизод, в котором Рыбак старается убедить себя в том, что он не предатель, пытается вымолить у Сотникова прощение, выбивая из-под его ног опору и тем самым совершая казнь боевого товарища, потрясает.

«Неужели такое могло быть?» – спрашиваю я у писателя.

Ответ автор дает в статье о повести: «Главным образом меня интересовал вопрос: на что он [человек] способен, когда возможности

отстоять свою жизнь исчерпаны им до конца и предотвратить смерть невозможно?» Оказавшись в экстремальной ситуации, один герой, Сотников, погибает с высоко поднятой головой, с честью выдержав тяжёлые испытания («Я партизан, ...остальное тут ни при чём»), другой, Рыбак, стал на путь предательства только во имя спасения собственной жизни.

«Можно ли простить предательство?» – задаю я вопрос, который, кстати, предлагался нам на итоговом сочинении. Кто-то из одноклассников ответил категорически "нет", кто-то – что можно понять, а простить нельзя, кто-то – чтобы иметь полное право на это, надо оказаться на месте этого человека.

А какова позиция писателя? Почему он сохраняет жизнь предателю? Много раз перечитывала повесть и нашла ответ: писатель осуждает Рыбака, но оставляет его жить, не лишая возможности искупления вины, признания своего падения и дальнейшей борьбы с самим собой.

Сохранить человеческое в человеке, остаться человеком на войне – именно в этом видит писатель нравственный долг русского солдата. Замечательно, что общечеловеческое, нравственное начало повести было отмечено специальным призом католической церкви.

Василь Быков смело вступает в диалог с читателем и задает очень важные вопросы, которые *тревожат совесть* каждого из моих соотечественников: не совершаем ли мы измену, забывая о той страшной войне, унесшей миллионы жизней, не становится ли равнодушным взгляд из нашей мирной жизни, упирающийся в обелиск со скорбным списком погибших?

Осмыслить ответы помогла повесть «Карьер» (1986). На первый взгляд, ничего захватывающего в повести нет. Главный герой её, Агеев, фронтовик, вдовец, пенсионер, что-то ищет в старом карьере.

Но чем больше вчитываешься в повесть, тем больше начинаешь осознавать, что это очень важно – узнать о судьбе близкого человека, сгоревшего в огне войны, сохранить память о нем.

В рассказ о сегодняшней мирной жизни Быков органично вплетает воспоминания героя о прошлом.

Старший лейтенант Агеев, раненный в ногу, попадает в глухое белорусское местечко, и, вынужденный остаться в тылу у немцев, под видом сына попады Барановской работает сапожником.

Автор ставит своего героя в сложнейшую ситуацию, в которой под давлением обстоятельств Агеев даёт разоблачившему его начальнику полиции подписку о сотрудничестве, а впоследствии, раскаявшись, рассказывает об этом партизанскому связному. Теперь ему не доверяют ни свои, ни чужие.

Стремясь любой ценой доказать преданность делу (а цена эта – жизнь любимой девушки и их неродившегося ребёнка), он посылает Марию с сумкой, наполненной взрывчаткой, к подпольщикам. Девушка попадает в руки врагов и погибает.

Агеев тяжело переживает случившееся и жёстко судит себя: не имел он права вовлекать Марию в столь рискованное дело. И теперь, через сорок с лишним лет, он ищет в карьере расстрелянную фашистами Марию.

Конечно, в одиночку невозможно осуществить этот план, но герою никто не помогает: его не понимают ни жители райцентра, ни начальство, ни собственный сын. Связь поколений оказалась прерванной, память о войне постепенно уступила забвению, и Агеев, с болью осознавая это, не снимает с себя ответственности за утрату этой связи.

Конец повести жесткий, но ожидаемый: не нашёл Агеев следа Марии и уже никогда не найдет, потому что карьер засыпали для строительства птицефабрики. К сожалению, возведение этого объекта оказалось важнее памяти о трагических событиях войны.

«А вы, наши внуки и правнуки, можете принять эстафету прадедов и дедов?» – вопрошает нас писатель. Невозможно уйти от открытого, прямого вопроса. Если отвечать честно (по-другому нельзя), до недавнего времени в сознании молодого поколения война представлялась событием далеким, историческим... Сегодня ситуация изменилась, и в этом немалая заслуга ветеранов и свидетелей войны, государственных и общественных деятелей, представителей науки, культуры и, конечно, литературы.

Диалог эпох продолжается, и я возьму на себя смелость дать утвердительный ответ на вопрос писателя об эстафете поколений: чистые, искренние книги о войне помогают нам сохранять правдивую память о трагических событиях и относиться с почтением к тем, чьи героические дела и поступки всегда будут служить для нас нравственным ориентиром. Прав поэт: «долго пахнут порохом слова..., долго будут в памяти слова цвета оружейного ствола...».

2020 год объявлен в России Годом памяти и славы. И я вместе со своими одноклассниками непременно приму участие в многомиллионных акциях «Бессмертный полк», «Георгиевская ленточка» и в других памятных мероприятиях, посвященных 75-летию нашей Победы в Великой Отечественной войне.

Родионов Руслан Андреевич,
Школа-интернат № 2, г. Санкт-Петербург,
10 класс

Дети блокадного Ленинграда в лирике Анны Ахматовой
(на основе микроцикла «Памяти Вали»)

...У меня в зрачках
Черный
Ладожский
лед,
Ленинградские дети
Лежат
на нем.
Александр Межиров

Война не пожалела никого. Это, безоговорочно, правда. Но, конечно, особенно люди испытывают сострадание к тем, кто был ещё очень молод, ведь война лишила их детства - самого светлого периода в жизни каждого человека. Ю. Бондарев писал: «Война была для детей жёсткой и грубой школой». С этим трудно поспорить. Но вместе с тем сколько страданий испытали беззащитные, ещё совсем неопытные дети до окончания войны. И, к сожалению, многих из них не было в живых к тому моменту. Написано немалое количество прозаических произведений о детях во время войны («Мальчики из блокады», «Должна остаться живой»), и они хорошо изучены. Чуть меньше поэтов затрагивали эту тему в своем творчестве, а особенно поэтесс, хотя это область представляется очень перспективной, ведь боль матери от потери или просто от страданий ребёнка (и не важно, чужого или своего, ведь чужих детей на войне не бывает) не может быть сравнима ни с чем. Самой масштабной поэтессой, затронувшей тему войны, несомненно, является Анна Ахматова.

Жизнь Ахматовой была прочно связана с материнской болью. И поэма «Реквием» стала воплощением этих страданий. Важно отметить, что поэтесса чувствовала не только свою личную боль, но и боль всех матерей, более того, всего народа, детям которого пришлось пережить многочисленные испытания в 30-ые годы: «И я молюсь не о себе одной». Однако вскоре грянула ещё одна трагедия, унесшая жизни ещё большего количества людей, – война.

Она сыграла важную роль в эволюции Ахматовой как обычного человека, так и поэта. Война застала Ахматову в Ленинграде, её сын, Лев

Гумилёв, был все ещё арестован. Надежда на малейшее счастье появилась в 1940 году: ей разрешили печататься. Но Ахматова, естественно, понимала, что публикация «Реквиема» может обернуться страшными последствиями. Это придавало ей ещё больше вдохновения, впервые за долгое время стихи писались, “наступая на пятки друг другу, торопясь и задыхаясь...”. Всем известно стихотворение «Мужество». Поэтическое сознание Ахматовой расширяется до невиданных до этого масштабов, интимные темы уступают патриотическим. Неудивительно, что именно в это время она начинает писать свое главное произведение и одно из главных произведений русского модернизма – «Поэму без героя», квинтэссенцию XX века, «реквием по всей Европе», как сказал близкий друг поэтессы, Исая Берлин. Но вскоре Ахматова была эвакуирована в Ташкент и очень сожалела, что не пережила блокаду вместе с ленинградцами, как сделала её подруга, Ольга Берггольц.

У Ахматовой, по сравнению с поэтами, у которых превалирует военная лирика, стихотворений о войне очень немного. Почти все они помещаются в небольшом цикле «Ветер войны» из сборника «Бег времени», но наполнены как болью, так и мощью, верой в победу. Стихотворений, полностью посвящённых теме детей во время блокады Ленинграда, ещё меньше – всего два, и они объединены в цикл «Памяти Вали». Подробнее рассмотрим каждое из них.

Перед этим вспомним малоизвестные факты из биографии Ахматовой. Многие знают, что когда квартира Пуниных в Фонтанном доме стала коммунальной, она повидала многих новых жильцов, в том числе и простую, пролетарскую семью Смирновых. Татьяна Смирнова была из деревни. Сложно было безытной, интеллигентной поэтессе ужиться с ними. Кто был в музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме, тот знает о записке Смирновой, изобилующей многочисленными орфографическими ошибками. Лидия Чуковская, подруга Ахматовой писала, что, когда Вова Смирнов был малышом, на маленькой кухне постоянно висело мокрое бельё, и это было неприятно. Сама Анна Андреевна вспоминала, что старшего мальчика, Валу, мать часто била. Детей поэтесса любила, учила их, а они гордились тем, что были воспитанниками такой известной личности. По приказу Сталина в начале блокады Ахматову и некоторых других писателей на самолёте сначала переправляли в Чистополь, а затем в Ташкент, где ещё мощнее зазвучал поэтический голос Анны Андреевны. Вскоре до поэтессы дошла ошибочная информация, что умер Вова, и она написала первое стихотворение из цикла. Затем она узнала, что погиб всё-таки старший сын Смирновой, и дописала весь цикл, посвятив его Вале. В его смерти она винила себя, так как понимала, что, возможно, могла бы увезти его тогда с собой.

Рассмотрим первое стихотворение из цикла. Оно достаточно короткое и простое, описывает судьбу детей блокадного Ленинграда обобщенно. Однако и в этом стихотворении стоит обозначить некоторые особенности.

Щели в саду вырыты,

Не горят огни.

Питерские сироты,

Детоньки мои!

Неслучайно автор использует слово «питерские», а не «ленинградские» или «петербургские». Именно это слово, отличающееся простотой и в какой-то степени народностью, не отдаляет автора от ситуации, а наоборот, приближает. Это место воспринимается как родное, и все события, там происходящие, как события собственной жизни. Слово с уменьшительно-ласкательным суффиксом «детоньки» в сочетании с притяжательным местоимением «мои» передают переживания лирической героини за жизни блокадных детей, которых воспринимает как своих собственных.

Под землей не дышится,

Боль сверлит висок,

Сквозь бомбежку слышится

Детский голосок.

Здесь автор применяет такой же приём во второй части четверостишия: употребляет слово с уменьшительно-ласкательным суффиксом «голосок» по отношению к детям. Но обратим внимание, чем семантически последние две строки первой строфы отличаются от двух последних строк второй строфы (*курсив*). Легко заметить, что от определения субъекта автор сужает семантику предложения до того, что с ним, с субъектом, происходит. Именно в первом случае употребляются назывные предложения, в то время как во втором появляется двухчастная основа со сказуемым: «**слышится** голосок». Автор постепенно переходит от обращения к тем, кто страдает, к тому, что с ними происходит.

Интересно, что и первые две строки двух строф связаны между собой примерно в таком же соотношении (**жирный шрифт**). В первом четверостишии обозначены пейзажные детали, то, что окружает детей. Во втором же автор показывает связь места и объекта, как бы отвечает на вопрос: а что с детьми **там** происходит? Соотносятся между собой начала двух частей: «щели вырыты» - «под землёй».

Получается, что второе четверостишие в целом является конкретизацией того, что описано в первом; оно описывает не фон, субъекты, а то, что с субъектами происходит на этом фоне. Именно поэтому эти части отделены запятой, а не точкой, как в первом случае. Таким образом, как показалось на

первый взгляд, незамысловатое стихотворение на самом деле имеет сложную структуру, которую можно назвать двухчастной параллельной, когда части каждой строфы соответственно связаны в определенном отношении, в нашем случае эту связь можно обозначать так: обобщение – конкретизация. Заметно, как автор от общих переживаний, описаний переходит к конкретным.

Итак, смысл, структура стихотворения вполне понятны. Но ещё одним объектом интереса может стать метр. Если прислушаться к ритму, то можно расслышать какой-то песенный мотив. Этому, несомненно, способствует употребление вышеперечисленных уменьшительно-ласкательных слов в конце четверостиший, восклицательных предложений. Но самое главное – использование «народного» и вместе с тем элегического (а в нашем случае эти две категории совмещены, лирическая героиня **страдает по народу**) хорей, причём трехстопного, обладающего богатым семантическим ореолом. Это стихотворения песенного жанра Державина и Тредиаковского, Львова и Жуковского. Впоследствии этот размер появляется у Фета (с семантикой грусти, при описании природы) и Огарева (с семантикой быта, фольклора). Самый главный представитель этого размера – «Горные вершины» Лермонтова, где появляется мотив пути и смерти. У модернистов, современников Ахматовой, он также встречается: в стихах Сологуба, Брюсова, Г. Иванова, Блока, не забывает его и советская поэзия.

Обобщая, можно сказать, что этот размер имеет три основных окраса, даже в самые разные периоды своего развития: смерть (страдания, грусть), природа и фольклорность. Несомненно, в нашем случае, как мы уже отметили, присутствуют первый и третий, тем не менее, в стихотворении имеются и пейзажные детали, но вряд ли их можно назвать основой произведения. Заметим, что дактилические рифмы появляются с этим размером только у модернистов, что подтверждает правильность наших суждений. Более того, ещё В. Иванов после прочтения Ахматовой её первого известного стихотворения «Я пришла сюда, бездельница» заметил, как сильно в творчество поэтессы вплетены фольклорные мотивы. Ахматова умело наследует поэтические традиции: использование определенного стихотворного размера превращает незамысловатое стихотворение в песню матери, боящейся смерти детей.

Разберём второе стихотворение. Обратим внимание, что связь между этими двумя стихотворениями не только тематическая, что неудивительно, но и структурная. Причём сохраняется та же особенность – переход от общего к частному. Если в первом стихотворении в целом описываются дети блокадного Ленинграда, то во втором судьба одного из них, упомянутого нами

Вали. Более того, также связывает стихотворения употребление уменьшительно-ласкательных слов.

Сразу же обратим внимание на размер произведения – трехстопный анапест. В данном случае определение семантического ореола представляется мало выполнимой задачей, однако можно выделить некоторые общие особенности этого размера: обычно присутствует семантика страданий, тяжёлой судьбы, соединяются горестные и радостные мотивы (как, например, в стихотворении А. Блока «О, весна без конца и без краю»). Наиболее близким по семантике стихотворением может стать «Тройка», в котором явно отражены мотивы ахматовского стихотворения: сострадание к судьбе другого человека, невозможность изменить настоящее, разрыв между мечтой и реальностью.

Можно сказать, что стихотворение является авторской интерпретацией сонета (а этой форме Ахматова уделяла очень много внимания в своем творчестве), сразу выделяются первые 10 строк (эмпирическая часть) и последние 4 (лирическая кульминация, «ключ»), но можно разбить стихотворение на другие части.

Произведение астрофично, однако для выявления структуры можно разделить его на три части, определив систему рифм (aDaaD/bEbbE/dFdF):

Постучись кулачком – я открою.

Я тебе открывала всегда.

Я теперь за высокой горою,

За пустыней, за ветром и зноем,

Но тебя не предаю никогда...

Твоего я не слышала стона,

Хлеба ты у меня не просил.

Принеси же мне ветку клена

Или просто травинки зеленых,

Как ты прошлой весной приносил.

Принеси же мне горсточку чистой,

Нашей невиской студеной воды,

И с головки твоей золотистой

Я кровавые смою следы.

Однако знаки препинания и категории времени, по-особенному интерпретируемые в произведении, позволяют разделить стихотворение на еще более мелкие части:

Постучись кулачком – я открою.

Я тебе открывала всегда.

**Я теперь за высокой горою,
За пустыней, за ветром и зноем,
Но тебя не предам никогда...**

*Твоего я не слышала стона,
Хлеба ты у меня не просил.*

**Принеси же мне ветку клена
Или просто травинки зеленых,**

Как ты прошлой весной приносил.

**Принеси же мне горсточку чистой,
Нашей невиской студенкой воды,
И с головки твоей золотистой
Я кровавые смою следы.**

Интересным образом в стихотворении переплетены настоящее, иногда связанное с будущим, (**жирный шрифт**) и прошлое (*курсив*). Несложно заметить, что времена строго сменяются друг другом, причем настоящее время является закольцовывающим. Что же означают эти времена в мироощущении автора? Очевидно, прошлое – это воспоминания о времени, проведенном с Валией. Но строки «Твоего я не слышала стона, // Хлеба ты у меня не просил» не соответствует этому, они повествуют о смерти Валии, которую лирическая героиня не могла видеть (ведь она находилась далеко, о чем говорят предыдущие строки). Категория прошлого разворачивается в стихотворении так: воспоминания о счастливых моментах в прошлом – события смерти Валии (ирреальное для героини прошлое) – снова воспоминания. Получается, что помимо внешнего закольцовывания настоящего времени, присутствуют внутреннее закольцовывание прошлого, причем события смерти становятся ядром произведения, вокруг которого выстраивается остальное стихотворение (и мы правда знаем, что известия о смерти стали источником вдохновения). Настоящее время бывает реальным («Я теперь...») и ирреальным («Принеси...»), так как все действия, описанные лирической героиней,

невозможны, ведь Валя мертв. Оба времени раздваиваются, распадаются на настоящее, возможное (воспоминания о Вале, жизнь вдали от него сейчас) и невозможное, то, во что сложно поверить (смерть Вали, возможность того, что он принесет «ветку клена»). Эта же амбивалентность отражена в композиции пятистиший, выделанных в самом начале: настоящее – прошлое настоящее превращается в прошлое – настоящее – прошлое. Строфы как бы зеркально отражены. Но последние четыре строки относятся к настоящему времени, а значит лирическая героиня пытается побороть пессимизм, возникают мотивы вины и искупления, о которых мы поговорим позже. Анафора «Принеси» связывает второе пятистишие и последние 4 строки. Таким образом, своеобразная композиционная интерпретация категории времени выражает несбыточную надежду на повторение счастливых моментов прошлого в настоящем.

Стихотворение имеет ряд других особенностей. Известно, что пятая строчка в первоначальном варианте звучала так: «И домой не вернусь никогда». В имеющемся варианте стихотворение звучит более оптимистично, и это неслучайно: блоков с категорией времени «настоящее» больше, а значит превалирует мотив надежды. Важным является противопоставление «я» и «ты»: «я» - жива, «ты» - уже нет, «я» - была когда-то близко, «ты» - теперь очень далеко, «я» - уехала, «ты» - остался. Несмотря на это, лирическая героиня подчеркивает свою вечную преданность именно в пятой строчке.

Особенно интересными в этом плане являются две пары строк, расположенных «на стыке времен»: **«Постучись кулачком – я открою. // Я тебе открывала всегда»** и **«Принеси же мне ветку клен // Или просто травинок зеленых, // Как ты прошлой весной приносил»**. В первом случае лирическая героиня утверждает свою преданность, во втором – преданность Вали. Частичный синтаксический параллелизм подтверждает эту мысль.

Обратим внимание на так называемые знаки памяти. Они бывают двух видов: относятся к миру реальному, миру жизни и миру ирреальному, миру смерти. К первым относятся «ветка клена», «травинки зелёные». Клён – мощный фольклорный образ (его появление у Ахматовой неудивительно), он часто встречается в стихах модернистов (например, Есенина), да и в сборнике «Вечер» встречается несколько раз. Обычно образ клёна связан со страданием, преодолением жизненных перепитий. Знаки памяти характерны для лирики Некрасова:

У *церкви*, где ветер шатает
Подбитые бурей *кресты*,
Местечко старик выбирает;
Устал он, работа трудна,

Тут тоже сноровка нужна —
Чтоб *крест* было видно с дороги,
Чтоб солнце играло кругом.

Это подтверждает наши предположения о семантическом ореоле. Ко вторым знакам памяти относятся «хлеб» и «невская студёная вода», символы страданий людей блокадного Ленинграда. Вода подводит нас к последним, самым важным строкам, где упоминается кровь. Кровь – олицетворение страданий, шрамов от тернового венца, который был возложен войной на головы детей. И лирическая героиня чувствует, что в этом её вина (и биографический контекст помогает нам понять, почему), что она эту кровь обязана смыть, причём смыть невской водой – как мы знаем, в то время оказавшейся действительно спасительной, чудотворной для ленинградцев. Ахматова на протяжении всего творчества считает себя с народом единым целым, все страдания воспринимает как свои. И мотив крови как осознания личной вины за эти страдания пронизывает все ее творчество. Приведем несколько примеров, чтобы понять глубину, казалось бы, незамысловатого образа:

Отчего мои пальцы словно в *крови*
И вино, как отравы, жжет?
(Новогодняя баллада, 1923)

В *крови* невинной маленькие руки
(1921)

Что *кровью* пахнет только *кровь*...
<...>

И напрасно наместник Рима
Мыл руки пред всем народом,
Под зловещие крики черни;
И шотландская королева
Напрасно с узких ладоней
Стирала красные брызги
В данном мраке царского дома...
(1934)

Кровь в нашем стихотворении соотносится с последним вышеприведённым: смерть Иисуса, чистого и невинного человека, можно сравнить со смертью ребёнка, ведь неслучайно «дети – лик Божий» (возможно, Ахматова эту мысль заимствовала у Достоевского, его творчество играло особую роль в ее жизни).

Таким образом, подробно проанализировав автобиографический микроцикл А.А. Ахматовой «Памяти Вали» можно сказать, что поэтесса, как кажется на первый взгляд, просто и ясно рассказала о тяжёлой судьбе детей в блокадном Ленинграде. И это действительно так. Однако написала она этот цикл, будучи уже опытной и состоявшейся поэтессой, поэтому неудивительно, что при пристальном изучении всего двух стихотворений открывается глубина её творческого таланта – сложные композиционные приемы, неслучайный выбор размеров, точно подобранная лексика, богатая интертекстуальность. Но самое главное – то, как сильно она прочувствовала страдания детей, несмотря на то, что была далеко от Ленинграда. Читая этот цикл, мы понимаем, что мы обязаны помнить, как было нелегко детям в военное время и быть благодарными поэтам, в том числе Ахматовой, за то, что они запечатлели это в искусстве навсегда.

Селедкова Елизавета Александровна,
Викуловская школа № 2, г. Тюмень,
9 класс

Один день из жизни солдата

«Зима. Кругом лед, лед, лед.../...У меня в зрачках /Черный Ладожский лед...»,- думал солдат, вцепившись в баранку своей машины.

- Но ты ведь, Ладога, можешь быть совсем иной. Весной ты принимаешь в свои нежные объятия стаи белоснежных лебедей. Массивные тела птиц то грациозно взмывают в воздух, то плавно опускаются на озеро. Выгибая свои длинные шеи, они отражаются в прозрачных водах озера. Лебеди, взмахнув своими мощными белыми крыльями, поднимаются над водной гладью. О, как прекрасно их отражение! Свободные ветры ласкают их, радуясь прилету гостей.

Летом ты то спокойное, то буйное. Ты шумишь, поднимая бурлящие волны, и кидаешь их на каменистый берег.

Осенью лес на твоих берегах покрыт таинственной дымкой, скалы дремлют на печальной воде. Тебя, как большое море, окутывает туман...

Очнувшись от дремоты, солдат вновь судорожно повторяет:

Зима. Кругом лед, лед, лед...

...У меня в зрачках

Черный Ладожский лед,

Ленинградские дети

Лежат на нем...

«Лед, ты сковываешь воду и хочется верить, что нет ничего прочнее, надежнее тебя, но как ты хрупок. Как страшно ступать на твой холодный стан», - глядя на Ладогу, думал Николай Макушин, солдат двадцати восьми лет. Его серые глаза цепко, как будто в последний раз, окидывают живописные просторы. Зябко, темно и страшно. Ничего не чувствуешь, мысли будоражат душу. Только в висках молотком стучит одна и та же фраза: «Там, в Ленинграде, люди умирают. Хлеб спасет сотни измученных жизней. Надо выжить! И ты, лед, поможешь мне».

Николай уверенно заводит свой ЗИС-5. Колеса машины медленно скатываются с пологого берега. Мотор на минуту глохнет...

-Только не подведи.

Он дрожащими пальцами вновь заставляет работать железного товарища. Перед глазами сразу мелькают картинки из детства: мама... Он помнит ее руки, такие теплые и мягкие, пахнущие деревенским молоком. Она стоит в своем скромном сарафане, поправляя платок на голове, смеется, по-детски сдвинув брови...

Ужасный треск льда заставил водителя вернуться в реальность: машина впереди колонны, сбившись с трассы, в секунду уходит под лёд... Теперь его очередь! Колеса уже наполовину в воде. Страх овладевает парнем, ужасным зверем царапает душу.

-Неужели жизнь оборвется так нелепо! Отбрось свой страх, ты не «слабак».

Окоченевшие пальцы сжимают руль машины. Уже что-то неземное движет им. Машина неведанными силами рвется вперед. Снег залепил окна, дворники не успевали очистить тусклое стекло. Глаза видели только свет впереди.

Тот первый рейс по Ладоге в ноябре 1942 года он не забудет никогда! На протяжении всего пути в голове мелькала лишь одна мысль, и бледные губы шептали её как в бреду: «Только бы не утонуть...». Эти тридцать километров по тонкому льду казались бесконечными. Время медленно бежало, и страх перетряхивал душу солдата.

И вот он уже так близко, город - крепость, заключенный в оковы блокады немецкими войсками. Спасительная колонна медленно и торжественно въезжает в город. Люди - тени, молча двигались по пустынным улицам. Но город продолжал жить!

- Как же ты изменился, Ленинград! Еще два года назад по твоим проспектам прогуливались беззаботные жители, радуясь жизни...

У стены разрушенного здания Николай увидел подростка и маленькую девочку. Дети не плакали, голод отнял у них все силы. Северный ветер, бродя по городу, леденил истерзанные души.

На долгие годы в памяти застыли образы этих детей, как олицетворение страшной участи блокадного Ленинграда. Их Николай пронес через всю жизнь, ради них он сражался, ради них он несколько раз умирал, ради них он выживал и шел по долгой дороге войны, дойдя до Кенигсберга.

«Эх, Ладога, ты опять завораживаешь меня своей красотой, хотя живешь ты ныне иной жизнью. Хранишь в себе память войны и вечно остаешься такой же завораживающей», - уже в мирное время, глядя на озеро, думал Николай Макушин.

Соломенцева Елизавета Алексеевна,
Школа № 28, г. Мытищи, Московская обл.,
11 класс

Что было на войне?

*Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

Юлия Друнина

— Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

— Да, понимать, конечно, это важно.

Но подскажи, как это сделать мне?

Я не солдат, который жаждал боя.

Я и не врач, который излечил.

Я никогда не видела конвоя.

Я не боец, который победил.

Мне непонятно чувство сострадания

К врагу, который сдался без борьбы.

И сохранить покорное молчанье

При смерти близких не смогла б, а Вы?

— Тогда послушай, я тебе скажу,
Что на войне мы были все едины.
И хлеб давали мне и малышу
По крошке маленькой, он был из глины.
Мы всем делились, всем, что у нас было.
И отдавали просто, без обид
Родным защитникам чернеющего тыла,
Ведь через час он можешь быть убит...
Мы жили в страхе и всегда молились,
Чтобы вернулись муж, брат и отец.
Когда же похоронки нам явились,
Мы поняли, что наступил конец.
Когда любимый погибает под снарядом
И пули продолжают вновь свистеть,
Хотела оказаться с ним я рядом
И только вместе с милым умереть.
Но вдруг я вспомнила, что есть мальчишка,
Чья мать давно уже от нас ушла.
И закричала я тогда: «Сынишка!
Я всё на свете за тебя бы отдала!»
Он спросит ночью: «Тётя, где же мама?»
А я отвечу: «Мать тебе — страна!
Не прячься, стой всегда ты прямо,
И будет твоя мама спасена...»
Он отвернулся, и я слышу — плачет,
А слезки будто ручейки весной.
Он грусть свою уже умело прячет,
Хоть сам-то ещё маленький такой!
Я вижу смерть, болезнь и вечный голод.

Когда важней всего твоя страна,
Ты победишь и самый сильный холод —
Вот, что такое есть война...

— И правда, страшно, сердце замирает,
А дрожь пронизывает с ног до головы.
Ведь каждый час сын чей-то погибает!

Да, непосильна ноша и вдовы!
Но это тыл. А что же было в поле,
Где люди бились точно не на жизнь?
А на смерть, но не поневоле,
От сердца отражали дух Отчизн.

— Одни в сырых окопах Сталинграда
Бросали мины во врагов страны.
Другие у порога Ленинграда
Платили цену мирной тишины.
Они сражались храбро, но потери,
Конечно, были очень велики.
Минуты, дни и вечные недели
Под небом алчной ночи и тоски.
Когда взрывалась бомба, я мечтала,
Чтоб это был всего лишь страшный сон,
Однако ежедневно наступала
Кровавая заря родных знамён.
«Нам говорили: «Хватит ныть, как бабы!»
Мы отвечали, голову склонив,
Что будем защищать родные штабы
И не допустим чувственный порыв.
Твой друг застреленный давно лежит.

Ты сам лежишь под небом тысяч звёзд.
Но русский дух не просто ниткой сшит,
Он выкроен, как самый прочный гвоздь.

Схватил винтовку быстро — и прицел,

И немцы побежали врассыпную.

Нет, не попал, увы... Успел! Успел!

Хоть и стрелял я в них почти вслепую...

Никто не хочет просто умереть.

Но коли надо — значит это надо.

Здоровым нужно прежде уцелеть:

Мы все здесь словно брат за брата» —

Так говорил солдат, который не вернулся,

Он был отважен: пал ради страны.

А напоследок мягко улыбнулся

И радостно сказал: «Конец войны!»

— Но далеко же было до конца...

Он как любой из сотен тысяч храбрых.

И что ж такое смерть бойца?

Ведь много было вот таких же правых!

Война не кончилась, когда погиб один.

— Он не один, за ним была Держава.

Как мать скорбит, когда не пишет сын,

Так к Родине пришла за миг отравы...

— Ведь трудно было просыпаться с мыслью,

Что каждый день сулит дожди из мин?

Но ваша жизнь не потеряла смысла:

Ведь цель была заполучить Берлин.

Всё то, что было, не могу представить.

Ведь это потрясенье для страны!

Но знаю точно, мы веками будем славить

Великих ветеранов той войны!

— Теперь ты знаешь, что такое сила,

Которая способна оживить.

Война ведь никого не пощадила...

Её девиз — безжалостно убить!

Твой век — век памяти солдат.

И помни, что заслуга деда

Не крикнуть громкое: «Виват!» —

А показать, что есть Великая Победа!

— Я благодарна вам за то,

Что вы, боясь, не отступили.

Кто нас ещё бы спас? Никто.

Мы ваши жертвы не забыли!

Спасибо вам, солдаты, за покой,

За небо чистое над головою,

За то, что навсегда окончен бой,

Что мы гордимся нашею страной!

— Весь этот ужас помнить очень важно,

А вспоминать важней даже вдвойне.

Кто говорит, что на войне не страшно...

— Тот ничего не знает о войне...

Софьина Варвара Вячеславовна,
Бавленская средняя школа, Череповецкий р-н, Вологодская обл.,
10 класс

Жизнь – не мучение, или Дуракам везет

*Мы были всякими. Но, мучась,
Мы понимали: в наши дни
Нам выпала такая участь,
Что пусть завидуют они.
Павел Коган*

- И выпала ж такая участь, - говорили, жалея, про Валюху – сиротку, вышедшую замуж перед самой войной и уже успевшую опять осиротеть – овдоветь, деревенские.

А сегодня она их удивила...

- Люди, конечно, всякие бывают, но эта совсем сдурела», - шептались тетки, укутанные во вдовий платки, провожая глазами телегу, запряженную изможденной военной лошадкой. Валюха шла сбоку телеги и в мерном скрипе колеса все ей слышалось «ду-ра-ду-ра-ду-ра»... А и дура! Что ж теперь делать-то, если сердце глупое?!

...Сегодня ей повезло: купила в райцентре сахару большой кусок. Надо бы хлеба да крупы какой, а она сахару. Одно слово – дура! Но в последнее время у Валюхи что-то с головой сделалось: как похоронку на мужа сама себе вручила, так и поглупела.

Была Валюха почтальоншей. Работать на больших работах ей нельзя – сердце слабое, чуть что – синела сразу и валилась, как снопок. Вот в сельсовете бумажки и писала да домой к Егорушке бегала. Маленький он совсем, одного страшно оставлять надолго. Разносила Валюха письма... Когда письма – это праздник! Это значит, что в треугольнике, ушлепанном разными синими штампами, главная новость – живой! Влетала сияющая в любой дом без стука, блестела глазищами на хозяев и из-за пазухи, прямо от самого-самого сердца, доставала заветный треугольник, теплый от ее счастья.

А вот когда не треугольник, а конверт... Подходила Валюха к калитке и стояла, никогда не стучала, в дом не входила, хозяев не звала. Бывало, по три часа и простаивала. Знала, что за занавесками воет уже, увидев ее, стоявшую без движения, осиротевшая жена, напуганные ребятишки жмутся к печке, знала, а не входила. Ох, и ругал ее председатель: «Глупая ты баба, Валюха! Вошла, отдала, поплакали – все! Чего душу-то и себе, и бабам рвешь?» А она все равно стояла.

Стали Валюху в деревне обходить стороной. А как не обходить? Принесла ведь она похоронки почти во все дома.

Принесла и себе... Прочитала в сельсовете фамилию свою на конверте – не поняла ничего. Подошла к своему крыльцу, конверт достала – и стоит. Взгляд пустой, губы синие в улыбке идиотской растянутые. Очнулась, когда в окошко забарабанил Егорка, а он, напуганный поведением матери, надев задом наперед штанишки и валенки на разные ноги, выкатился на крылечко, теплыми ладошками по щекам ее гладит, гладит, в глаза заглядывает, плачет. А мать словно и не слышит – в голове повредилась. Так она и запомнила: губы сынишки шевелятся, а звука нет – горе. Просидели они всю ночь, укачивая друг друга. Может, если б поплакала она, полегчало б, но слез почему-то не было. С того дня и стала она совсем глупой!

Вот и сегодня – гляди ты! – сахар в районе купила... Занесла Валюха какие-то председателивы бумажки в районную контору, поулыбалась на вопросы – глупая, чего с нее взять! – да и шагнула в коридор, в котором хныканье детское слышалось. На деревянной широкой лавке сидело четверо ребятешек, старшему лет шесть - семь, а маленькой годика три, что ли. Ничейные. Худющие, одни глаза на чумазых мордашках. Хныкала маленькая, обреченно так, на одной ноте. Не прошла Валюха, не смогла мимо, как другие, пройти. Присела на корточки перед малышкой, улыбнулась, а у самой слезы по щекам текут. А девочка, как тогда, после похоронки, Егорка, теплыми грязными ладошками слезы-то ей и вытерла. «Будешь моей дочкой?» - шепотом спросила. А сама уж боится еще не принятого решения забрать себе, обогреть сероглазое чудо с дорожками слез на щеках. Девочка потянулась к ней, доверчиво прижалась всем тельцем. «Скажу кому, что заберу тебя», - в ушко новой дочке прошептала Валюха и хотела было разжать ручки-прутики, но девочка не далась, заплакала снова. Так и пошли в обнимку начальство искать. «Забирай, - как про чемодан, сказала суровая сердитая тетка, - второй день никак не пристроим». Вот Валюха и забрала...

Девочка уже успокоенно, доверчиво и влажно сопела ей в ухо. Когда к выходу подошла, почувствовала, как ее потянули за юбку. Оглянулась. Старший мальчик серьезно смотрел, задрал голову. Присела. «Смотри, не обижай ее!» - сказал Валюхе. Она только кивнуть смогла. А у мальчика вдруг мордаха скривилась, губенки повело, и глаза, такие же серые и глубокие, как у сестренки, наполнились слезами. По-взрослому скрывая слезы, отворачиваясь, стыдясь, что плачет, мальчишка безнадежно прошептал: «Много нас больно, чтоб всех забрать, да?..» Прижался вдруг мальчишка к Валюхиному животу сильно, аж затрясся, а потом запрокинул голову: «Мамой пахнешь... Обними хоть...как...она, когда была жива».

«Дурища! Куда?! Четверых! Чем кормить-то будешь? Мучение одно!» - сипела уже знакомая тетка. А сама на крыльцо вышла проводить, сунула полную сумку буханок и тушенки и, когда телега тронулась, а Валюха, жалея лошаденку, пошла рядом, перекрестила да слезы вытерла.

«Ду-ра-ду-ра-ду-ра», - обидно скрипели колеса, а Валюха улыбалась своей глупой улыбкой и не боялась больше ненависти деревенских баб.

И много чего было потом. Голод, нужда, болезни. Не было только холода в Валюхином доме: пятеро ребятишек согревали, звали мамой, помогали и жалели. Повезло Валюхе с ребятишками. Потому, может, и улыбалась она? Выделялась среди неулыбчивых и суровых деревенских баб своей улыбкой, раздражала их тихой радостью: дура – чего с нее взять!

А потом вдруг война кончилась! Стали какие-то бумаги на детей оформлять, чтоб деньги или трудодни добавили. Только не стала Валюха по инстанциям ходить! Кто ж на своих родных детей бумаги оформляет?! Дура – вот и весь сказ!

Однажды к Валюхе, полоскавшей на речке белье, выкатились, как горох, все ее дочки-сыночки. «Ма-а-а-ам, м-а-а-а-а-а!» - бежали вдоль улицы с воплями, запыхались, глаза испуганные, подталкивают друг дружку локтями и молчат. Поплохело сразу, пересчитала – все! Живы! «Изба горит! – мелькнула страшная мысль. Подхватила бежать, и вдруг: «Мам, там ...это... папка домой вернулся!»

А что вы хотите?.. Дуракам везет...

Спицина Дарья Валерьевна,
Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва
1 курс

Размышления о военном времени

*Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах читаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папиросы.
Николай Майоров*

По мотивам биографии Николая Майорова

На вечер был готов увлечь
Тебя кружок литературный,
Был цельным небосвод лазурный –
Его не тронула картечь...
За сотни верст дорогой дальней
Ещё война не унесла...
Любовь нежданно заняла
Места соседние в читальне.
Слова, пронзившие насквозь...
Стихи, как времени портал, –
Ты говорил, о чем мечтал,
О том, что видеть довелось.
Ты молод был и торопился,
Ее тянуло в Кызылкум,
Но ждал в плену тяжелых дум,
С отказом милой не смирился.
Писал, что можешь променять
Ее на строки Пастернака.
Как больно ранит сила знака,
Не оправдаться, не принять.
Тогда шёл год сороковой,
Порывист был, не осторожен,
Исход иной уж не возможен,
Коль донесли стихи молвой...
Соль на губах минувшей ссоры,

Не скоро сладость примирения.
В любви взаимной нет сомнения –
Ты для нее свернул бы горы,
Когда б не развела война.
Но в сорок первом вместе с солнцем
На фронт уходишь добровольцем –
Судьба, увы, предрешена.
Унес ты в памяти картины –
Осколки прожитых времен,
Закат кровавый, как сквозь сон,
Последний поцелуй Ирины.
Она сквозь время пронесла,
Стихи поэта нам открыла,
Жила в ней пламенная сила
Творить великие дела.
...Стою у горизонта кромки,
И яркость красок ослепляет,
Ваш образ в мыслях не растает,
И не забудут Вас потомки.

Сулейманова Гулжахон Сулейман-кизи,
Бухарский государственный университет, Республика Узбекистан
3 курс

Тишина войны и мира

*Долго будут в памяти слова
Цвета орудийного ствола.
Долго будут сосны над травой
Окисью синеть пороховой.
Давид Самойлов*

Можно ли поверить в тишину,
В ту, что после боя повисает,
В первую победную весну
Горестную тризну возвещая?

Можно ли увидеть тишину
В тех зрачках, что замерли от боли,
Если еле слышный хрип: «Сестра...»
В небо маревом струится по-над полем?

Можно ль пережить ту тишину,
Что хранит жар тлеющей деревни,
Смрад кружащегося пепла на ветру,
Остановленной на полуслове песни?

Можно ли понять нам тишину,
Что в войну – на вес солдатской жизни,
От зари кровавой и к Огню
Вечному защитникам Отчизны?

Можно ли смириться с тишиной
Осквернённых памятников Славы,
Охранявших прах героев, их покой,
Нашу Память как бессрочные заставы?

Можно ли потрогать тишину,
Что на кителе по планкам расплескалась,
К ветеранскому плечу припасть щекой,
Сердцем чутким отодвинув чью-то старость?

Можно ли услышать тишину,
Когда небо освящается Салютом?
Можно, если славят мир, а не войну,
Если ум в чести, а не валюта.

Если шёпотом любви раздвинуть тьму,
Колыбельную допеть, со слов не сбиться,
Ну и в жизненном пути не ошибиться,
Сделав шаг рискованный во мглу.

Не согласие с кривдой тишина,
Не молчание на вызов грубый,
Не затишье перед бурей она –
Пульс вселенной, в суете забытый.

Тишина – гармония Земли,
Хрупкость мира, что в тревоге бьётся:
Пусть не будет никогда войны –
Той, что третьей мировой назовётся.

Тищенко София Романовна,
Гимназия № 3, г. Белгород,
10 класс

Война – своеобразное чистилище или лимб души?

*Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

Юлия Друнина

Guerra, war , krig, rat ,война – это слово на любом языке звучит устрашающе и несет в себе ноющую боль. Оно сплошь пропитано слезами, капающими на потертую фотографию, криками от безысходности и душевной пустотой. Мысли, посещающие сознание о том, что причин для жизни больше нет, пугают терпким привкусом соленой крови. Когда падаешь на колени и понимаешь, что все...ты проиграл судьбе. И никакой, даже самый чудодейственный препарат, не сможет залечить образовавшуюся пробоину в сердце.

Каждый год люди вспоминают моменты, связывающие их жизни так или иначе с этой жестокой хранилищем людских страданий. Снова и снова они обнажают свои сердечные раны. Но есть же и те, которые равнодушны к смертям и кровопролитиям. Им все равно, что когда-то давно миллионы людей отдали свои жизни, чтобы подарить их нам. Они высмеивают подвиги, пишут в своих социальных сетях фразу: «можем повторить 1941-1945». Это и есть благодарность за подаренное чистое небо над головой?

Война искалечила множество жизней, оставила миллионы детей сиротами, а жен – вдовами. Покалеченные солдаты, защищавшие родину, надеялись на одно: в наших глазах будет отражение яркой и счастливой жизни. Люди словно пешки в шахматах, а поле перестрелок – игральная доска. Смерть и несчастье очень любят эту игру. Когда становится скучно, они раз за разом играют партии и радуются каждой улетевающей в подземный мир душе.

Много лет миновало, но та боль, которая живет в душах многих людей и скребется, по сей день не давая покоя. Войну нельзя поставить на один уровень ни с чем, ведь страшнее и трагичнее отрезка в истории просто нет. А если посмотреть с более позитивной стороны? Помимо тех страшных моментов, через которые довелось пройти людям того времени, есть и другая сторона медали, – долгожданная победа. День Победы – это та самая гордость без лишнего глянца.

Война оставила свой след везде. Ей нигде нет равных. Люди всегда чувствовали ее холодное дыхание за своей спиной. Еще ни о каких моментах не было написано столько произведений, заставляющих задуматься о цене и смысле бытия. Особенно сильно тема войны прозвучала в советской литературе. Многие писатели тех времен стали настоящими военными журналистами и корреспондентами.

Роман, основанный на документах... Роман Бориса Васильева «В списках не значился» – то произведение, которое затрагивает самые далекие чувства нашего подсознания. В основу легла история об обороне Брестской крепости. Главный герой описывается нам как человек, который ради друзей и семьи готов сделать все возможное. Автор восхищается героем, ведь Николай Плужников потерял товарищей и любимую, но не опустил руки. Всех дорогих ему людей забрала земля в свои объятия. На протяжении многих месяцев он отважно сражался с фашистами, но смерть и его не пощадила.

...Ослепший, в рваной, истлевшей одежде, оставляя кровавые следы на апрельской грязи, выходит он к немцам (идет на звук мотора машины). Перед ней падает на колени и своими незрячими глазами смотрит на солнце в ожидании смерти... На вопрос немецкого генерала об имени и звании отвечает: "Я – русский солдат!" Немецкий лейтенант звонким голосом

выкрикивает команду "на караул", и солдаты починяются ему. Николай продолжает брести сквозь вражеский строй, с трудом переставляя распухшие, отмороженные ноги. Он только что узнал о разгроме фашистов под Москвой, и эта новость позволяет ему чувствовать себя победителем. Немецкий же генерал немного медлит, а потом вскидывает руку к фуражке, отдавая честь "последнему защитнику так не покорившейся крепости". Солдаты замирают. Мужество и стойкость вызывают уважение даже у противника.

«Потому что человека нельзя победить, если он этого не хочет. Убить можно, а победить нельзя», – эти слова Коли вытащили из меня все слезы. Молодой парень, поседевший из-за военных тягот, до последнего своего вздоха оставался Русским Солдатом. Он погиб непобежденным. Цель, которая сопровождала его на протяжении всего нелегкого времени, помогала и наставляла на истинный путь светлого солнца.

Что еще помогало солдатам не отчаиваться и продолжать верить в победу? Молитва. Ведь когда совсем не на кого надеяться, мы всегда прибегаем к помощи небесных сил, и они всегда откликаются. Такая поддержка придает уверенности. На войне нет права на ошибку. Любая минутная слабость может стоить очень дорого. Обесценивается все, кроме мимолетного счастья. Люди готовы отдать собственную жизнь, только бы увидеть маленькую искорку в до боли родных и любимых глазах. Надежда была самой яркой путеводной звездой. И вера в Бога, и вера в любовь помогает выжить. Внутренний стержень, состоящий из надежды, веры и любви, не дает смириться и стать безвольным. Бесценные письма из дома, пропитанные любовью и слезами с привкусом горестного счастья. Фотографии любимых, которые солдаты носили у себя под фуражкой и при любой возможности доставали и просто целовали, вспоминая нежные прикосновения теплых рук возлюбленной. Поздний закат, легкие лучи которого обволакивали лицо, тело и добирались до самых недр души. Ценности были другие. Когда мужчина возвращался с фронта, его встречали самые долгожданные объятия и прикосновения, которые были настолько искренними и свежими, что не хотелось прерывать их. Вот оно счастье, когда все живы и могут прикоснуться друг к другу не только через письмо и фотографию. Когда могут насладиться запахом свежееиспеченного хлеба и парного молока. Когда могут, не переживая, наслаждаться рассветом, лежа на лугу и считая, сколько раз прыгнул кузнечик. Все эти мелочи настолько необходимы, что порой люди, не замечая их, становятся пленниками ограненной жизни и скучных реалий, но раньше все маленькие радости были включениями одной долгой и радостной жизни.

Но даже в такие жизнерадостные моменты, если их можно так назвать, страх никуда не исчезал и продолжал преследовать. Он действовал пассивно, но очень пугающе. Вот вроде бы сидишь на лавочке и смотришь за бегающими и веселящимися ребятами, но на душе беспокойно. Мысли в твоей голове: когда и откуда ожидать следующий удар? Через сколько прервется детский смех и начнутся жесткие реалии жизни? Ты не можешь быть полностью уверен ни в чем, даже в самом себе. Нет времени на принятие решения и переосмысление всего накопившегося в голове. Вот это страшно...

Война – это один большой страшный сон. Кому-то приходилось умирать, даже не проснувшись. Судьба каждого человека предначертана в его личной книге жизни, и здесь он не вправе что-то изменить или подкорректировать, но шанс на счастливое существование есть у каждого. Только одинаков ли он у всех?

Товескин Константин Витальевич,
Лицей № 54, г. Омск,
7 класс

Разговор с волонтерами

*...У меня в зрачках
Черный
Ладожский лед,
Ленинградские дети
Лежат на нем.
Александр Межиров*

На обоях старых -
солнца орнаменты...
Вопрос
внезапно и безнаркозно
Настоящее с прошлым
сшивает острой,
Но заржавевшей
иглой памяти.

- Иван Ефремович,
расскажите,
пожалуйста!

...Альбомы
оперение-снимки
выронили.
Бархатными
распластались крыльями,
Тикают «ходики»
безжалостно.

По окопам морщин-
слёзы-горошины.
- «Мессеры» - над машинами
низко.

Вой и грохот –
снаряды – близко!
Что страшней
может быть,
горше:

Распластав
крылышки
как воробьишки,
На чернеющий лёд,
в полыньи-провалы,
Падают замертво
птахами малыми
Ленинградские
девчонки-мальчишки!

...«Ходики»,
зачем с тишиной
спорите!
Долго тянется,
длится молчание.
Рука по глазам –
дрожаще-отчаянно
скользит.
- Я помню,
и вы...помните!

**...У меня в зрачках
черный
Ладожский
лёд,
Ленинградские дети
лежат на нём...**

...Уходя,
за собою
прикрыли дверь.
Человек и память
остались в комнате.
« Я помню, и вы помните!» -
И в нас
навсегда
теперь...

Травкина Елена Игоревна,
МГУ имени М.В. Ломоносова,
1 курс
*Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах прочитаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папиросы.
Николай Майоров*

Я не забуду никогда то поле боя, на котором полегло столько моих товарищей. Друзей, которые совсем недавно вместе со мной слышали трель последнего звонка и мелодию школьного вальса. Но эти звуки в одночасье сменились воем сирен и грохотом орудий, которые всегда напоминали мне раскаты грома и барабанную дробь тяжелых капель дождя. В детстве я так любил грозу, когда небо заливалось иссиня-черным цветом, весь мир будто замирал на мгновение, чтобы прислушаться и преклониться перед суровой стихией. Но теперь этот навязчивый шум ассоциируется только с одним бедствием – с войной, холодной и беспощадной. Во время грозы я любил свернуться на коленях у мамы и слушать ее тихую песню. Интересно, где она сейчас, пока я здесь, в полуразрушенной землянке, сижу на покосившейся лавочке в ожидании утра и

нового страшного боя, пишу эти нелепые записки. Жалкая попытка оставить что-то после себя, если вдруг погибну. Но это единственное, что помогает отвлечься от ощущения близкого дыхания смерти, которая, кажется, вот-вот постучится в дверь, и я услышу ее тихий шепот. В такие моменты начинаешь понимать, как велика цена каждого мгновения этой жестокой, но такой прекрасной жизни. Если бы я раньше знал, как важно дорожить каждой секундой, каждым теплым объятием и прерывистым вздохом. Сейчас остается лишь погрузиться в воспоминания, которые согревают мое сердце и душу даже в самые тяжелые моменты. Словно я снова возвращаюсь в родное село, со скрипом открываю калитку, жаль, что так и не успел ее починить, ступаю на порог дома, вижу маму. Как же я скучаю по ее голубым как море глазам, милой и доброй улыбке. Этот образ навсегда остается со мной. Отдал бы все на свете, лишь бы не видеть больше тех слез, которые жемчужинами капали на пожелтевшую бумагу фронтовой повестки. В тот миг я, кажется, так быстро повзрослел, но понял, что готов пойти на любой подвиг, уничтожить тысячи фашистов, сражаться до конца, лишь бы ее сердце не переставало биться. Тем роковым летом детство закончилось у миллионов ребят, которые зачастую даже не осознавали в полной мере, какие ужасы их ждут на передовой. Но в один миг все иллюзии были разрушены, стоило только просвистеть свинцовым пулям. Тот первый бой был самым важным для каждого из нас, ведь именно в нем приходит осознание того, что все происходящее реально, что это не детская игра в солдатики, а настоящая жизнь. Никогда не забуду страшную картину, которая предстала предо мной, когда тот бой закончился. Я с опаской выглянул из окопа, мой нос обжег едкий запах пороха, от которого начали слезиться глаза. Поле, которое совсем недавно было устлано ярко-зеленой травой, теперь окрасилось темно-багровыми цветами, горела земля. Столько солдат полегло в тот день. Их тела обволакивал густой утренний туман, казалось, что они просто в нем растают, испарятся, словно плохое ночное видение. Такую тяжесть на душе, которая возникла у меня в ту минуту, не описать и не сравнить ни с чем. Было сложно сделать даже малейший глоток воздуха. Ком в горле не давал произнести ни звука, глаза слезились уже не от пороха. Но бой был выигран, их жертва была не напрасной. Но неужели эта цена соизмерима с человеческой жизнью, разве это справедливо. Почему погибли мои лучшие друзья, а я все еще продолжаю стоять на этой земле, пропитанной их кровью? Дар судьбы или же великое проклятье – продолжать жить, зная, что никого из них уже нет. Возможно, мое время просто еще не настало, и я отыграю свою последнюю мелодию в следующий раз, но пока я буду биться изо всех сил, лишь бы их гибель не была впустую, я выиграю войну, чтобы память о героях не была осквернена и жила вечно. От этих мыслей меня оторвал порыв ветра, заставив съежиться. Пододвинувшись поближе к почти потухнувшему огоньку печки, отложив

карандаш и уже исписанный листок бумаги, я задремал, представляя, как яблоня перед нашим домом купается в теплых лучах весеннего солнца, а в воздухе витает сладкий аромат свежескошенной травы.

Война. Ужасное слово, которое придумали люди для описания еще более чудовищного и пугающего события. Никогда не понимал, зачем им так нужно все это. Неужели жизнь в мире и гармонии слишком скучна. Они жаждут показать, утвердить свое превосходство над другими, пытаются, из кожи вон лезут, чтобы достичь своих выдуманных грандиозных целей, несмотря ни на что, даже на многомиллионные жертвы. С каждым веком люди изобретают все более грозное оружие, кичась своей мощью и силой, забывая о том, что оно нацелено на убийство. Как же можно не замечать или просто игнорировать такие очевидные факты... Возможно, это часть человеческой природы, но я все-таки не теряю надежду на то, что настанет момент, когда они одумаются. Вторая мировая война... Страшная катастрофа, унесшая столько жизней, что даже я сбился со счета. Миллионы душ молодых ребят впорхнули в мои объятия. Если бы вы знали, как тяжело слышать их последние мысли, ощущать эмоции, которые ярким каскадом исходят из затуманенного болью разума. Чаще всего это всепоглощающий страх, леденящий даже мою душу, конечно, если считать, что она у меня есть. Интересно, почему мой образ внушает им такой ужас, ведь ни черного плаща, ни косы за спиной у меня нет. Однако были и те, кто не боялся встречи со мной. Они принимали меня с почтением, как долгожданного гостя, который спасет и защитит их от всех кошмаров войны. Вспоминается мне один юный солдат, который засыпая в землянке, даже не подозревал, что следующий бой станет для него последним. Рядом с ним лежала стопка бумаг с рассказами о его жизни, войне, доме и матери. Он так и не допишет свое произведение, а я стану, увы, единственным его читателем и поклонником. На следующее утро с восходом солнца он и еще тысячи солдат вступят в неравный бой с жестоким противником. Смело и самоотверженно будут они бороться за свободу русской земли, за родной дом и отчизну. Без потерь не обойдется и в этот раз. И будет лежать солдат на земле, смотреть на проплывающие по небу облака и думать о матери, которая так и не дождет своего единственного сына. Он будет мечтать о другой жизни, без войны и страданий, о настоящей любви, которую так и не успел познать, сожалеть об утраченной юности. Он погибнет героем. Как и миллионы солдат, которые встали на защиту своей родины в те страшные годы, которые не сломились ни перед чем и были верны своему долгу и чести. Те, кто одержал такую важную для всего человечества победу. Память об этих отважных ребятах должна гореть вечным огнем в сердцах людей даже спустя века, ведь это именно они «ушли не долюбив, не докурив последней папиросы».

Автор первой реплики:

Коган Павел Давидович («Лирическое отступление», 1941 год) – будучи командиром разведгруппы, выполняя боевое задание попал вместе со своим отрядом на сопке Сахарная Голова в перестрелку, в которой героически погиб.

Автор второй реплики:

Уфимцев Данила Юрьевич,
МГУ имени М. В. Ломоносова, факультет ВМК, 1 курс

Без названия

- Мы были всякими. Но, мучась, Мы понимали: в наши дни / Нам выпала такая участь,

Что пусть завидуют они.

Они нас выдумают мудрых,

Мы будем строги и прямы,

Они прикрасят и припудрят,

И все-таки пробьемся мы!

- Мне, честно, трудно с вами спорить,

Да и, признаться, не к лицу

Мне спорить с личностью, с героем

Что дал отпор фашисту-подлецу

Прошли года, давно над сопкой,

Куда вели Вы свой отряд,

И где безвременно погибли

Всё также журавли кружат.

Шумят там новые деревья

И волны бьются о берега.

Наш флаг стоит на той вершине,

И небо в мире, и земля.

Но нет вас многих, ветеранов,

Что защитили всю страну,

Остались только лишь медали

За вашу храбрость в ту войну.

И я, смотря на те медали,

Рисую в голове отряд,

Там рядовые с командиром

Как на подбор в строю стоят.

Шинели развивает ветер,

Блестит на солнце автомат.
Там вы, защитники народа
Клянётесь: “Нет пути назад!”.
Вы были точно всех мудрее,
Вы были строги и прямы
И пусть прикрасим вас, припудрим,
Но всё-таки пробились вы!

Фучижи Артём Федорович,
Гимназия № 3, г. Белгород,
10 класс

*Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.
Юлия Друнина*

Как говорить о прошлом?

Как говорить о прошлом?

Как говорить о травматическом прошлом, о моменте, когда человеческой истории свернули шею?

Любое предложение, что бы я ни написал, подделываясь под тон *того* времени, было бы страшной фальшью. Я знаю, что действительно ничего не знаю о Великой Отечественной войне. Но это всё-таки не совсем точно. Я знаю выученные наизусть даты, названия операций, имена и проч. Но человеческий опыт базируется на понимании, на проживании того или иного, зачастую «чужого» события.

Изучение документов, статистики нужно, но не даст общей картины. Их механистичность не способна оценить человеческий опыт. Ведь выиграла те, кто больше потерял, – а это противоречит логике.

Поэтому главный инструмент познания – искусство. Наверное, самая точная вещь о познании – трагедия Софокла. И во время изучения, понимания войны чувствуешь себя именно царем Эдипом, который хочет узнать правду о своём прошлом, не боясь потерять нынешний счастливый быт. Царём Эдипом, которому мерзко незнание и неправда.

Мне кажется важным не поддаваться мифу. Не достаточно просто заучить чужое мнение. А миф – как раз таки мнение большинства. Впрочем, скорее всего, миф единственно верен. Но недостаточно просто на него взглянуть – так увидишь только обобщённое. Ты смотришь на карту и видишь огромный участок земли, говоришь: «Россия». Но это не совсем так. Нужно предварительно изучить карту

с расположением природных богатств, карту распределения населения, религий, народов... Затем понять, что государство состоит из множества республик, областей, округов...

Реальность (и в том числе прошлое) – разбитое зеркало. Нужно сложить миллион мелких кусков, и только потом ты вправе увидеть себя. Вначале собери разваливающийся в твоих руках пазл и только потом пропускай сквозь призму своего восприятия.

Но у меня ощущение, что не хватает нужных кусочков. Многим достаточно лишь знать о факте существования войны и факте её трагичности, факте храбрости и бесстрашия защитников и факте величия подвига. Но такой подход мне кажется равносильным забвению. У многих сложилась позиция: «Я знаю, что *это* было, но, пожалуйста, не напоминайте об *этом* часто». Тогда как память о трагедии должна бытовать в сознании человека. Она должна стать неотъемлемой частью индивидуального и общечеловеческого опыта.

Поняв это, ты идёшь собирать осколки. Нужно посмотреть в каждый. Ведь нелегко понять, как и война может превратиться в быт. Долго не можешь понять, как это: «*и выковыривал ножом из-под ногтей я кровь чужую (Семен Гудзенко)*». Но тут важно не удариться в крайности, ведь это, на самом деле, и есть фашизм. И взять другой осколок: «*когда на смерть идут, – поют (Семен Гудзенко)*». И сразу разъясняется многое: и храбрость защитников, и сила искусства – средства остаться человеком среди «*неслыханной бойни*» (Арсений Тарковский).

Важно взять и те осколки, в которые страшнее всего заглянуть, – ведь и там наверняка увидишь себя. Если раньше война обретала смысл – ведь это защита своей семьи, Родины да и вообще, на самом деле, человеческого мира перед наступлением хаоса, то иногда происходили события, с точки зрения морали и Просвещения, невозможные. И если блокада изучена и может быть понята (но и её опыт нельзя оставить в стороне – каждый должен пройти по холодному, голодному и сходящему с ума Ленинграду 1941 – 1944 годов). То Холокост, и в частности Бабий Яр, до сих пор – место истории, куда страшатся заглянуть. Ты ищешь осколки, но их, кажется, и не существует. Тут придётся продвигаться на ощупь, и каждый шаг может утянуть тебя в бездну. Тут самое страшное – понять палачей равно, как и жертв. Хотя прощать злодеев нельзя ни в коем случае.

Опыт собирания истории войны – опыт Эдипа. Ты становишься мудрецом и можешь прозреть, только узнав прошедшее. И называть себя Человеком можно, только пройдя по тропам чужого опыта, а не просто обернувшись на события былого. Выйти к миру можно, лишь осознав причину страданий. Это путь Данте, заблудившегося в тёмном лесу, – в Рай пускают только тех, кто прошёл глубины Ада.

Хан Стелла Романовна,
УВК ШГ №17 имени А.С. Пушкина, г. Бишкек, Кыргызстан,
9-Б класс

Мой первый рассказ

*Мне эти темы подсказали ноги
Уставшие в походах от дорог.
Я с тяжким потом добытые строки,
Как и себя, от смерти не берег.
Евгений Винокуров*

Я вышел на воздух. Закатное небо пылало заревом заходящего солнца. Над моей головой раздался длинный, протяжный крик. Я поднял глаза: выстраиваясь клином, на юг летела стая журавлей. Они как-то тоскливо кричали, словно прощаясь с родными землями. Я невольно поежился, подумав о предстоящей зиме – мне вдруг тоже захотелось стать птицей и улететь на юг. Чтобы не было никакой войны, взрывов и постоянных смертей...

Прошлые зимы были очень холодными. Пока мы лежали в окопах абсолютно недвижимые, мелкие снежинки падали с неба безостановочным потоком и облепливали брови, ресницы толстой ледовой коркой, а мокрый мех на шапках заледеневал и больно колот щеки. Когда враг приближался и нужно было вскакивать, чтобы броситься в бой, окоченевшие ноги едва шевелились, и я, почти не чувствуя их, выползал из окопа, чтобы бежать в самую гущу сражения...

Сейчас я всей душой надеялся, что зима будет не такой холодной, несмотря на то, что Мороз-генерал очень помог в битвах прошлой зимой. Немцы совсем не готовые к таким холодам, были злы и почти беспомощны: техника, от покрывавшего ее льда переставала работать, а фашисты, оставшись без зимней одежды, замерзали и не решались выходить в бой...

Сзади громко хлопнула дверь. Я очнулся от грустных воспоминаний и оглянулся. Из землянки вышла старушка – маленькая, сухонькая и юркая. Ее голубые, слегка выцветшие глаза, смотрели живо и пристально. Черные, с серебристой проседью волосы, она собирала в тугий хвост, и с ним напоминала вождя индейского племени – кожа у нее была с красноватым отливом, а глаза – миндалевидные, раскосые.

Я давно задумал написать книгу, о всех тех ужасах, что были пережиты мной на войне. Глядя на тетю Розу, (так звали старушку) я подумал, что она могла бы быть героем моей книги. Ее внешность, характер – все было

необычным. Несколько строк вдруг пришло мне на ум. И я тут же поспешил их записать. Сегодня вечером я твердо решил начать книгу.

Еще пару минут подышав свежим воздухом, я, низко пригнув голову, вошел в полутемную землянку и сел за плохо сколоченный стол. Едва нащупав в темноте керосинку, зажег ее, и по стенам заплясали кривые тени. Попытался глубоко вдохнуть, но тут же закашлялся: сырой воздух проник в легкие, пощекотал там и оставил неприятный осадок. Я никогда раньше не писал, но оказавшись на войне, почувствовал острую потребность записывать все то, что творилось вокруг и представлять, что это страшная книга и все это происходит не со мной. Так было легче переживать ужасы войны, и оставаться в здравом уме.

Но сидя за столом, перед чистым листом бумаги и с огрызком карандаша в руке, я не представлял, о чем теперь писать. Мысли разбегались в разные стороны и отвлекались на каждую мелочь. Внезапно, вспыхнув ярким пятном в путанице мыслей и воспоминаний, передо мной встала картина моего отъезда на войну. Вот! Тот самый момент, с которого началась вся вереница кошмаров! Я принялся писать. Поначалу слова лились сами собой, и рука моментально их записывала. Но вдруг все остановилось. Слова закончились, и я не знал, как дальше писать. Снова и снова я начал перечитывать ранее написанное. Безуспешно. Словно родник, живший внутри меня, иссяк. Я принялся выжимать из себя каждое слово, но оно падало мертвым, безжизненным камнем. По капле, обдумывая каждое предложение, я корпел над рассказом и не заметил, как настала ночь. В углу копошилась тетя Роза, готовя ужин. Я принялся перечитывать свою историю. Теперь меня не устраивало почти каждое предложение. Я делал пометки, исправлял, но не выдержав, в сердцах швырнул рукопись в огонь. Я был зол на себя так, что хотелось плакать. Я не смог выжать из себя несколько несчастных страниц рассказа! Глупая затея! Но сердце у меня вдруг сжалось, и я поспешил вытащить из огня остатки того, что минуту назад было рассказом. В некоторых местах строки сохранились, но в основном, прожорливые языки племени прожгли мои слова, оставив лишь обугленные края.

Шли дни. Я продолжал писать. Постепенно мой рассказ приобретал краски и нужную силу. Каждый вечер после боя я уходил от товарищей, возвращался в землянку и в полной тишине, нарушаемой лишь звоном тарелок, принимался за работу. Тетя Роза была немой, но я, не зная языка жестов, все равно ее понимал. По ее седым насупленным бровям я понимал ее недовольство чем-либо, а лишь один брошенный в мою сторону сердитый взгляд давал знать о моем промахе.

Наступила зима. Как будто услышав мои просьбы, природа сжалилась над нами, и было не так холодно. Наш отряд теперь двигался в сторону Ленинграда. Километр за километром мы шли сквозь лес и останавливались лишь на ночлег. В течение дня я обещал себе, что как только мы разобьем лагерь, я примусь писать. Но стоило мне сесть, как усталость наваливалась на меня и придавливала к земле. Без малейшей борьбы я сдавался и ложился спать.

Однообразно катился день за днем. Пейзажи не менялись. На время нашего перехода бои для нас прекратились и лишь изредка, встретив небольшой отряд немцев, мы сражались. Ноги в тонких, перемотанных тряпками сапогах стирались в кровь и жутко болели. Я старался не обращать на это внимания и лишь ночью, укутавшись в шинель, я чувствовал, как мозоли кровоточат и гноятся.

Наконец мы вышли к небольшой деревне. Расселились у местных жителей, которые встретили нас весьма радушно, и узнали, что в деревне по соседству, вражеский отряд. Мы стали готовиться к нападению.

Теперь у меня появилось все же больше времени для работы. Но сколько я ни старался, я не мог написать ничего стоящего, словно за время нашего похода мой разум потух и превратился в глухую стену. Сколько я об нее не бился, я не смог вспомнить ни одного красивого слова. О как я страдал! Сколько душевных мук перенес!.. Запись каждого события была для меня отдушиной, и в это время я мог уйти от реальности. Теперь я был этого лишен. Ложась спать в ночь перед решающим боем, я с горечью подумал о том, что совсем не хочу жить. Зачем мне – такой бездарности, жить на этом свете!? Лучше я завтра погибну...

Наутро, едва я вышел из избы, как какое-то неприятное чувство окатило меня. Я поднял глаза в небо. Оно было цвета тревоги и печали. В воздухе повис страх, как огромная снежная глыба, готовая в любой момент сорваться и раздавить всех. Перекидывая через плечо винтовку, я отбросил все сомнения и опасения. На войне нет места для страха.

И вот наш отряд пошел в наступление. В деревне, где жили немцы, было на удивление тихо. Но стоило нам подступить ближе, как раздался громкий окрик на немецком и из-за барачков повыскакивали наши враги. Они откуда-то прознали про наш план и основательно подготовились. В нашу сторону полетели бомбы и пулеметная очередь.

Вдруг рядом со мной полыхнул взрыв. Резкая боль пронзила ногу, как холодный кинжал, и я стал задыхаться. Превозмогая боль, я опустил глаза... и не увидел свою ногу. Вместо нее алел красный обрубок, а то, что было некогда моей ногой, валялось поодаль. Весь мир вокруг меня поплыл и стал пятнами.

Зеленые пятна – солдаты, мои товарищи, сражающиеся с немцами, оранжевые – всполохи огня от взрывающихся бомб. А огромное серое пятно – небо, разверзнувшееся надо мной, словно огромная пропасть, готовая в любой момент поглотить меня. Холодный январский воздух ударил в нос, в глазах потемнело. В груди стало невыносимо горячо, словно мое сердце положили на раскаленную добела сковороду, а раненая нога вдруг похолодела. И вот тут, словно поняв, что случилась, моя нога проняла меня действительно ужасной болью. Казалось, что все мои живые, еще трепещущие внутренности, вытряхнули в ледяной снег, и теперь они корчились в нем.

Падая в океан боли и беспомощности, я вспомнил слова, сказанные мной перед сном. Как горько мне стало! Больше я не успел ни о чем подумать и потерял сознание.

Очнулся я в госпитале. Яркое белое пятно покачивалось надо мной, и стоило мне открыть глаза, как оно вмиг меня ослепило. Оказалось, это была лампа. Оглушенный светом, я, как в тумане, повернул голову. Рядом со мной, свесив голову на грудь и сложив на коленях книгу, дремала молоденькая медсестра. Туман перед глазами развеялся, и я чуть-чуть оживился. Не шевелясь и почти не дыша, я принялся ее разглядывать. Из-под белой крахмальной косынки выбилась темная прядь волос и перечеркивала ее белоснежное хрустальное личико. Густые ресницы доходили почти до щек, и напоминали пушистые шторки, а алые губы были слегка приоткрыты и казались покрытыми вишневым соком. Она напоминала мне статуэтку, и мне захотелось до нее дотронуться. Но стоило мне приподняться, ужасная боль пронзила меня от ноги до самой макушки. Я закричал. Девушка проснулась, и ее лицо тут же перекошилось от ужаса:

— Виктор Михалыч! Виктор Михалыч! Скорее сюда! Больному плохо! – запаниковала она и, швырнув книгу на стул, кинулась навстречу семенившему доктору.

— Я уснула лишь на минуточку! А тут он так дико закричал, и я испугалась, ему, наверное, стало плохо... – принялась оправдываться она.

Виктор Михайлович осмотрел мою раненую ногу и, увидев на бинте расплывшееся алое пятно, досадливо сплюнул:

— Тьфу ты! Опять кровит! Нюра, быстро носи бинты!

Ногу мне вновь перебинтовали и, воткнув новую иголку от капельницы мне в вену, Виктор Михайлович сказал:

— Нюра, я все понимаю, но постарайся не засыпать! Сейчас всем тяжело!.. А каково ему... – он кивнул на меня и, похлопав Нюру по плечу, ушел.

Все это время я лежал с зажмуренными глазами, стиснув зубы, чтобы не стонать. Доктор думал, что я без сознания, поэтому не обратил внимание на две слезинки, выкатившихся из плотно зажмуренных глаз. Нет, я не плакал от того, что моя нога разрывалась от боли! Нет... Мне было до жути стыдно и обидно. Разглядывая Нюру, я совсем забыл об оторванной ноге. Но она болезненно о себе напомнила и теперь я страдал. Как я мог посметь на нее смотреть! На такого чистого, прекрасного ангела! Я – жалкий одноногий обрубок, изуродованный калека! На что я надеюсь...

Сдавленный прерывистый вздох вырвался у меня из груди, и тут я почувствовал у себя на щеке, мягкую прохладу, исходящую от ее руки. Легким движением Нюра утерла мою слезу, и я робко открыл глаза.

— У вас все хорошо? – жалобно сморщив носик спросила Нюра.

Черт знает, что со мной случилось, но я прохрипел:

— Воды... – хотя вовсе в ней не нуждался.

— Да, сейчас, – Нюра заметалась в поисках кувшина, врезалась в соседнюю койку и смущенно опустила глаза. Наконец кувшин был найден, и она, бережно поддерживая, напоила меня водой.

— Спасибо вам... эээ... – я не знал, как ее называть, поэтому смущенно замычал и замахал руками.

— Меня Аней зовут, – ответила она на мой немой вопрос, – а вас?

— А я Саша. Очень приятно.

— И мне...

На этом наш разговор закончился, и она, пожелав мне побыстрее поправляться, отправилась на обход.

Наступила ночь, я уснул тревожным, беспокойным сном: мне снова снились взрывы, снова этот бой, и не успел я моргнуть, как оказался в землянке тети Розы. Она смотрела на меня с укором, сузив глаза. Шаркая ногами, подошла к столу и вытащила мой рассказ. Полистала несколько страниц... и небрежно швырнула в огонь. Тонкие листки тут же вспыхнули и вмиг исчезли. Я закричал, бросился к печи... и оказался в лесу: с неба валит снег, а вокруг беспросветная ночь. Вдруг с ели сорвалась ворона и с карканьем заносилась надо мной. Разбуженная ее воплями, поднялась остальная стая. Одна птица от нее отделилась и, усевшись передо мной, с любопытством на меня посмотрела. И тут, вместо обычного «кар», она отчетливо произнесла мои слова: «Лучше бы я не жил...» Тоненько позвякивая и ударяясь друг об друга, из ее рта посыпались льдинки-буквы и сформировали фразу. Я с ужасом понял, что мои слова замерзли. Другая ворона закричала: «Глупый рассказ!» и ее слова, со стуком ударили меня по затылку, только теперь льдинки были существенно крупнее. И вдруг, как стоворившись, все вороны одновременно закричали: «Я

бездарность!», «Зачем мне жить на этом свете!», «Ужасное предложение!». Они кричали все слова, сказанные мной когда-то, а буквы становились все больше и теперь норовили меня раздавить. Их каркающие голоса проникали до самого мозга, и сколько я не зажимал уши, слышал каждое слово... Страшным голосом я закричал... и проснулся. Мои соседи по палате сочувственно на меня смотрели, а я облегченно выдохнул, радуясь, что это лишь сон. На крик прибежала Аня, и стоило мне ее увидеть, как все печали и тревоги вмиг исчезли из моей головы.

— Что случилось?! – взволнованно спросила она.

— Ему сон страшный приснился! – смеясь, ответил мой сосед. Он мне сразу не понравился: маленькие голубые глаза смотрели нагло и враждебно, рыжие волосы торчали клочьями, а стоило ему улыбнуться, как открылись щербатые кривые зубы. Но дело было даже не во внешности – самое главное, он постоянно приставал к Ане! То грубый комплимент в ее сторону отпустит, то подначивает и всеми силами пытается привлечь ее внимание! Это меня до жути раздражало. Аня не заметила его слов и ласково сказала:

— Это всего лишь сон!

Мой рыжий сосед не утерпел и съязвил:

— Ой, посмотрите-ка, нашу принцессу спать укладывают! Как с ней сюсюкаются! – и нагло рассмеялся мне в лицо.

Этого я стерпеть не мог. Резко сев на кровати, я хотел вскочить, как боль снова пронзила мою ногу, и я взвывая, упал на кровать.

— Коростелев, как тебе не стыдно! Ему же плохо, как можно быть таким жестоким! Это бесчеловечно с твоей стороны! – она окинула его гневным взглядом и помогла мне лечь.

— Не обращайтесь на него внимание, он такой... – она не захотела продолжать и, кивнув, ушла. Коростелев посмотрел на меня ненавидяще и, что-то буркнув, отвернулся.

Спустя несколько дней мне стало лучше, я мог уже спокойно садиться. Аня приносила мне свои книги, а я, изголодавшись по чтению, проглатывал одну за другой. Почти каждый вечер на ночном дежурстве она заходила, и мы с ней обсуждали все, что я прочитал.

Однажды я решил прочитать ей свой рассказ. Она внимательно слушала, а когда я закончил читать, она с нетерпением спросила:

— А дальше что?

— А дальше... дальше я не написал, – промямлил я, – понимаете, после нашего перехода я словно разучился писать,... звучит глупо, но это так.

— Нет, что вы, вовсе не глупо! Я вас понимаю... Странно, почему так? У вас так хорошо получается...

— Правда?

— Конечно, мне очень понравился ваш рассказ! У вас прям, дар!

Кто-то позвал ее из соседней палаты, и она, коротко мне улыбнувшись, убежала.

От ее слов у меня словно выросли крылья, я стал думать, отчего я не могу писать. Внутри меня словно все бурило, но я не мог выложить ни одного слова на бумагу. Я почувствовал странную боль в душе и понял, каково это – быть лишенным возможности написать, излить всю душу... Жуткая догадка поразила меня: я постоянно говорил гадости про свой рассказ. Я не ценил каждое слово, написанное мной, и попусту проклинал свою работу... Я раскидывался словами, как ненужным мусором, не ценя их великолепия... А ведь с каким трудом я добывал каждое слово! Как я мучился! Я раскидывался и своей жизнью и теперь, балансируя на грани бездонной пропасти, понял – как я хочу жить.

Взяв тетрадь с рукописью в руки, я нежно ее погладил и откинул плотную корочку. Теперь я по-другому смотрел на свой рассказ, любовно лаская почти каждое слово. Снова прочитав его, я потеплее укрылся одеялом и уснул с тетрадью в руке.

С фронта шли хорошие вести, и каждое утро мы собирались около маленького радиоприемника и слушали сообщения. Однажды утром я встал и, позвав Аню, попросил у нее бумагу и карандаш. Она радостно на меня посмотрела и, сказав, что поищет, убежала.

Коростелев становился злее с каждым днем, а увидев Аню подле меня, покрывался зелеными пятнами. Теперь он грубил не только мне, но и Нюре, но мы старались не обращать на это внимания. Нам было хорошо вместе, и каждый раз увидев ее, во мне росло какое-то светлое чувство. На душе становилось тепло и, поймав ее лучистый взгляд, я забывал обо всех невзгодах.

Благодаря ее поддержке я быстро научился ходить на костылях, и вскоре настал день моей выписки. Я долго собирал вещи и изо всех сил медлил, ведь я понимал – сегодня – последний день, когда я вижу Нюру. Уже третий день я мучился вопросом: признаться ей в своих чувствах или нет. Но меня терзали и одолевали сомнения: что если она мне откажет? Что если у нее кто-то есть? Я ведь этого совсем не знаю! Да и зачем ей я – инвалид, обуза... Нет, я решительно ничего ей не скажу! Я перекинул мешок с вещами через костыль и направился к двери. Коростелев, злорадно ухмыльнувшись, сказал:

— Наконец ты, солдатенок, уходишь!.. А я остаюсь, и Нюра со мной...

Я медленно повернулся и заковылял к нему:

— Только попробуй ее хоть пальцем тронуть, – сказал я и, схватив его за ворот рубашки, потянул на себя. – Ты даже ногтя ее не стоишь! Если с ее

головой хоть волос упадет... – я решил не продолжать и, оттолкнув его от себя, швырнул на койку. И тут я почти дошел до двери, как мне в спину прилетел его костыль. Я упал на колени. Стало невыносимо больно, но я стерпел. Оперевшись на свои костыли, я поднялся и обернулся. Коростелев сидел на кровати пригнувшись, ожидая ответного удара.

— Что ж, это было ожидаемо, – такой подлец, как ты, будет и удары наносить подло, в спину, – сказал я и, швырнув костыль на пол, ушел.

Теперь настал самый сложный момент: прощание с Аней. Она стояла у выхода и ждала меня. Ее нежные глаза были наполнены грустью. Мне стало неловко.

— Ну, вот, я ухожу... – глупо промямлил я

— Да... – протянула она, – ты как добираться будешь?

— Сейчас до вокзала, а там на поезд, – я по привычке хотел махнуть рукой, отпустил костыль и чуть не упал. Аня засмеялась. Я поднял на нее глаза. Она смотрела с надеждой, словно чего-то ждала:

— Ну, удачи, Саша, будь аккуратнее...

— Да, спасибо тебе Аня, за то, что вылечила меня, спасибо за все! – мы неуклюже обнялись и оба покраснели.

— Ну, прощай, Саша!

— Прощай, Аня! – я улыбнулся и поднял на нее глаза, Она потухла и понуро опустила голову. Мне захотелось ей все тут же сказать, но я лишь кивнул и поспешно заковылял прочь...

Сидя на вокзале, корил себя... Ох, как же погано было у меня на душе. Я услышал шум приближающегося поезда и начал подниматься, как вдруг осознал: мне все равно, как она отреагирует, есть у нее муж или нет! Если я ей все не скажу, я буду корить себя всю жизнь. Я направился в госпиталь со всей скоростью, на которую был способен. Когда я вбежал, она стояла около Виктора Михайловича и рассеяно слушала его указания, а из ее глаз чуть не капали слезы.

— Аня! Аня можно тебя на минутку! – она повернулась и вся вспыхнула. Не обращая внимания на Виктора Михайловича, она подбежала и спросила:

— А ты почему не уехал?

— Аня, я понял, что не могу без тебя! Я не могу постоянно бежать от реальности и прятаться от нее в своих рассказах. Но жизнь, реальность и все мои рассказы – все будет бессмысленным, если рядом не будет тебя!..

Она вся запылала и, прижавшись горячей щекой ко мне, прошептала на ухо: — А я – без тебя...

Вскоре настал май 1945-го. С запада шли поезда, и везли они героев, людей, победивших фашизм... Этот великий праздник мы встретили вместе с моей женой Аней – с человеком, спасшим мою жизнь от падения в бездонную пропасть... Рассказ мой был написан, и теперь я с новыми силами принялся за следующий...

Хром Александр,
г. Москва,
9 класс

Разведчики

*Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

Юлия Друнина

Холодный ветер провожал малиновый апрельский закат. Земля слегка дрожала. Вдали были слышны затихающие выстрелы и непрерывный скрежет гусениц.

Я стоял в окопе, смотря на широкую равнину, по которой растекался артиллерийский туман, выползающий из воронок. Столбики дыма поднимались вверх, немного возвышаясь над солнцем, стремились ввысь, забирая с собой воспоминание о тех людях, тела которых остались здесь наедине с железной скорлупой снарядов.

Запах табака от догорающей самокрутки боролся с едким запахом пушечной гари, оставшейся от залпов массивных орудий.

Сегодня прошёл первый день захвата Кёнигсберга.

-Сегодня не пробьёмся, - тихо подошедши, сказал Широков.– Это не город, а целая крепость.

-Что говорит штаб? Есть какая-нибудь информация о состоянии обороны?

-Сегодня летали самолёты, сообщили, что город имеет несколько кругов обороны.

-Что нам приказали делать?

-Атака продолжается, но нашим сообщили, что следует ждать дальнейших распоряжений.

-Понятно.

Ветер бушевал и дул нам с Широковым в лицо. Мы устремили свой взгляд на проходящую колонну танков, которая направлялась к окраинам города, сопровождаемая грузовиками и хаотично разбросанной пехотой. Радостные песни солдат, их добрые лица вселяли надежду на скорый конец этой проклятой войны.

Я поискал табак в кисете, но его там не оказалось.

-На... держи, - сказал Широков, протянув свою кисетку. - Там осталось немного.

-Спасибо.

Моё внимание привлекла надпись на небольшом холщовом мешочке, вышитая жёлтыми нитками: «Папе, на фронт. Оля».

-Дочка?

-Да, - улыбнулся Широков, – сама сделала. Подарила мне перед отправкой на фронт.

Широков был видный вояка: высокий, статный, кареглазый, но очень любил отведать солдатской похлёбки, и не просто отведать, а и вытребовать себе добавки, пользуясь своим сногшибательным обаянием. Сам он из 1-го Прибалтийского, но его перевели к нам по приказу коменданта, с припиской кашевара: «Просим перевести тов. Широкова, чтобы избежать продовольственного кризиса в полку ». Вечные спутники Широкова – это всяческие неприличные каламбуры при умении в мгновение превратиться из весёлой души компании в серьёзного старшего лейтенанта РККА. Несмотря на всё это, он мне казался хорошим человеком.

-А сколько дочке? В школу ходит?

-Да, в 3 класс вот пойдёт...

-Витька, а ты когда вернёшься, куда пойдёшь?

-Я? – с удивлением спросил другой. - Я, наверное, в родной колхоз. Меня там уж все заждались... А вы, Николай Алексеевич?

-Я, пожалуй, тоже к родным поеду, либо служить дальше продолжу, куда чёрт погонит.

На улице холодало. Мы пошли в сторону небольшого деревенского домика, где располагался штаб нашего взвода и где все отдыхали и, несмотря на запрет употребления алкоголя, бесцеремонно распивали самогон.

Зная об этих солдатских шалостях, я попросил Широкова идти немного тише, чтобы они не обнаружили наше присутствие раньше времени и не успели закамуфлировать свое безобразие. Мастерски миновав незашторенное окошко, мы подобралась к двери, я резко открыл её и быстрыми шагами вошёл в злополучную комнату. Грохот бутылок, громкий топот трёх пар сапог, отчаянное кряхтение и другие активные попытки спрятать своё преступление

и выстроиться в шеренгу прошли даром, поскольку мы с Широковым на момент конца всей этой аферы были в дверном проёме и наблюдали это представление.

В избе стоял крепкий запах преступления и печально не выпитого алкоголя. Испуганная шеренга вытирала пот, смотря в потолок, чтобы не видеть разъярённое лицо Широкова. Пред нами стояли ефрейтор Коркин, рядовой Лебедев и прапорщик Алексеев. Коркин был рыжий высокий столяр из Вологды, с горбатым носом и тёмными веснушками. Решительный и умелый боец; хотя немного замкнут на людях, он являлся одним из членов этого трио весельчаков. Лебедев же, наоборот, был маленького роста и обладал довольно бойким, вспыльчивым нравом, одним словом, по нему и не скажешь, что он обладатель двух медалей за отвагу. Несмотря на рост, у него была атлетичная внешность и хорошая физическая подготовка. Боец был чрезвычайно востребован среди девушек, хоть не обладал ни высоким интеллектом, ни малейшими намёками на здоровое логическое мышление. Что вообще можно ожидать от человека, который, по своим же рассказам, в детстве со скуки мучил деревенских свиней бесконечными скачками на их спинах? И всё же, несмотря на всё это, он тоже был частью этой команды верных друзей. Про Алексеева я толком ничего не знал, его перевели две недели назад, простой человек с небольшим шрамом на губе и ожогом на правой части лица. Мы неоднократно спрашивали его про эти раны, но он отмалчивался. И, несмотря на всю таинственность личности, он также влился в эту компанию.

Тем временем Широков закипал. Его руки будто бы искали ближайший предмет потяжелее, чтобы кинуть его в провинившихся. Его лицо настолько искривилось от осознания всей наглости произошедшего, а грудь настолько раздулась от набранного воздуха, что казалось, будто все имеющиеся пуговицы на его гимнастерке отскочат прямо в эту троицу.

-Вы что, собаки безмозглые? - раздался долгожданный рык Широкова. - Вы успели нахрюнчаться за 20 минут нашего отсутствия?

Ответ не последовал.

- Повторяю... КАК... ВЫ.. СМОГЛИ... НАХРЮНЧИТЬСЯ ЗА 20 МИНУТ НАШЕГО ОТСУТСТВИЯ?! ГДЕ ВЫ ВООБЩЕ РАЗДОБЫЛИ САМОГОН?!

Судьба этой роковой троицы была довольно-таки очевидной. Но помимо физических упражнений, они также получили знаменитых отрезвляющих широковских ударов по именитому месту и несколько кругов вдоль окопов до соседней части.

-Капитан Королёв, - раздался голос из другой комнаты, - Вас просят к телефону.

Это был рядовой Карманов. Недавно поступил к нам с оккупированных территорий и оказался на редкость умелым парнем и отличным связистом. Он был из деревни, но, несмотря на это, был единственным из нас, кто хоть немного мог разобраться во всех электронных и технических новшествах.

-Вас просят.

Я взял трубку. Последовало недолгое молчание.

-Добрый вечер, товарищ Королёв, - начал басистый голос. - Военное командование утвердило план вашей операции. Во избежание подслушивания, все указания вы получите лично.

Мне рассказали, где и когда я получу информацию, и порекомендовали приготовиться на случай, если мы её не получим. Я сообщил всем о предстоящем, отдал приказ вооружиться и готовиться к худшему.

Солнце пропало. Забитое тучами тёмное небо боролось с яркими огнями крепостей Кенигсберга.

Дело шло к ночи. Мы с Широковым и командой стали ожидать того момента, когда на горизонте увидим силуэт нашего курьера, а пока отдыхали на своих точках.

Шёл 6 час нашего ожидания. Устав, я подошёл к Лебедеву и остальным в надежде найти очередной табак и попросить закурить. Лебедев отсыпал мне немного и спросил:

-Капитан, а вы откуда родом?

-С рязанской области, вы?

-Мы с Коркином из Вологодской, а Алексеев из Ворошиловграда. А кто вы по профессии?

-Токарь, а тут просто военным подрабатываю, - с улыбкой ответил я. - А вы? Учитесь, небось, ещё, да?

-Это вы верно подметили, Николай Алексеевич, - с лёгким смешком продолжил Лебедев. - Мы с Коркином учимся в Вологодском молочном институте на техническом, а Алексеев в Ворошиловградском сельскохозяйственном, на агронома.

Мы недолго побеседовали с ребятами, а потом я откланялся и пошёл докуривать в одиночестве.

Холодная ночь встретила меня потоком пронизывающего ветра. Я шёл в сторону точки, где предположительно должен был встретить посыльного и получить приказ.

Меня встретил Широков, мы недолго поговорили, и он предложил мне выпить «для сугрева» известно откуда реквизированный самогон, мы провели пару мгновений за его распитием.

Абсолютная тишина и звуки сверчков вселяли умиротворение, но меня подтачивало все же беспокойство: посыльный опаздывал на 37 минут. Немного пугал и тот факт, что в этом затишье мы не слышали даже голосов птиц.

- Примета плохая, - с подозрением отозвался Широков, - птиц не слышать.

Вдруг раздался хруст веток, и мы, сохраняя молчание, оба достали из кобуры оружие и пошли в сторону источника звука. Приблизившись, я жестами дал знак Широкову, и мы спрятались за деревьями.

Вдруг из темноты появилась фигура в немецкой форме. Мы с Широковым быстро переглянулись, дали друг другу знать о взаимной готовности и резко повалили немца с ног. Мой товарищ оперативно завернул ему руки, а я попытался найти у него оружие.

-Товарищи, постойте, - прозвучал хриплый голос человека в форме. - Я свой! Вы из 3-го Белорусского?

Как оказалось, этот немец и был тем самым курьером. Мы извинились, привели его форму в порядок, вылили ему остаток самогона и накормили горбушкой хлеба. Он передал мне свёрток со сложенными втрое документами, картой и приказом. Мы с Широковым обменялись одобрительными взглядами и, выдохнув, начали читать приказ.

Позже мы вернулись в наш штаб, чтобы сообщить бойцам о произошедшем.

Нас встретили радостные возгласы сонных ребят. Как только гул обсуждения нашей истории утих, Алексеев спросил:

-Что же дальше, капитан?

-Нам поручена ответственная операция.

-Какая же?

-Нас отправляют узнать о местоположении одного очень важного немца.

-Ну не томите уж, Николай Алексеевич, - проворчал Лебедев, - всем же интересно!

-Товарищи... Мы едем узнавать, где прячется Отто фон Ляш.

Наступило утро. Мы собрали все необходимые вещи и сели в грузовик, который прибыл к нам из соседней части.

Мы ехали по равнинной дороге, изуродованной воронками, и периодически замечали руины немецких оборонительных сооружений. Чем

ближе мы продвигались к городу, тем больше артиллерийский туман оседал в наших лёгких.

Несмотря на то что я сказал ребятам, что нас ждёт важное и опасное задание, они не теряли своего радостного настроения и делились планами на дальнейшую жизнь. К разговору знакомой тройцы присоединился Карманов, а позже и Широков.

- Меня вот Машка ждёт, – показывая фотографию, похвалялся Коркин. – Сказала, что всю войну ждать будет, а как приеду, мы поженимся.

- Красавица! А ты видел мою? - с ещё большей гордостью сказал Лебедев. – Во всей Вологде завидуют.

Все как один присвистнули, бросив взгляд на фотографию.

- А меня бабушка ждёт в деревне, - с той же интонацией сказал Алексеев. - Сказала, что, несмотря на дефицит, она...приготовит мне... её фирменный клюквенный пирог.

Смех и возгласы одобрения стали еще громче, чем прежде.

- Вот вас возлюбленные ждут, - с улыбкой указал Широков, доставая фотографию, - а меня, кроме возлюбленной, ещё и дочка ждёт.

Вся компания с умилением рассматривала девочку лет девяти.

Вдруг раздался строгий голос шофёра:

- Приехали.

Я дал команду, и мы оперативно вылезли из машины и отправились в сторону леса. Там было очередное захваченное немецкое укрепление, где мы могли немного отдохнуть, поскольку целые сутки не спали.

Мы решили идти вдоль опушки. Вся природа вокруг нас была спокойна, было тихо, и лесная жизнь шла своим чередом, это нам придавало уверенность и внушало спокойствие. Будто всё это время в лесу даже не слышали, что идет война. Но даже и здесь она оставила свои следы: порой нам попадались гильзы, проломленные каски, пустые магазины и прочее. Даже встречались оставшиеся боеприпасы и всяческая немецкая провизия. Естественно, когда мы натыкались на подобное, то задерживались, чтобы подобрать какой-нибудь немецкий сувенир.

Через 30 минут мы добрались до речки, перед нами открывался вид наполовину разрушенной немецкой крепости. Она была построена на небольшом возвышении и, ранее величественная, теперь напоминала скорее дряхлые развалины. С её стен грустно свисали порванные флаги Германии, а наверху красовалось гордое красное полотно с серпом и молотом. Солдаты перевезли наш отряд через речку на плотках. В крепости встретили с гостеприимством, мы недолго переговорили о грядущем штурме города, потом нас накормили кашей и дали отдохнуть перед рискованной операцией.

Нас разбудили глубокой ночью. Мы не успели оклематься, как услышали топот солдатских сапог на ступеньках. Собрав волю в кулак, мы всей командой оделись, взяли автоматы и снаряжение и вместе с огромной толпой солдат выбежали наружу, на ходу проверяя своё обмундирование.

-Стройсь! - послышалась резкая команда. - Смирно! Сегодня важный день, сегодня мы снова победим немца и захватим их главную надежду на спасение. Сегодня мы не просто изменим ход войны, мы изменим историю всей нашей страны! Вас ждёт не просто немецкий солдат, а вооружённая фашистская гадина. Гитлеровцы вооружили и простых горожан, но это нас не остановит. Мы уже подходим к финишной черте, проигрыш фрицев неминуем. Сегодня советский солдат проткнёт штыком горло Гитлеровской черни и ознаменует победу для всей нашей страны!

-Ура! Ура! Ура!

-Напра-во!

Солдаты повернулись и зашагали строгим шагом в сторону фронта.

Мы шли в такт шагающей пехоты, стройным рядом шли с ними напрямиком в котёл войны. Все, кроме меня, пели хором военные песни. Даже мой отряд присоединился к ним и подпевал всем известную „Катюшу”. В толпе не чувствовалось ни капли волнения, ни щепотки страха перед грядущим боем, только уверенность в нашей победе.

Очень скоро мы прибыли на место, где должна была начаться наша разведывательная операция. Пока другие солдаты занимали окопы, я и мои товарищи пролезали вдоль траншей, после чего нас сопроводили в неприметное укрытие, где мы смогли бросить уставшие кости и немного отдохнуть.

Ребята сидели на скамейках, периодически поглядывая на часы. С минуты на минуту начнётся масштабное наступление.

Я видел беспокойные лица, бойцы пытались скрыть своё волнение, но их выдавали дрожащие руки. Они нехотя выглядывали из-за укрытия, садились, уходили в себя, невольно желая отодвинуть или пропустить эту операцию. Связист Карманов был самый спокойный среди нас, из-за того что он должен был находиться в укрытии, но в его глазах мелькало волнение за всю группу. Вся троица сидела и нервно прочищала автоматы, но это занятие не помогало им отвлечься от подступающей мысли о бое. Даже Широков достал из сумки наполненную вчерашним самогоном фляжку и, выпив пару глотков, сморщился, пару раз судорожно покачал головой.

Нагнетающая атмосфера полуразрушенного города будто давила на нас. Мы все потихоньку начали понимать, что сегодня мы встретимся не с хорошо вооружённым немецким солдатом, не с профессиональным пилотом бомбардировщика Люфтваффе, а с обычным немецким гражданином, которому вручили винтовку.

Мы молчали. Нам нечего было друг другу сказать, все разговоры мы оставили там, далеко за военной чертой.

Вдруг я почувствовал грохот, сильный грохот сапог и громкий длинный и пронзительный крик:

-Ура!!!!

Наступление началось.

Мы переглянулись между собой, судорожно схватили автоматы и выглянули посмотреть на происходящее. Огромная толпа рвалась в сторону центра города, солдаты волною бежали навстречу немецким оборонительным позициям.

Я начал отсчитывать приказанную минуту, пока солдаты, стоящие на КПП, не побегут в сторону атаки.

- Они ещё стоят.... 56,55, - думал я про себя, - почему же они не бегут...? 43, 42... Они собираются...20,19... свободно... 2,1.

Весь наш отряд очень аккуратно и тихо перебрался через КПП. К нашему огромному удивлению, он был оставлен немцами. Мы прошли его и стали продвигаться по тёмным переулкам умирающего города. Нас сопровождали громкие рыки артиллерийских залпов и крики боя, слышимые отовсюду. Порой мы видели бежавших в сторону битвы солдат фольксштурма с красными повязками на руках. Они были вооружены лёгкими самодельными пушками, нам сразу стало ясно, что у них оставалось очень мало снаряжения.

Вот наконец тот самый дом, в котором мы должны найти свидетельства о месте пребывания Отто фон Ляша. Мы пропустили остатки солдат и побежали к дому. Все понимали, что никто не должен узнать, что мы находимся в этом доме. Я подал знак ребятам, чтобы они не шумели, и мягко открыл немного скрипучую дверь. В соседней комнате была слышна немецкая речь и громкий хохот полупьяного солдата. Сама квартира, так же как и город, была наполовину разрушена. Её полуголые стены, наполовину увешанные какими-то семейными фотографиями, были проломлены, и из них порой торчали ржавые трубы. Мы аккуратно пошли всей группой наверх и договорились осмотреть каждому по комнате, потом разделились, и каждый пошёл в свою сторону.

Мне досталось правое крыло дома, где, судя по всему, располагались спальные комнаты. Из первой закрытой двери была слышна немецкая речь.

Чтобы не навлекать на себя беду, я решил пройти в следующую комнату. Подошёл, открыл дверь, и передо мной оказалась женщина с младенцем.

Вдруг время как будто застыло, сердце устроило бунт в груди, руки перестали меня слушаться. Мы встретились взглядом с немкой, обоих сковал лютейший страх. Нас поразила дрожь, потому что понимали, что должно произойти. Так мы простояли несколько секунд. У неё навернулась тяжёлая скупая слеза, какая может быть у матери, которая оберегает своё дитя. Она прижала ребёнка к себе и попыталась закричать. Я, испугавшись, отвернул голову и выстрелил.

Весь дом переполошился, ребята слышали выстрелы и выбежали из комнат, чтобы посмотреть, что произошло. Немцы поступили так же: они выбежали из комнат, что-то крича и ругаясь, мы стали палить. Из первой комнаты в правом крыле выбежали два фрица и начали стрелять в мой отряд, но я, оказавшись сзади, убил обоих. Я забежал в раннее занятую комнату и нашёл ту самую карту, где указано местоположение бункера Ляша.

Я выбежал оттуда навстречу ребятам и стал вместе с ними отстреливаться от немцев. Мы спустились по лестнице и выбежали из дома. На улице нас ждал полугусеничный тягач с поставленным пулемётом. В этот миг все поняли, что не каждый вернётся живым. Мы бежали от немецких пуль, они со свистом проносились над нашими головами, будто стремясь разорвать нас в клочья. Я увидел, что, как только мы забежали за переулок, из нас остались только я, Широков и Алексеев. Мы выбежали обратно в поисках потерявшихся товарищей и увидели такую картину: лежал погибший Коркин в луже крови, а израненный Алексеев бежал в сторону тягача во время его перезарядки с двумя гранатами. Прогремел взрыв, мы побежали как можно дальше по переулкам и вышли в сторону знакомого КПП.

Мы уже видели наше укрытие, мы уже с предвкушением бежали туда. Вдруг из-за угла вышел небольшой отряд фольксштурма. Я был прямо на мушке у немцев, оставался только миг, как вдруг я услышал Широкова:

-Ложись!

Он выстрелил немцу в голову и прыгнул на меня, прикрыв своим телом. Алексеев перед смертью убил ещё двоих, и последнего я убил из пистолета.

Всё кончилось. Под моим боком была карта, в руках горячий пистолет, а на мне лежало тело убитого друга. Я выбрался из-под Широкова. У него было несколько пулевых ранений в спину. Я упал на колени и склонился над ним. Передо мной в миг промчались воспоминания обо всём, что нас связывало, и я не мог поверить, что это произошло.

Карманов, как только увидел произошедшее, сразу же побежал ко мне. Я видел его силуэт, мои глаза медленно закрывались, потом я упал без сознания.

Проснулся я через 5 часов, Карманов глядел на меня. Мы обнялись с ним. Мы были рады, что этот ад закончился.

-Товарищ капитан, - начал Карманов, - город сдан. Ляш подписал капитуляцию города, и наши солдаты добивают остатки сопротивления.

-Выходит наши карты, - сдерживая слезу, начал я, - никому не оказались нужны?

Меня переполняла злоба от несправедливости. В один день я убил невиновного, потерял отряд и, что самое подлое, – вернулся живым. Я был растерян, не знал, что дальше делать, как справиться с совестью, как заглушить боль сердца, как прервать поток снова и снова всплывающих в памяти картин смерти.

Весь город праздновал, прогремели салюты, и бывший крик озверелой толпы солдат превратился в дружное ура.

На злобу у меня больше не хватало сил, я посмотрел на Карманова, оделся и вышел из укрепления.

-Вы куда, Николай Алексеевич?

-Рассылать письма их родным.

-Праздновать не будете?

-Нет. Мне надо ещё думать, что написать Олечке.

Цзинь Чэнь (Давид),
Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, КНР,
филологический факультет
3 курс

*Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

Юлия Друнина

Мне очень нравится читать стихи. Когда я учился на первом курсе, преподаватель русского языка прочитал нам стихи «Жди Меня» К. М. Симонова, и они сразу запечатлелись в моей памяти. Но, пока я не знал, когда и для кого Симонов написал эти стихи, я не мог понять, что выражает это стихотворение.

История была такая – Симонов уехал на войну, а его любимая была в тылу, поэтому он написал ей письмо в стихах. Стихотворение посвящено любви, верности и преданности, которые существуют между любящими людьми. Читая произведение, я почувствовал любовь, тревогу и боль солдата, верящего в неизменную и преданную любовь жены к мужу. Это стихотворение пользовалось невероятной популярностью в годы войны.

Я также слышал такую историю: врач Слава Менделевна Бескина, которая работала во время войны во фронтовом госпитале, вспоминала, что раненые солдаты, когда им было особенно больно и одиноко, читали наизусть «Жди меня».

Многие считают, что «Жди меня» - это самые простые слова. Но мне кажется, что эти простые слова выражают самые глубокие и сложные чувства - особенно во время войны, потому что тот, кто отправлялся на фронт, шел на войну, не мог предсказать, что с ним случится на войне.

«Жди меня» - это наказ, просьба, заклинание, обращенное к семье солдата. Воина на фронте поддерживала мысль о семье, о близких людях, которые надеются и ждут. Солдат знал, что у него есть семья, которая о нем заботится, которая его ждет и в него верит, он хотел выполнить свое обещание и вернуться домой с победой. Как говорила Юлия Друнина – тот, кто говорит, что на войне не страшно, ничего не знает о войне. На войне страшно, больно и одиноко. Но если человек знает, что его ждет близкий и любящий человек, то он может пережить страх, боль, тревогу и одиночество. На войне как на войне, человек на войне встречается с разными трудностями, которые мы в мирное время не можем даже представить. Но вера в любовь, преданность и стойкость близкого человека поддерживает солдата во время войны, вселяет в него веру в возвращение и счастливую жизнь. Критик И. В. Кукулина пишет: «Жди меня» не только было похоже на заклинание по своему жанру, но и функционировало как таковое в социальной практике. Многократное прочтение этого стихотворения само по себе имело психотехническую функцию».

Все знают, что война суровое, тяжелое, страшное испытание для всех людей: и для сражающихся на фронтах, и для ждущих своих близких дома. Сейчас мы отмечаем 75-летнюю годовщину победы в Великой Отечественной войне, и это заставляет меня думать, что поддерживало солдат во время войны и помогло им победить. Сегодня я нашел ответ в стихотворении «Жди меня», в истории, связанной с этим произведением. Я понял, что в простых словах *Жди меня* заключается вера в любовь и преданность, надежда на счастье, которое было выстрадано во время долгой разлуки.

Шевчук Мария Дмитриевна,
Академический колледж ДВЦНО (лицей), г. Владивосток,
10 Б класс

*У меня в зрачках
Черный
Ладожский лед,
Ленинградские дети
Лежат
На нем.
Александр Межиров*

Все было, словно вчера...

Эссе

Пашка сидел за столом и старательно проговаривал слова стихотворения Александра Межирова, которое задали выучить в школе:

У меня в зрачках
Черный
Ладожский лед,
Ленинградские дети
Лежат
На нем.

В соседней комнате, где чем-то занимался дед, послышался грохот. Юноша резко поднялся и пошел проверить, что случилось. Старик лежал на полу среди старых фотографий рядом с перевернутым табуретом. Внук подбежал и помог дедушке подняться.

- Ну что же ты, дед, так себя не бережешь. Попросил бы, я бы достал, что нужно, - заботливо произнес внук, помогая старику сесть на диван.

- Я же еще не такой старый, сам могу, да и чего тебя отвлекать,- ответил тот со вздохом.

Пока дедушка говорил, внук встал на колени, чтобы поднять рассыпавшиеся фотографии с пола. Собирая фотографии, он заметил одну. На ней был кучерявый русоволосый парень, улыбающийся не губами, как все, а как-то по-другому – глазами. Глядя на фото, можно было подумать, что это добродушный весельчак и душа компании.

- Кто это, дедушка?- спросил внук, протянув старику фото.

- Это я до войны, внучек,- со вздохом ответил старик.

Юноша в удивлении вскинул брови. Всю свою жизнь он помнил дедушку угрюмым и замкнутым человеком, без друзей и знакомых, ограничивающим общение с людьми простыми словами вежливости.

- Ты, наверное, шутишь, этот человек совсем на тебя не похож!- воскликнул внук.

- Это было до войны... Тогда я был еще совсем зеленым, прям как ты, – сказал старик, откинувшись на спинку дивана и закрыл глаза.- Тогда я думал о прогулках с друзьями, о девочке из класса, которую хотел поцеловать.

Дедушка словно был уже не с внуком - в своих воспоминаниях. Он не обращал внимания на то, что происходит вокруг, просто стал говорить, что хранил в себе долгие годы. Старик делал это не для внука, он делал это для себя.

Когда началась война, я жил в деревне Колпино под Ленинградом. У нас была большая и дружная семья: мать с отцом, четыре брата и четыре сестры, я был самым старшим. Мы и до войны не жили богато, но не голодали. После того, как отец ушел на фронт, работать в полях смогли только я с матерью, еды стало мало. Мне казалось, что я пинаю баклуши в деревне, пока brave солдаты воюют на полях сражений. Через два месяца после начала войны я сбежал в Ленинград, чтобы оттуда попасть на фронт. Если бы я знал, что мне предстояло пережить! Поздно ночью я вышел из дома и пошел на станцию. Там дождался поезда с продуктами, который шел в город, залез в пустой вагон и спрятался за коробками.

Утром был в Ленинграде. Я знал, что в городе жил мой дядя, и с вокзала сразу пошел к нему домой. Дяде Грише не надо было ничего объяснять, он понял, зачем я пришел.

- Эх, на кого же ты мать оставил,- сказал дядя Гриша и за шиворот втащил меня в квартиру.

Он был одиноким старым работягой. Трудился на судостроительном заводе.

- На фронт я тебя не пушу, твой отец мне этого не простит, но если хочешь заниматься делом, то я помогу тебе устроиться на завод,- сурово сказал мне он.

Обещание свое дядя сдержал и на следующее утро мы пошли на завод. Меня взяли в ученики. Дядя Гриша написал письмо матери, чтобы та не волновалась. На удивление мне понравилось на заводе, я всегда тянулся к учебе, к чему-то новому, а в деревне не было такой возможности.

Все шло своим чередом, но восьмого сентября все изменилось, началась блокада Ленинграда. Я мирно спал в своей кровати, когда меня разбудил дядя Гриша. Он страдал от бессонницы и заметил, что окна начали дребезжать. Мы

хотели выбежать на улицу, но не успели. На соседний дом немцы скинули бомбу. Огонь сразу же перекинулся на наш дом. Я начал паниковать, но дядя быстро понял, что нужно уносить ноги. Он открыл окно и велел мне прыгать. Мне было страшно, но я спрыгнул. Спрыгнул не только я, люди с верхних этажей тоже стали прыгать. К несчастью, дядя не успел спастись, на него упала потолочная балка. Я отвернулся и, еле сдерживая слезы, побежал, куда глаза глядят. Я был в ужасе, спустя пару часов ноги сами принесли меня к заводу. Охранник узнал меня и впустил в здание. Еще он дал мне раскладушку и чистую одежду. С этого дня я стал жить прямо на заводе. Я очень тяжело переживал потерю дяди Гриши, за эти пару месяцев я сильно привязался к нему.

Тем временем в городе начался голод, еду стали давать только по карточкам. На улицах становилось все меньше и меньше бездомных животных и голубей, люди стали их есть, потому что по карточкам давали очень мало еды. Один мой товарищ с завода рассказал по секрету, что они с женой решили не хоронить бабушку, потому что они получают на нее хлеб по карточкам. Зимой, когда животных не осталось, люди стали есть кожаные вещи. Из них варили бульон, а саму кожу жевали. Я и сам так делал. У многих горожан выпали зубы, началась эпидемия цинги. На улицах появлялось все больше и больше трупов, их даже перестали закапывать: у людей просто не было сил. Я начал бояться засыпать, потому что думал, что не проснусь. Многие падали замертво прямо на работе. На завод пришло много детей-подростков, они работали наравне со взрослыми. Но, несмотря на все эти ужасы, люди продолжали улыбаться. К Новому году в город даже как-то провезли мандарины. У всех на лицах были такие широкие улыбки, когда их раздавали. Я терпел весь этот ужас, веря, что все обязательно закончится, и я увижу свою семью. Эта мысль придавала мне силы.

И вот наконец 27 января 1944 года по громкоговорителю объявили, что блокада снята. Все высыпали на улицы. Люди начали кричать от радости, обниматься, некоторые даже плакали. Я с нетерпением ждал того момента, когда увижу родных, поэтому после снятия блокады сразу же поехал в деревню. Пока ехал, представлял, как обниму и расцелую каждого. Но увидел только гору пепла на месте нашего дома: немцы сожгли его, как и многие другие. Упав на колени, я закрыл лицо руками и начал горько плакать и кричать. Я молотил землю руками, винил себя в их смерти, казалось, если бы остался тогда в деревне, то у меня был бы шанс спасти их. С этого момента я стал угрюм, перестал общаться с товарищами. Воспоминания настолько сильны, что я с трудом могу слышать все, что связано с прошлым.

Ну а ты как, стихотворение-то выучил?- спросил после долгой паузы дед внука.

- Выучил, дед. Прочешь? Не тяжело?

- Прочти, Паш. Прошное, связанное с войной, забывать нельзя, чтобы оно не повторилось. Блокада Ленинграда – тяжелое прошное, но это – история нашей страны.

- У меня в зрачках

Черный

Ладожский лед,

Ленинградские дети

Лежат

На нем, - зазвучал голос внука...

Яковлева Анастасия Дмитриевна,

Гимназия № 3, г. Белгород,

10 класс

О войне по душам

Кто говорит, что на войне не страшно,

Тот ничего не знает о войне...

Юлия Друнина

Маленькая темная комната без окон. На небольшом деревянном столике горит свеча, благодаря которой я могу хоть немного разглядеть сидящую напротив меня женщину. Седую голову скрывает платок, на лице морщинки. Она еще не старая, но пережитое ею горе словно отразилось на лице. Я собралась спросить у нее что-то, но женщина опередила меня и заговорила первой.

– «Кто говорит, что на войне не страшно, / Тот ничего не знает о войне...»

– Видимо, что-то о войне я все-таки знаю, – решила продолжить я, ведь на вопрос, который меня интересовал и который я так и не задала, поэтесса уже ответила, – хоть мне и посчастливилось никогда не видеть ее своими глазами, я уверена, что это страшно. Просыпаться утром, зная, что вечером можешь не вернуться. Засыпать, зная, что утром снова придется бороться за свою жизнь и видеть смерти товарищей. И так каждый день в течение нескольких военных лет. Это не просто страшно. Это жутко.

– Сколько тебе сейчас лет? – по-доброму улыбнувшись, спросила сидящая напротив меня женщина.

– Шестнадцать.

– И что тебя больше всего заботит? Чего ты боишься?

– Не знаю... Учеба кажется такой сложной, боюсь, что не сдам экзамены. О поступлении переживаю. Ссорюсь часто с родителями, да и с друзьями... – задумавшись, смотря то в пол, то в потолок, стала перечислять я свои мысли.

– Понимаю. Но, знаешь, когда мне было шестнадцать, я не боялась поступления, экзаменов, не ссорилась с близкими, не делала скучные уроки. И, если честно, я не думаю, что мне повезло.

Я молча посмотрела на женщину в кресле и приподняла бровь, ожидая объяснений. Она долго молчала и, кажется, пересилив себя, шепотом произнесла:

– «Я ушла из детства в грязную теплушку, в эшелон пехоты, в санитарный взвод», – тихий голос оборвался, и я почувствовала, что женщина вот-вот заплачет, – да, когда мне было шестнадцать, я работала санитаркой на фронте. Нет, я не думала об учебе. Я думала о том, как выжить, как спасти раненых товарищей. Мне было страшно смотреть на измученных, окровавленных солдат, которые умирали на моих глазах. И самой умереть было страшно, – женщина отвернулась, и я почувствовала всю глупость того, что говорила.

– Наши нынешние проблемы кажутся ничтожными по сравнению с вашими. Простите.

– Тебе не за что извиняться. Я рада слышать это сейчас. Тогда, засыпая, я думала: да, мы сейчас страдаем, умираем. Но зато, может быть, однажды благодаря нам девочки моего возраста будут думать об экзаменах и прогулках. О, как хотела я тогда стать просто девочкой, – женщина мечтательно улыбнулась и на пару секунд закрыла глаза, – просто выпускницей. Но, знаешь, я рада... Я рада, что ты... вы все смогли воплотить мои мечты в реальность за меня.

После минутного молчания я заговорила первая:

– Я в фильмах, книгах, видела, как люди говорили, что на войне за Родину не страшно умереть.

– Глупости. Ложь это все. Конечно, страшно. Мы шли на войну, зная, что, скорее всего, погибнем. Да, за страну. Но неужели ты думаешь, что мы не боялись? – по щекам сидящей напротив меня поэтессы потекли струйки слез, и ей понадобилось время, чтобы успокоиться и продолжить. – Я помню, как погибла моя подруга. И страшно было, и больно. Ей посмертно дали звание Героя Советского Союза. Но «мы не ждали посмертной славы, мы со славой

хотели жить», – с горестным надрывом в голосе произнесла Юлия последние слова.

– Но как вы терпели? Как, находясь под обстрелом, не бежали назад, не прятались?

– Я просто знала, за что сражалась. Я знала, что исход войны зависит от нас. От простых солдат, санитарок. И я хотела победить. Да, бывали и трусы. Помню, «повернули в бою два автоматчика назад, догнали их две маленькие пули – всегда стрелял без промаха комбат». Да, за трусость тогда убивали, но я не могу судить тех, кто не смог побороть страх. Потому что это очень-очень сложно.

– Но вы смогли. И, честно говоря, я не понимаю, как вы справились с этими тяжелыми испытаниями? Это ведь не только страх и угроза жизни, но и изнурительный физический труд. А вы были так молоды... И откуда взялось столько силы даже в самых слабейших?

– «Что гадать! – Был и есть у России вечной прочности вечный запас».

Женщина с блестящими от слез глазами встала, молча взглянула на меня, мягко улыбнулась, сделала шаг назад и... растворилась. Догорала свеча, стоявшая рядом на маленьком деревянном столике, а я все никак не могла двинуться с места. Слезы градом катились по моим щекам, и я все думала, до чего же сильными были люди. До чего же храбрыми! И как сильно любили они Родину! А мы такие? Наверное, это проверить можно только в страшных обстоятельствах, а потому я надеюсь, что мы не узнаем этого никогда. А сейчас мы можем просто помнить, каким тяжелым трудом далась наша спокойная жизнь. И, самое главное, ценить это.